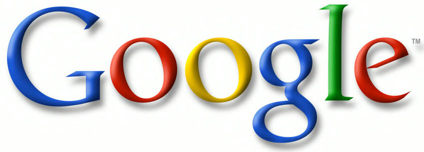

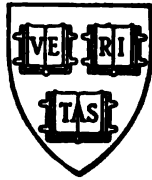
VE
RI
TAS

П. Струве.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

КЪ ВОПРОСУ

ОБЪ

ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1894.

П. Струве.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

КЪ ВОПРОСУ

ОБЪ

ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ РОССІИ.

ВЫПУСКЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1894.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ настоящія «Критическія Замѣтки», авторъ вполнѣ сознаетъ крупные матеріальные и формальные недостатки своей работы. Но онъ не могъ иначе выполнить поставленную себѣ задачу. Стройному соціологическому міровоззрѣнію, традиціонно господствующему въ нашей прогрессивной литературѣ, цѣлой системѣ догматовъ экономической политики нельзя было противопоставить простое изслѣдованіе какой-нибудь одной стороны нашей хозяйственной жизни, хотя бы это изслѣдованіе и велось съ совершенно новой точки зрѣнія, освѣщалось бы новыми общими взглядами. Необходимо было избрать другой путь: для раскрытія самыхъ основъ разногласія лучшимъ способомъ было выясненіе ихъ путемъ полемики. Полемика эта, являясь принципіальной, очень часто не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ простымъ противопоставленіемъ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, такъ какъ **contra principia negantem disputari non potest.**

Уклониться же вообще отъ выполненія той задачи, которую преслѣдуетъ такая полемика, ав-

торъ не считалъ для себя возможнымъ. Онъ предпочелъ принять на себя всяческіе упреки въ смѣлости сужденій, въ поверхностности, въ трактованіи слишкомъ общихъ вопросовъ и т. д., чѣмъ молчать, когда убѣжденіе заставляетъ высказываться. Форма книги опредѣлилась исключительно невозможностью найти для еретическихъ мыслей автора журнальный пріютъ.

Помимо недостатковъ, тѣсно связанныхъ съ полемическимъ характеромъ работы и съ необходимостью поставить вопросъ во всей его широтѣ, цѣлый рядъ условій сложился весьма неблагопріятно для «Замѣтокъ». Къ сожалѣнію, писать ихъ приходилось только урывками, и, что̀ еще хуже, такъ же печатать. Съ другой стороны, полемическій характеръ работы заставлялъ торопиться съ ней. Вслѣдствіе того, что печатаніе началось довольно давно, нѣкоторыя вновь появившіяся работы и статьи не могли уже быть приняты во вниманіе.

Въ книгѣ очень много цитатъ. Авторъ не считалъ вовсе нужнымъ пересказывать чужія мысли своими словами и быть, такимъ образомъ, оригинальнымъ на чужой счетъ. Къ тому же ему важно было постоянно указывать на отношеніе защищаемыхъ имъ взглядовъ къ существующимъ литературнымъ теченіямъ, какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Автору думается, однако, что знакомство съ литературой и обильное цитированіе разныхъ писателей не даетъ еще основанія считать его не самостоятельнымъ въ его выводахъ. Примыкая по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ къ совершен-

но опредѣлившимся въ литературѣ взглядамъ, онъ нисколько не считалъ себя связаннымъ буквой и кодексомъ какой-нибудь доктрины. Ортодоксіей онъ не зараженъ, если только подъ ортодоксіей не разумѣть стремленія къ послѣдовательному мышленію.

Признавая, что фактическая сторона многихъ явленій нашей хозяйственной жизни достаточно уже выяснена, авторъ, въ чисто экономической части своихъ замѣтокъ, не занялся новой разработкой имѣющагося статистическаго матеріала, а сдѣлалъ попытку дать теоретическое освѣщеніе уже извѣстнымъ фактамъ. Нѣкоторые вопросы, по мнѣнію автора, вовсе *не могутъ быть рѣшены* при помощи статистики. Выводы же, сдѣланные изъ сопоставленія сомнительныхъ или прямо никуда негодныхъ статистическихъ цыфръ, для автора гораздо менѣе убѣдительны, чѣмъ чисто «дедуктивные» выводы изъ совершенно безспорныхъ, общечеловѣческимъ опытомъ установленныхъ, посылокъ. Въ этомъ смыслѣ авторъ охотно признаетъ себя «доктринеромъ».

Одну мысль, отразившуюся и въ самомъ текстѣ, автору хочется особенно подчеркнуть здѣсь. По его мнѣнію, для пониманія нашего по-реформеннаго хозяйства необходимо прежде всего изученіе хозяйства до-реформеннаго. Общераспространенные въ публикѣ и нерѣдко высказываемые въ литературѣ взгляды на весь экономическій строй Россіи до реформы 1861 г. и, въ частности, на хозяйственное положеніе крестьянъ въ эту эпоху не могутъ выдержать самаго слабаго при-

косновенія исторической критики. Матеріалъ для изученія нашего крѣпостного хозяйства довольно великъ и почти совершенно не тронутъ научной разработкой. Между тѣмъ, повторяю: только пониманіе того экономическаго строя, ликвидація котораго *началась* 19-го февраля 1861 г., можетъ пролить полный свѣтъ на экономическія явленія современности. Быть можетъ, тогда выяснится, что тѣ бѣды, которыя теперь принято считать специфическимъ порожденіемъ капитализма, являются историческимъ наслѣдіемъ «народнаго производства», — экономическая категорія, въ переводѣ на общепринятый юридическій языкъ означающая: крѣпостное право.

П. Струве.

С.-Петербургъ.
23-го іюня 1894 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Къ характеристикѣ соціологическихъ идей народничества.

I. Народничество, какъ теорія самобытнаго экономическаго развитія Россіи. Два источника народничества и двѣ его фракціи—западническая и славянофильская.—II. Миртовъ. Его ученіе о личности. Михайловскій и его взгляды. Южаковъ—послѣдователь Михайловскаго и въ то же время—націоналистъ.—III. Славянофильская группа. Отсутствіе у большинства ея представителей соціологическихъ обобщеній. Юзовъ.—IV. В. В. и В. С. Пругавинъ. В. В.—не матеріалистъ, а идеалистъ. Критика нѣкоторыхъ его взглядовъ.—V. Краткое повтореніе всего сказаннаго о народничествѣ. Западничество и необходимый его метаморфозъ.

I.

„Народничество“ занимаетъ очень крупное мѣсто въ исторіи русской общественной мысли: оно было самымъ вліятельнымъ міровоззрѣніемъ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ и породило огромную литературу. Авторъ ни малѣйшимъ образомъ не претендуетъ на сколько нибудь полное, исчерпывающее знакомство съ этой литературой; онъ обратился къ ней и изучалъ ее преимущественно съ точки зрѣнія публицистической, не останавливался на историко-литературныхъ деталяхъ, не „рылся“ въ старыхъ изданіяхъ, а стремился только ясно схватить основныя идеи изучаемой доктрины. Пристальное историко-литературное изученіе ея онъ

предоставляетъ спеціалистамъ по части „исторіи идей" и искренно желаетъ будущему историку замѣчательнѣйшаго общественно-литературнаго явленія русской жизни во второй половинѣ XIX вѣка сочетать въ себѣ добросовѣстность и безпристрастіе объективнаго изслѣдователя съ литературнымъ талантомъ Тэна.

Теорія самобытнаго *экономическаго* развитія Россіи или просто вѣра въ такое развитіе составляетъ сущность того направленія, представителей котораго—несмотря на всѣ различія во взглядахъ на тѣ или другіе частные (иногда очень важные) вопросы—можно объединить подъ общимъ именемъ народничества. Эта теорія имѣетъ *два* основныхъ источника: 1) опредѣленное ученіе о роли личности въ историческомъ прецессѣ и 2) непосредственное убѣжденіе въ специфическомъ національномъ характерѣ и духѣ русскаго народа и въ особенныхъ его историческихъ судьбахъ [1]). На *первое* опираются тѣ представители „народничества", которые составляютъ, такъ сказать, его западническую фракцію. *Второе* есть основа всей теоретической постройки славянофильской группы народниковъ—если вообще можно говорить о какой-либо теоріи у ея представителей.

Западническая группа [2]) выступила въ то время, когда „утратили всякій (?) смыслъ славянофильство и за-

---

[1]) Мы не считаемъ нужнымъ особенно подчеркивать, что для народничества характерны вполнѣ опредѣленные соціальные идеалы. Это само собой подразумѣвается во всемъ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Характеристику народничества, какъ чисто экономическаго міровоззрѣнія, мы, какъ увидитъ читатель, дадимъ ниже.

[2]) Мы хорошо знаемъ, что одинъ изъ ея главныхъ представителей, г. Михайловскій, не признаетъ себя народникомъ и *вполнѣ справедливо* отдѣляетъ себя отъ г. В. В. и другихъ народниковъ par excellence. Тѣмъ не менѣе, *въ нашемъ смыслѣ* онъ—народникъ.

падничество" (Михайловскій, Сочиненія III, 2, стр. 243). „Не въ пошломъ эклектизмѣ было дѣло; не то, чтобы явилась надобность или обнаружилось поползновеніе примирить эти два по существу своему непримиримыя ученія. Нѣтъ, надлежало покончить съ самымъ основаніемъ той и другой доктрины, просто выкинуть его изъ счета. Сообразно этому получилось вполнѣ свободное отношеніе къ Европѣ, къ выработаннымъ ею теоріямъ, къ ея исторіи, къ ея надеждамъ и разочарованіямъ, „къ началамъ русскаго народнаго быта", о которыхъ такъ много толковали славянофилы, образовалось, такъ сказать, новое высшее судилище, передъ которымъ „европейское" и „русское", „національное" не имѣли сами по себѣ никакого ровно значенія, ни положительнаго, ни отрицательнаго" (тамъ же) [1]).

Основоположникомъ западнической группы былъ авторъ „Критики философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія", но на его взглядахъ мы, по разнымъ причинамъ, не считаемъ возможнымъ здѣсь останавливаться и переходимъ прямо къ ученію о личности, выставленному Миртовымъ и воспринятому г. Михайловскимъ.

[1]) «Тотъ оттѣнокъ литературы, къ которому принадлежалъ Шелгуновъ и которому и понынѣ, главнымъ образомъ, усваивается названіе литературы шестидесятыхъ годовъ, этотъ оттѣнокъ никогда не впадалъ въ крайности западничества и славянофильства. Въ принципѣ онъ устранилъ обѣ эти крайности, а если и по сейчасъ можно услышать разговоръ о нихъ, какъ о живыхъ темахъ, то въ этомъ виноватъ все тотъ же обрывистый ходъ нашего умственнаго развитія, мѣшающій прочному установленію какихъ бы то ни было традицій. Можно довольно часто встрѣтить въ нынѣшней нашей печати утвержденіе, что литература шестидесятыхъ годовъ была западнической. Это—заблужденіе, зависящее не отъ непониманія, потому что дѣло слишкомъ ясно, а отъ незнанія: люди просто не знаютъ того, о чемъ они говорятъ». (Михайловскій, Предисловіе къ сочиненіямъ Шелгунова, XXXIX).

II.

То русло народничества, которое съ самаго начала оказалось гораздо болѣе сродни западничеству, чѣмъ славянофильству, дѣйствительно обнаружило „вполнѣ свободное отношеніе къ Европѣ... а равно и къ Россіи“.

Оно занялось построеніемъ соціологическихъ теорій и выдвинуло на этомъ поприщѣ такіе крупные таланты, какъ Миртова и г. Михайловскаго. Если мы сказали, что это направленіе представляетъ западническую фракцію народничества, то это опредѣленіе слѣдуетъ понимать *cum grano salis*. Дѣло въ томъ, что, отвергнувъ славянофильскую мистику, эта группа въ то же время стала подсмѣиваться надъ „единствомъ цивилизаціи“. Г. Пыпинъ для г. Михайловскаго баронъ Грюнвальюсъ, сидящій передъ зàмкомъ прекрасной дѣвы Амаліи, „единствомъ цивилизаціи“ (Михайловскій, III, 2, 249—253).

„Свободное отношеніе“ къ Россіи и Европѣ выразилось въ созданіи соціологической теоріи, въ которой нашли себѣ мѣсто *желательные* (для авторовъ теоріи, конечно) элементы и той, и другой, все же прочее (въ томъ числѣ и несимпатичныя стороны „единства цивилизаціи“) было отброшено.

Для новой теоріи было подхвачено выставленное Контомъ, *авторомъ „Позитивной политики“*, неудачное методологическое понятіе „субъективнаго метода“. На немъ мы не станемъ здѣсь останавливаться, а попытаемся прямо изложить сущность самой теоріи, которую въ двухъ словахъ можно охарактеризовать, какъ „субъективный идеализмъ“ [1]).

[1]) Конечно, нечего здѣсь особенно объяснять читателю различіе между «субъективнымъ идеализмомъ» Миртова и г. Михайловскаго и тѣмъ направленіемъ, которое въ *исторіи философіи* подъ этимъ названіемъ противополагается *объективному идеализму*. Представителемъ

Съ точки зрѣнія автора „Историческихъ Писемъ“ [1]), творцомъ прогресса является критически мыслящая личность. „Какъ ни малъ прогрессъ человѣчества, но и то, что есть, лежитъ исключительно на критически мыслящихъ личностяхъ; безъ нихъ онъ безусловно невозможенъ; безъ ихъ стремленія распространить его онъ крайне непроченъ“. Сѣмя прогресса—идея, зарождающаяся въ мозгу личности. „Всякій критически мыслящій можетъ осуществлять прогрессъ въ человѣчествѣ“. „Если вашего таланта и знанія хватило на то, чтобы критически отнестись къ существующему, сознать потребность прогресса, то вашего таланта и знанія достаточно, чтобы эту критику, это сознаніе воплотить въ жизнь“. Исторію дѣлали „одинокія борющіяся личности“. „Личности создали исторію“. „Что сказать объ условіяхъ нравственнаго развитія личности?“ спрашиваетъ Миртовъ „Такъ какъ объ убѣжденіяхъ можно говорить въ кругу людей, выработавшихъ въ себѣ способность критически мыслить, то и условія нравственнаго развитія существуютъ лишь для этой маленькой группы“. Такимъ образомъ, нравственныя убѣжденія и нравственное развитіе—съ точки зрѣнія Миртова—являются только тамъ, гдѣ работаетъ критическая мысль. Что нравственность есть сложный продуктъ взаимодѣйствія между личностью и обществомъ, что она плодъ прежде всего *коллективнаго*, *безсознательнаго* или полусознательнаго, творчества — эти представленія какъ бы чужды Миртову. Всѣ несчастія и несправедливости, которыхъ такъ много

перваго въ развитіи западной философской мысли является, какъ извѣстно, Фихте, второго—Шеллингъ и Гегель.

[1]) Мы не указываемъ страницъ «И. П.», такъ какъ они давно уже вышли изъ обращенія, и мы сами должны были пользоваться экземпляромъ «Недѣли» за 1868 г.

въ исторіи, происходятъ — по взгляду Миртова — отъ недостаточнаго вліянія на жизнь критической мысли, отъ недостаточнаго пониманія правильныхъ началъ общественнаго строя; отсюда вытекаетъ, что достаточно познать, въ чемъ справедливость и прогрессъ, для того, чтобы осуществить ихъ. Выражающаяся въ изложенномъ нами ученіи Миртова почти безграничная вѣра въ человѣческую мысль, въ разумъ, поразительно напоминаетъ философскія идеи XVIII в. Это сходство бросается въ глаза, и г. Карѣевъ [1]) справедливо говоритъ, что „И. П. стоятъ на односторонней точкѣ зрѣнія XVIII в.". Ему же удалось, на основаніи другихъ статей Миртова, показать, что этотъ писатель не могъ удержаться на своей крайне субъективно-идеалистической точкѣ зрѣнія. Онъ долженъ былъ признать, что „*все въ личности есть неизбѣжное слѣдствіе предшествующихъ причинъ*. Неизбѣжные законы физики, химіи, физіологіи и психологіи господствуютъ надъ человѣкомъ въ каждое мгновеніе его бытія. Климатическія данныя, преемства расы, культурныя привычки общества, его окружавшаго, преданія и вѣрованія, передаваемыя ему съ дѣтства, составляютъ *неотвратимую* обстановку, проникающую своимъ вліяніемъ во всѣ поры человѣка, обусловливающую всякое его физическое и нравственное движеніе. Наконецъ, вѣчная борьба теоретическихъ и практическихъ міросозерцаній, кипящая въ обществѣ, вѣчное столкновеніе экономическихъ интересовъ бросаетъ развивающагося человѣка въ рядъ той или другой партіи, возбуждаетъ въ немъ самостоятельную личность, опредѣляетъ размѣръ его знаній, твердость его убѣжденій,

[1]) Сущность истор. процесса и роль личности въ исторіи. Спб. 1890, стр. 91.

энергію его характера, округляетъ его міросозерцаніе и обособляетъ его жизнь въ жизни его современниковъ. *Наука исторіи начинается лишь съ усвоенія этого подчиненія личности общимъ законамъ личной и общественной жизни*. . . . .

. . . .

Неизмѣнность закона въ разнообразіи явленій, *неизбѣжность факта*[1]), какъ слѣдствія предшествующихъ причинъ, слѣдовательно, исчезаніе (?) самостоятельности причинъ и слѣдствій, это—первое слово науки во всѣхъ сферахъ, въ исторіи, какъ въ химіи" [2]).

Тѣмъ не менѣе, Миртовъ въ „И. П." отдалъ столь обильную дань субъективному идеализму, такъ проникся вѣрой въ силу критически мыслящей личности, что *это пониманіе вещей* и *это настроеніе* должны быть признаны гораздо болѣе характерными для его духовной физіономіи, чѣмъ признаніе „неизбѣжности факта, какъ слѣдствія предшествующихъ причинъ" и т. п. При оцѣнкѣ текущихъ событій эти двѣ точки зрѣнія безусловно исключали другъ друга, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ г. Михайловскій. Этотъ писатель хотя и писалъ очень много на соціологическія темы, *нигдѣ* не далъ вполнѣ ясной теоретической формулировки своего пониманія „сущности историческаго прогресса". Это пониманіе мы должны вычитывать по преимуществу изъ *тѣхъ мѣстъ* многочисленныхъ статей г. Михайловскаго, которыя трактуютъ такъ или иначе объ *экономическомъ развитіи Россіи*.

Въ блестящихъ статьяхъ „Десница и шуйца гр. Толстаго" г. Михайловскій, отзываясь съ сочувствіемъ о

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Цитировано у Карѣева (1. с. 89—90). Ср. также «Формула прогресса г. Михайловскаго «Отеч. Зап. т. CLXXXVIII отд. II, 240.

мысляхъ, изложенныхъ Толстымъ въ извѣстной статьѣ „Прогрессъ и опредѣленіе образованія", говоритъ: „человѣкъ, будучи обязанъ признать всякое историческое явленіе законосообразнымъ, имѣетъ, однако, логическое и нравственное право бороться съ нимъ, признавая его пагубнымъ, вреднымъ, безнравственнымъ. Отсюда прямой выводъ, что историческій ходъ событій самъ по себѣ совершенно безсмысленъ и взятый въ своей грубой эмпирической цѣлости, можетъ оказаться такимъ смѣшеніемъ добра и зла, что послѣднее перевѣситъ первое. Гр. Толстой дѣлаетъ этотъ выводъ. Онъ не только подвергаетъ осмѣянію афоризмъ „что исторично, то разумно", но, кромѣ того, довольно подробно анализируя ходячее понятіе прогресса, приходитъ къ заключенію, что историческій путь, которымъ идетъ западная Европа и на который, сравнительно недавно, вступила Россія, отнюдь не усыпанъ розами. Гр. Толстой полагаетъ далѣе, что этотъ путь развитія не есть единственный и что онъ можетъ и долженъ быть избѣгнутъ (Михайловскій III, 1, 203)".

„Не отрицая законовъ исторіи, онъ (Толстой) провозглашаетъ право нравственнаго суда надъ исторіей, право личности судить объ историческихъ явленіяхъ не только какъ о звеньяхъ цѣпи причинъ и слѣдствій, но и какъ о фактахъ, соотвѣтствующихъ или несоотвѣтствующихъ ея, личности, идеаламъ. Право нравственнаго суда есть вмѣстѣ съ тѣмъ и право вмѣшательства въ ходъ событій, которому соотвѣтствуетъ обязанность отвѣчать за свою дѣятельность. *Живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. Она*, а не какая-нибудь мистическая сила *ставитъ цѣли въ исторіи и движетъ къ нимъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ ей стихійными*

силами природы и историческихъ условій" (ibidem 208—209, ср. также 235, 276 и 281, гдѣ говорится о „неразумности и нецѣлесообразности историческаго хода событій" [1]).

„Современный экономическій порядокъ въ Европѣ началъ складываться еще тогда, когда наука, завѣдующая (?) этимъ кругомъ явленій, не существовала и когда нравственныя идеи были крайне грубаго свойства. Вслѣдствіе этого европейская жизнь складывалась почти такъ же безсмысленно и безнравственно, какъ въ природѣ течетъ рѣка или растетъ дерево. Рѣка течетъ по направленію наименьшаго сопротивленія, смываетъ то, что можетъ смыть, будь это алмазная копь, огибаетъ то, чего смыть не можетъ, будь это навозная куча. Шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы устраиваются по иниціативѣ человѣческаго разума и чувства. Этотъ разумъ и это чувство, можно сказать, не присутствовали (?) при возникновеніи современнаго экономическаго порядка въ Европѣ. Они были въ зачаточномъ состояніи и воздѣйствіе ихъ на естественный стихійный ходъ вещей было ничтожно. Конечно, люди всегда старались такъ или иначе повліять на ходъ вещей. Но они руководствовались при этомъ указаніями самаго скуднаго опыта и самыми грубыми интересами; и понятно, что только въ высшей степени рѣдко эти руководители могли случайно натолкнуть на путь, указываемый современною наукою и современными нравственными идеями. Такое совпаденіе, хотя оно и случалось, было въ своемъ родѣ чудомъ, рѣдчайшимъ исключеніемъ изъ общаго правила" (II, 90).

Въ другомъ мѣстѣ (II, 27) нашъ авторъ „отъ души

[1]) Курсивъ нашъ.

привѣтствуетъ" слѣдующія „энергическія слова" г. Яковлева:

„Освобожденіе крестьянъ съ землей сдѣлало Россію въ соціальномъ смыслѣ tabula rasa, на которой еще открыта возможность написать ту или другую будущность. Эта возможность начать съ начала, положить зародышъ будущаго развитія, возлагаетъ на представителей умственной жизни въ Россіи широкую задачу: руководствуясь опытомъ другихъ странъ, избѣжать тѣхъ ошибокъ, исправленіе которыхъ теперь составляетъ тамъ заботу всѣхъ передовыхъ дѣятелей. Важность этой задачи, выпавшей на долю дѣйствующихъ поколѣній, требуетъ отъ нихъ напряженія всѣхъ умственныхъ силъ, самой добросовѣстной работы, не допускающей никакихъ предвзятыхъ идей, никакого обезьянничества. Все сдѣланное теперь отзовется на всей будущей жизни Россіи; всякій промахъ, всякое легкомысленное рѣшеніе падетъ тяжелымъ проклятіемъ на теперешнее поколѣніе". (А. В. Яковлевъ, „Ассоціація и артель", 300).

„Что *ходъ вещей, неруководимый свѣтомъ науки*, привелъ старую Европу къ бѣдствіямъ—это понятно. Но мы только-что начинаемъ жить теперь, когда наука уже обладаетъ и нѣкоторыми истинами и нѣкоторымъ авторитетомъ"[1]) и потому, съ точки зрѣнія г. Михайловскаго, мы можемъ устроить свою жизнь вполнѣ lege artis. Мы бы могли привести изъ „Сочиненій" г. Михайловскаго еще нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ выражается то же самое пониманіе историческаго процесса. По этому взгляду историческій процессъ „законосообразенъ", но въ то же время не существуетъ *непреодолимыхъ* [2]) историческихъ

---

[1]) Сочиненіе II (изд. 2-ое) 105. Курсивъ нашъ.

[2]) Нѣмецъ употребилъ бы тутъ слово «zwingend».

тенденцій, которыя, какъ таковыя, должны служить съ одной стороны исходнымъ пунктомъ, съ другой—обязательными границами для цѣлесообразной дѣятельности личности и общественныхъ группъ. *Личность все можетъ* въ томъ смыслѣ, что для нея не существуетъ соціологической необходимости. Россія только начинаетъ (вѣдь, она tabula rasa!) свое экономическое развитіе, а мы, критически мыслящія личности, критически мыслящая интеллигенція, уже озарены свѣтомъ науки и мы можемъ и сохранить народный „*типъ развитія*" и поднять его на высшую *ступень развитія*. Этотъ „типъ развитія"— принадлежность производителю орудій производства, „экономическая самостоятельность" личности является, какъ мы увидимъ дальше, альфой и омегой экономическаго символа вѣры всѣхъ народниковъ безъ исключенія.

Къ Миртову и г. Михайловскому примыкаетъ по своимъ соціологическимъ воззрѣніямъ и г. Южаковъ. „Ходъ общественнаго процесса,—говоритъ этотъ писатель въ своихъ „Соціологическихъ этюдахъ",—въ общихъ чертахъ слѣдующій: вся совокупность общественныхъ условій вырабатываетъ личности, этотъ единственный *активный* элементъ общества; извѣстная частная совокупность общественныхъ условій въ данный моментъ производитъ въ личности, въ этомъ продуктѣ всего предыдущаго состоянія среды, рядъ настроенностей и потребностей; эти настроенности и потребности, переходя въ дѣйствіе, порождаютъ рядъ общественныхъ явленій; дѣйствія всѣхъ личностей даннаго общества производятъ всю совокупность общественныхъ явленій слѣдующаго момента (27, ср. также стр. 25).

Затѣмъ слѣдуетъ дальнѣйшее развитіе той же мысли, но, къ сожалѣнію, пышность словъ не сопровождается

тутъ ясностью мыслей. Такое положеніе, какъ, напр., „среда создается жизнью, а жизнь преобразуется подъ вліяніемъ среды“, быть можетъ, звучитъ очень научно, на самомъ же дѣлѣ лишено всякаго содержанія. Погоня за обобщеніями, свободными отъ реальнаго содержанія, приводитъ г. Южакова къ довольно страннымъ мыслямъ. „Что именно въ (такомъ) взаимодѣйствіи личной дѣятельности и созданной ею среды выражается соціальный процессъ, давно уже признано для опредѣленныхъ явленій среды; *такъ, трудъ и капиталъ въ экономическомъ развитіи*“. и т. д. (Курсивъ нашъ, примѣчаніе къ стр. 28 „Соціологическихъ этюдовъ“). И это говорится о капиталѣ послѣ Маркса и Родбертуса писателемъ, которому, вѣроятно, извѣстны изслѣдованія и того и другого! Почему *присвоеніе* прибавочной стоимости (Plusmacherei) имѣетъ меньше правъ на титулъ личной дѣятельности, чѣмъ *производство* прибавочной стоимости? Далѣе г. Южаковымъ провозглашается очень характерная, въ особенности для автора, считающаго себя объективистомъ, „наглядная несообразность“. „Сила, создающая соціальныя условія, сама почти всецѣло обусловлена этими условіями, такъ что вообще, не дѣлая грубой ошибки, на *практикѣ* (курсивъ нашъ) можно разсматривать соціальныя условія, какъ продуктъ предыдущихъ соціальныхъ условій; но теоретически такое представленіе невѣрно, потому что, какъ бы ни была обусловлена соціальной средой дѣятельность личностей, все же она, и ничто другое, создаетъ эту среду. Теоретическая важность этой истины опредѣляется не только тѣмъ, что только ею связывается жизненный процессъ вообще съ процессомъ общественной жизни, но и по многимъ другимъ важнымъ послѣдствіямъ“ (стр. 29). Нечего, пови-

димому, настаивать на томъ, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ, да иначе и быть не можетъ, если только словамъ „практика" и „теорія" мы вообще придаемъ какой-нибудь опредѣленный смыслъ. На *практикѣ* намъ (личности) совершенно безразлично, чѣмъ, находящимся внѣ насъ, опредѣляются наши мотивы и дѣйствія; *теорія* ищетъ *причинъ* и потому-то она должна восходить отъ „личности" къ „соціальной средѣ". Вообще же, хотя г. Южаковъ постоянно напираетъ на „весьма важную теорему соціологіи", „что общество основано (??) на личностяхъ и что развитіе общества совершается не иначе, какъ личностями, чрезъ личности и въ личностяхъ" (стр. 249), мы все таки не знаемъ, что же разумѣетъ онъ подъ личностью: просто-ли экземпляръ человѣческаго рода, „общественный атомъ" (выраженіе г. Южакова), или же индивидуальность[1])? Между тѣмъ, весь споръ имѣетъ смыслъ только при ясномъ опредѣленіи „личности", такъ какъ представители теоріи „безличной эволюціи", конечно, не сомнѣваются въ томъ, что общество состоитъ изъ экземпляровъ вида „homo sapiens".

Однако, какъ ни туманна въ общемъ соціологическая теорія г. Южакова, по публицистическимъ выводамъ изъ нея мы вполнѣ ясно можемъ усмотрѣть близость этой теоріи къ взглядамъ Миртова и г. Михайловскаго. Народничество г. Южакова выливается, также какъ и у г. Михайловскаго, въ формулу: *Народъ и интеллигенція*. Для доказательства мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выписокъ изъ любопытной статьи г. Южакова: „Что такое историческая Россія" („Сѣверный Вѣстникъ", 1886 г., 11-я книга, II-й отд. 165—197 стр.).

---

[1]) Ср. приведенное ниже въ главѣ II опредѣленіе г. Карѣева.

„Самыя справедливыя формы общежитія не могутъ быть неподвижны и должны измѣняться и развиваться, а если критическая и творческая мысль, вооруженная знаніемъ и просвѣщеніемъ, въ процессѣ эволюціи отсутствуетъ, то развитіе будетъ слѣдовать закону органическаго, а не историческаго прогресса, будетъ непремѣнно дифференцированіемъ и интеграціей“ (стр. 190).

„Вдалекѣ отъ народной Россіи, пытавшейся дать культурѣ прогрессивныя основы въ сферѣ экономической и политической, но неспособной достичь этого, благодаря (?) необходимости дать единовременно (если не раньше того) прогрессивный характеръ и умственной жизни, вдалекѣ отъ этой народной Россіи зародилась подъ вліяніемъ петровской реформы новая интеллигентная Россія, мыслящая и изслѣдующая, накопляющая знанія и идеи. Медленно шло это возрожденіе критической творческой мысли, просвѣщенія и умственной жизни, а покуда, подъ охраною консервативной силы, созданной тою же реформою, органическіе процессы творили свое пагубное дѣло, продолжая развитіе по *органическому* пути, намѣченному московскимъ режимомъ“ (стр. 191).

„Теперь, когда крѣпостное право уничтожено, сословность подорвана въ корнѣ (!), исконныя формы народнаго экономическаго быта получили, хотя неполное, оффиціальное признаніе, а критическая и творческая мысль стала самостоятельнымъ и весьма важнымъ факторомъ національной жизни (?!), нельзя не признать, что мы стоимъ ближе къ до-монгольской Россіи, чѣмъ когда-либо съ XIII-го вѣка“ и т. д. (стр. 192).

„Общенародное сознаніе общественной справедливости, сохранившейся въ формахъ быта и идеалахъ на-

рода съ одной стороны, а съ другой—пульсирующая съ нимъ въ тактъ мысль, уже успѣвшая создать міровую литературу, представляютъ вмѣстѣ взятыя, слишкомъ широкое основаніе, чтобы историческое движеніе могло сильно и надолго отклониться отъ пути, предписываемаго всею историческою жизнью націи. Оффиціальная Россія не есть еще народная, какъ общество не есть еще народъ, но нынѣ между этими терминами безконечно меньшее разстояніе, нежели было еще недавно (не говоря о XVIII-мъ вѣкѣ даже, что тоже не очень давно). Между ними уже есть точки соприкосновенія и сочувствія, нѣкоторое взаимное пониманіе. Я не принадлежу къ числу оптимистовъ и не вижу въ ближайшемъ будущемъ основаній ожидать дальнѣйшаго роста этого сочувствія и пониманія, но я знаю (и послѣ обзора русской исторіи нельзя не знать), что ростъ этотъ есть законъ современной русской исторіи и что историческая Россія, хотя и медленно, вступаетъ въ свои права. . . . . , . . .

. . . .

. . И потому, каковы бы ни были внутреннія настроенія нашего быта, должно помнить, что во внѣ Россія постоянно и неизбѣжно представляетъ принципъ уравнительности и противовѣсъ дифференцированію" (стр. 193).

Дальше у г. Южакова фигурируютъ „мужицкіе ходаки" Галиціи и Хоросана, направляющіеся въ Петербургъ. Эти „мужики", какъ и вообще все *націоналистическое*, принадлежатъ лично г. Южакову и справедливость обязываетъ насъ сказать, что г. Михайловскому всякій націонализмъ былъ всегда совершенно чуждъ. Ему принадлежатъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ

новый историческій путь, особливый отъ европейскаго, причемъ опять-таки для насъ важно не то было, чтобы это былъ какой-то національный путь, а чтобы онъ былъ путь хорошій, а хорошимъ мы признавали путь сознательной, практической пригонки національной физіономіи къ интересамъ народа. Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своею многочисленностью, возьмутъ на себя почннъ проложенія этого пути. Это была возможность. Теоретическою возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства" („Отечественныя Записки" 1880 № 9. Литерат. Замѣтки 134—135).

Такимъ образомъ, среди представителей народничества г. Михайловскій, такъ сказать, изъ западниковъ— западникъ, но между Западомъ и имъ лежитъ вся его *соціологія*, которую западная жизнь и западная наука давно уже опровергли и надъ которой русская дѣйствительность жестоко надсмѣялась.

Въ то время, какъ г. Михайловскій опредѣленно заявляетъ, что, „будучи поставленъ правильно и во всей своей широтѣ, вопросъ о народной правдѣ обнимаетъ не только русскій народъ, а весь трудящійся людъ всего цивилизованнаго міра" [1]), г. Южаковъ (Вопросы гегемоніи въ концѣ XIX-го вѣка? „Русская Мысль" 1885 г., кн. III-я и IV-я) выясняетъ „русскую идею" и рѣзко противополагаетъ ее тѣмъ явленіямъ западно-

[1]) Отеч. Зап. Т. CCXXXVII. Отд, II. Литерат. Замѣтки 164.

европейской жизни, которыя для г. Михайловскаго тождественны съ „народной правдой“ русскаго народа.

„Герценъ, съ обычной проницательностью, замѣтилъ русское крестьянство, какъ оригинальное культурное явленіе, но не могъ (да по тому времени это и невозможно еще было) разобраться въ его значеніи. Значеніе крестьянства онъ смѣшивалъ съ значеніемъ сельской общины, а сельскую общину не отличалъ отъ западно-европейскаго соціализма“ (Южаковъ, названная статья, стр. 46).

...„Только крестьянство всегда и всюду являлось носителемъ чистой идеи труда. Повидимому, эта же идея вынесена на арену современной исторіи такъ-называемымъ четвертымъ сословіемъ, городскимъ рабочимъ-пролетаріатомъ, но видоизмѣненія, претерпѣнныя ея сущностью, при этомъ такъ значительны, что крестьянинъ едва-ли бы узналъ въ ней обычную основу своего быта. *Право* на трудъ, а не святая *обязанность* труда, обязанность въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой; затѣмъ, выдѣленіе труда и вознагражденіе за него, вся эта агитація о справедливомъ вознагражденіи за трудъ, какъ будто не самъ трудъ въ плодахъ своихъ создаетъ это вознагражденіе[1]); дифференцированіе труда отъ жизни въ какую-то отвлеченную (?!) категорію, изображаемую столькими-то часами пребыванія на фабрикѣ, не имѣющую никакого иного (?!) отношенія, никакой связи съ повседневными интересами работника; наконецъ, отсутствіе осѣдлости, домашняго, созданнаго трудомъ очага измѣнчивость поприща труда,—все это совершенно чуждо идеѣ крестьянскаго труда. Трудовой, отъ отцовъ и дѣдовъ завѣщанный очагъ, трудъ, проникающій своими

[1]) Что это: sancta simplicitas или нѣчто иное?

интересами всю жизнь и строющій ея мораль, любовь къ политой пôтомъ многихъ поколѣній нивѣ,—все это, составляющее неотъемлемую отличительную черту крестьянскаго быта, совершенно незнакомо рабочему пролетаріату, а потому въ то время, какъ жизнь послѣдняго, хотя и трудовая, строится на морали буржуазной (индивидуалистической и опирающейся на принципъ пріобрѣтеннаго права), а въ лучшемъ случаѣ отвлеченно-философской, въ основѣ крестьянской морали лежитъ именно трудъ, его логика, его требованія" (стр. 50—51).

То же самое, въ сущности, противопоставленіе русской идеи и формы труда—западно-европейской, мы встрѣчаемъ и у г. В. В., въ его послѣдней книгѣ „Наши направленія" (о чемъ рѣчь будетъ впереди, въ главѣ V-й).

Такимъ образомъ, г. Южаковъ съ полной ясностью *документируетъ славянофильскіе корни народничества*, хотя, согласно избранному нами *критерію* и основанной на немъ терминологіи, мы относимъ его *къ народникамъ-западникамъ*.

Послѣ всего сказаннаго совершенно очевидно, что та группа народничества, главными теоретическими представителями которой являются Миртовъ и г. Михайловскій, удѣляетъ важную роль интеллигенціи въ дѣлѣ направленія историческаго потока по „желательному" руслу. Безъ интеллигенціи народъ не сохранитъ своего *„типа развитія"* и не подыметъ его *на высшую ступень*. Эти западники среди народниковъ, рядомъ съ „народными началами" и „формами", признаютъ, въ качествѣ *необходимаго* элемента прогрессивнаго развитія, и критически мыслящую интеллигенцію, духовное родство которой съ

„лучшими“ элементами западно-европейской культуры нисколько не отрицается. А для славянофиловъ народничества все исчерпывается „народными началами“ и „формами“; для нихъ народъ есть единственная и самодовлѣющая прогрессивная сила.

III.

Славянофильская группа не выставила—если не считать Юзова и В. С. Пругавина—никакихъ соціологическихъ обобщеній. Исходя изъ представленія о розни между интеллигенціей и народомъ, она пришла къ выводу, который г. Протопоповъ резюмируетъ такъ: „все для народа, все чрезъ народъ, все у народа, все къ народу, все изъ народа, нѣтъ ничего, кромѣ народа“ („Русская Мысль“ 1891, май, 121). Этотъ выводъ, быть можетъ, имѣетъ какой - нибудь практическій смыслъ (утопить интеллигенцію въ народѣ!): *соціологическаго* смысла и значенія онъ совершенно лишенъ.

На ученіи Юзова мы не станемъ здѣсь останавливаться. Этотъ крайній представитель народничества—онъ же антисемитъ и проч.—интересенъ, по преимуществу, какъ поучительный примѣръ, показывающій, какіе плачевные плоды можетъ принести слишкомъ свободное отношеніе къ западной жизни и западной наукѣ.

Но, если Златовратскій и вообще тѣ народники, взгляды которыхъ могутъ быть резюмированы въ возгласѣ: „на колѣни интеллигенція передъ народомъ!“ свободны отъ всякой теоріи, если теоретическія идеи Юзова близки, съ одной стороны, къ субъективному идеализму, съ другой—къ теоріи (если тутъ можно говорить о теоріи) „народнаго духа“ и, потому, по существу своему, представляются и мало оригинальными, и съ нашей

точки зрѣнія мало интересными, то сказать то же самое относительно г. В. В. (В. П. Воронцова) и В. С. Пругавина, занимающихъ среди народниковъ своеобразное положеніе, мы отнюдь не можемъ и поэтому должны остановиться на нихъ.

IV.

Г. В. В. до послѣдняго времени являлся въ своемъ родѣ „матеріалистомъ" въ народничествѣ. Въ „Судьбахъ капитализма въ Россіи" онъ не апеллировалъ къ критически-мыслящей интеллигенціи, какъ къ той силѣ, которая направитъ историческій ходъ вещей по правильному и желательному пути, онъ прямо отрицалъ для русскаго капитализма матеріальную возможность развитія. Отсюда понятно, какой интересъ должны представлять соціологическія идеи „народника-матеріалиста". Эти идеи находились если не въ полномъ мракѣ, то во всякомъ случаѣ въ туманѣ до „Попытокъ обоснованія народничества" („Русское Богатство", 1892 [1]). Послѣднія освѣтили ихъ свѣтомъ, правда, довольно страннымъ, но притомъ весьма поучительнымъ. Мы благодарны г. В. В. за это освѣщеніе.

Прежде всего г. В. В. совершенно ясно обнаружилъ, что его соціологическій матеріализмъ вовсе не идетъ вглубь, на самыхъ коренныхъ пунктахъ рѣшительно уступая идеализму. Г-нъ В. В. прямо полемизируетъ противъ Пругавина, который оказывается гораздо болѣе послѣдовательнымъ матеріалистомъ. Пругавинъ утверждалъ, что „основой, почвой, на которой развиваются всѣ человѣческія отношенія, являются условія матеріальныя,

[1]) Эти статьи въ измѣненномъ видѣ вышли отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: Наши направленія. Спб. 1893.

экономическія. Характеръ экономическихъ отношеній опредѣляетъ собою характеръ всѣхъ другихъ отношеній человѣческой жизни". „Общественный, соціальный духъ является результатомъ и выраженіемъ общественнаго, соціальнаго строя жизни". А послѣдній опредѣляется „характеромъ отношеній человѣка къ человѣку".

„Въ мірѣ соціальномъ происходитъ не борьба идей, а борьба строя со строемъ". „Разрушьте народный строй—и всѣ восхищающія насъ особенности народной души перейдутъ въ область преданія" [1]).

Г-нъ В. В. не соглашается съ этой матеріалистической точкой зрѣнія, и мы вполнѣ понимаемъ *почему*: онъ чувствуетъ, что принять такую точку зрѣнія и довести ее *безбоязненно послѣдовательно* до крайнихъ выводовъ, значило бы поставить крестъ на всѣхъ лучшихъ упованіяхъ народниковъ. Если Пругавинъ не сдѣлалъ такихъ выводовъ, то только по тому свойству, которое, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчается въ исторіи мысли,—по неспособности довести свою мысль до возможно большей степени ясности и додумать ее до конца.

Г-нъ В. В. совершенно резонно возражаетъ Пругавину: „если такъ, если строй жизни, въ которомъ живетъ человѣкъ, формируетъ его реальное міросозерцаніе, то не очевидно-ли, что наша интеллигенція не можетъ взять на себя задачу оберегать чуждый ей общинный строй народной жизни, и воззванія къ ней со стороны г. Пругавина пропадутъ втунѣ. Или же нужно отвергнуть построенія нашего автора, относящіяся къ взаим-

---

[1]) В. С. Пругавинъ. Русская земельная община въ трудахъ ея мѣстныхъ изслѣдователей. Москва. 1888, стр. 275, 278, 280.

[2]) Матеріализмъ Пругавина носитъ, конечно, очень неопредѣленный и примитивный характеръ.

ной зависимости психической жизни человѣка и окружающей его обстановки". (Р. Б., № 2, стр. 59).

Затѣмъ г. В. В. намѣчаетъ свой собственный взглядъ: „по этимъ воззрѣніямъ (Пругавина), человѣкъ представляетъ изъ себя tabula rasa, на которой внѣшній міръ и выводитъ тѣ или другія письмена; онъ образуетъ гладкую зеркальную поверхность, точно отражающую дѣйствительность, лишь воспринимающую впечатлѣнія, но не перерабатывающую ихъ въ формы новыя, до того неизвѣстныя. Если допустить, что такое представленіе вѣрно рисуетъ человѣка въ его отношеніяхъ къ внѣшней, естественной природѣ (sic!), и всѣ его обобщенія и великіе естественные законы, построенные для объясненія этой природы, признать за одно отраженіе внѣшняго міра, безъ примѣси содержанія, исходящаго извнутри человѣка, то врядъ-ли сказанное приложимо къ соціальнымъ и нравственнымъ воззрѣніямъ индивидовъ, созданнымъ не изъ однихъ только впечатлѣній внѣшняго міра, но и изъ данныхъ внутренней природы человѣка, его чувствъ и потребностей. Пусть интеллектуальная дѣятельность человѣка не создаетъ ничего самостоятельнаго, а лишь открываетъ нити, связывающія разнообразныя явленія и кроющіяся за пестрымъ калейдоскопомъ конкретныхъ фактовъ. Но если эта дѣятельность направлена на область явленій, элементами которой, кромѣ внѣшнихъ силъ, служатъ еще чувства и потребности человѣка, то, очевидно, что ея построенія не будутъ обязательно совпадать съ отношеніями, сложившимися во внѣ. Эти отношенія будутъ комбинированы съ данными внутренней природы человѣка, чувство и потребности послѣдняго войдутъ какъ элементы построенія на ряду съ явленіями соціальнаго міра, и въ результатѣ

получится представленіе, не соотвѣтствующее внѣшнимъ формамъ, такъ какъ оно есть результатъ взаимодѣйствія внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній; соціальныя воззрѣнія, выработанныя такимъ образомъ, уже не будутъ отраженіемъ бытового строя, въ какомъ живетъ человѣкъ; они образуютъ систему новаго, желательнаго, идеальнаго строя, не совпадающаго съ отношеніями дѣйствительнаго, реальнаго".

„Способность человѣка строить идеальныя представленія и понятія, имѣющія весьма мало общаго съ окружающей обстановкой,—способность, основанная на существованіи въ психической природѣ человѣка извѣстныхъ потребностей, нравственныхъ чувствъ и т. п., свойственныхъ ему не какъ представителю бытового строя, его окружающаго, а какъ біологической формѣ homo sapiens, способность, доказываемая тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что идея коллективизма распространилась прежде всего на западѣ Европы и въ тотъ именно періодъ ея исторіи, когда соціальный бытъ укрѣпился на противуположныхъ ему основаніяхъ индивидуализма и личной борьбы за существованіе, эта способность человѣка создавать идеальный строй и имъ руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ окружающему, и служитъ автору невидимой опорой въ его обращеніи къ интеллигенціи за поддержкой народнаго общиннаго строя". (Стр. 59—60).

Не ясно-ли, что матеріалистомъ г. В. В. можно было считать только по недоразумѣнію?

Намъ представляется излишнимъ подробно критиковать здѣсь только-что приведенные взгляды г. В. В., которые никакъ не могутъ быть согласованы съ принципами научнаго познанія; этимъ взглядамъ мы противо-

поставляемъ все содержаніе второй главы нашей работы. Теперь же замѣтимъ только слѣдующее. Признавать въ личности какую-то самопроизвольную, творческую силу, ничѣмъ не обусловленную, значитъ вводить въ соціологію то понятіе, которое Кантъ для того, чтобы спасти фикцію свободы воли, назвалъ „интеллигибельнымъ характеромъ“ въ противуположность детерминированному эмпирическому характеру. „О немъ можно было бы совершенно правильно сказать,—замѣчаетъ Кантъ,—что онъ начинаетъ свои дѣйствія въ чувственномъ мірѣ самопроизвольно“ (von selbst. Kritik der reinen Vernunft, 2-е изд. Kehrbach'а, 434). Но этотъ интеллигибельный характеръ не можетъ, по Канту, никогда быть познанъ (l. c. 433), и когда мы наблюдаемъ человѣка, то для насъ существуетъ только его эмпирическій характеръ (l. c. 440). Конечно, если бы человѣкъ только воспринималъ впечатлѣнія внѣшняго міра, то, другими словами, у него не было бы и воли, которою онъ реагируетъ на эти впечатлѣнія и ощущенія. Въ сознаніи существуютъ и пассивная, и активная сторона, такъ же какъ церебро-спинальная система имѣетъ сенсорныя (чувствительныя) и моторныя (двигательныя) функціи. Но всякая реакція предполагаетъ нѣчто ей предшествующее и ее вызывающее; она всегда чѣмъ-нибудь обусловлена. Существованіе въ сознаніи активнаго элемента, воли, не даетъ никакого права на такую идеалистическую конструкцію, какъ та, которую намъ предлагаетъ г. В. В. Если бы простого указанія на существованіе воли и на различныя отношенія человѣка къ внѣшней природѣ и соціальной средѣ, которая вся слагается изъ чувствованій и волевыхъ актовъ людей, было достаточно для опроверженія соціологическаго матеріализма, то побѣда

идеализма была бы вполнѣ обезпечена. Но и матеріалисты знаютъ, что человѣкъ не только воспринимаетъ впечатлѣнія внѣшняго міра, раздраженія, что онъ на нихъ также реагируетъ. Непріятное ощущеніе онъ стремится устранить, пріятное реализировать... Очень понятно, что капиталистическій строй вызываетъ въ эксплуатируемыхъ массахъ реакцію, выражающуюся въ построеніи коллективистическихъ идеаловъ. Послѣдніе имѣютъ много общаго съ окружающей пролетаріатъ обстановкой, общаго въ данномъ случаѣ не въ логическомъ, а въ психологическомъ или соціологическомъ смыслѣ, единственномъ тутъ умѣстномъ, а именно: коллективистическіе идеалы отрицаютъ эту обстановку. Вотъ, если бы указанные идеалы получили широкое распространеніе въ массѣ предпринимателей, то это былъ бы психологическій казусъ, который, пожалуй, заставилъ бы насъ увѣровать въ соціологическій идеализмъ.

Вообще же надо сказать, что соціологическая теорія г. В. В. обнаруживаетъ такую неясность мысли, такое отсутствіе сколько-нибудь строгаго опредѣленія основныхъ понятій и, въ связи съ этимъ, такое некритическое отношеніе къ ходячимъ терминамъ, что критику этой теоріи пришлось бы начинать съ выясненія самыхъ элементарныхъ методологическихъ понятій и психологическихъ истинъ. Дальнѣйшее изложеніе отчасти покажетъ справедливость такой оцѣнки.

Статья третья „Попытокъ обоснованія народничества" начинается слѣдующимъ соціологическимъ откровеніемъ („Русское Богатство" 1892 г., № 6, 118—119): „давно уже замѣчено, что массамъ народа въ давнопрошедшемъ рисуется золотой вѣкъ, и новѣйшія соціологическія изслѣдованія подтверждаютъ (!?) мысль, что

такое преданіе не можетъ считаться совершенно неосновательнымъ. Пытаясь воспроизвести по даннымъ археологіи (?!) тотъ общественный строй, какой существовалъ на зарѣ исторіи, и наблюдая многія первобытныя общества, до сихъ поръ не вступившія въ историческій періодъ своего существованія, наука дѣйствительно готова признать, что исходной (?) точкой длиннаго пути, пройденнаго человѣчествомъ, были формы общежитія, обезпечивающія индивиду тѣ условія существованія, какихъ онъ тщетно добивается въ настоящее время—экономическое равенство и свободу, отчего и личныя отношенія членовъ общества отличались большей доброжелательностью, а средній индивидъ тогда (въ границахъ своего общаго развитія) нравственно былъ чище, нежели въ настоящее время. Если признать такое заключеніе имѣющимъ долю истины, то слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласиться, что по основнымъ свойствамъ своей природы, человѣкъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ бы пройти историческій путь, не отказываясь отъ основныхъ чертъ первобытнаго строя, покоющагося на началахъ равенства и свободы, а развивая и совершенствуя ихъ дальше. Сказанное служитъ оправданіемъ того факта, что направленіе, принятое исторіей человѣчества въ дѣйствительности, многими считается болѣзненнымъ, патологическимъ; и врядъ-ли можно сомнѣваться, что такой взглядъ не менѣе основателенъ, чѣмъ причисленіе къ области патологіи акта рожденія человѣка, несмотря на всю біологическую его естественность, принимаемего, однако, всѣми, какъ явленіе, могущее окончиться такъ же фатально, какъ и тифъ или другая болѣзнь, и требующее соотвѣтствующихъ мѣръ ухода и помощи".

Мы привели это мѣсто потому, что оно очень характерно не только для г. В. В., но и для всего народничества. У г. В. В. очень популярная мысль о „золотомъ вѣкѣ позади насъ“ выражена въ формѣ въ которой она, конечно, ни на какую научность претендовать не можетъ. Послѣднее „сравненіе“ автора, кстати сказать, можетъ только наводить на мысль, отъ которой народничество всячески открещивается, на мысль, что „боли“, сопровождающія соціальные „роды“ такъ же неизбѣжны какъ и тѣ, которыя сопутствуютъ появленію на свѣтъ особи.

Дальше мы натыкаемся на такую самобытную соціологію, передъ которой всѣ ранѣе высказанные взгляды положительно блѣднѣютъ. „За важнѣйшими мнѣніями на Западѣ стоятъ общественныя силы, *отношеніями между которыми, а не логическими аргументами* и *опредѣляется характеръ измѣненія дѣйствительной жизни* [1])... эти силы выросли органически, обладаютъ, поэтому, творческими задатками, служатъ носителями извѣстныхъ культурныхъ началъ, стремятся сказать свое слово въ органически же развивающейся эпопеѣ національной культуры. А въ послѣднее время въ число культурныхъ силъ входитъ трудящаяся масса, почему во всякомъ случаѣ торжество не могутъ получить мнѣнія, рѣзко противорѣчащія интересамъ большинства. За нѣкоторыми мнѣніями русской интеллигенціи тоже стоятъ, но такія силенки, которыя сами по себѣ рѣшительно ничего не опредѣляютъ, *почему характеръ слѣдующаго нашего шага на пути прогресса въ значительной степени зависитъ отъ случая*“. (Р. Б. № 6, стр. 139) [2]).

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Курсивъ нашъ. Ср. Наши направленія стр. 106.

Бѣдная Россія! Ея шествіе по пути прогресса зависитъ теперь уже не отъ критически мыслящихъ личностей, а „въ значительной степени отъ случая". Бѣдный русскій народъ и его историки, лишенные „органически развивающейся эпопеи національной культуры". Въ Россіи правительство возникло независимо отъ господствующихъ классовъ, „которые могли лишиться привилегированнаго положенія по одному мановенію руки правительства"; въ Россіи—это вытекаетъ изъ всѣхъ разсужденій г. В. В. на стр. 134—136 —нѣтъ „взаимодѣйствія идей и фактовъ"; нѣтъ общественныхъ классовъ [1]).

Такимъ образомъ, Россія жестоко изобижена судьбой: это tabula rasa, на которой кто угодно можетъ написать что угодно и даже чортъ знаетъ что. Извѣстная Салтыковская характеристика Пошехонья, какъ страны случайностей, возведена г. В. В. въ *соціологическую* теорію.

Возражать съ соціологической точки зрѣнія противъ подобной теоріи безполезно: она сама упраздняетъ всякую соціологію и дѣлаетъ всѣ дальнѣйшіе споры излишними.

V.

Подведемъ итоги. Мы говорили выше о западнической и славянофильской фракціяхъ народничества; первую мы видѣли въ лицѣ писателей, апеллирующихъ къ сознательному творчеству критически мыслящей личности, вторую—въ лицѣ авторовъ, главныя свои надежды возлагающихъ на „мірской строй" и „мірской духъ" (Юзовъ: „внутреннія условія, побуждающія насъ и дающія намъ внутреннюю силу итти самобытнымъ путемъ экономическаго развитія" (Основы нар—ва т. I, стр. 447).

[1]) Ср. Наши направленія гл. II, стр. 60—110.

Особое мѣсто занимаютъ Пругавинъ и г. В. В., первый, поскольку онъ матеріалистъ въ пониманіи соціальной эволюціи, послѣдній, по скольку онъ безъ всякаго изумленія констатируетъ господство случая въ русской исторической жизни; во всѣхъ же прочихъ вопросахъ онъ примыкаетъ попеременно то къ западнической группѣ, то къ славянофильской.

Всѣмъ этимъ писателямъ присуща, правда, въ разной степени, вѣра въ возможность „самобытнаго развитія" Россіи. Эта вѣра объединяетъ писателей самаго различнаго склада, отъ г. Михайловскаго до г. Юзова, въ одно направленіе, которому мы присвоиваемъ названіе народничества. Въ этой вѣрѣ—историческая связь между славянофильствомъ и народничествомъ, въ ней же отрицаніе самой основы западничества; вотъ почему мы считаемъ нашъ споръ съ народниками естественнымъ продолженіемъ разногласія между славянофильствомъ и западничествомъ. Послѣднее не могло не слѣдовать за Западомъ [1]). Поэтому *теперь* оно должно иными средствами, совершенно новыми аргументами бороться противъ „самобытности".

Наши народники могутъ возражать намъ прямо фразами самого Чаадаева, но его духъ унаслѣдованъ тѣми, кто признаетъ единство цивилизаціи Россіи и Запада, и дѣлаетъ изъ этой исходной посылки всѣ дальнѣйшіе, хотя бы и *самые горькіе*, выводы.

Обратимся теперь къ совершенно иному міровоз-

---

[1]) Михайловскій когда-то чрезвычайно мѣтко сказалъ, что «мы... играемъ относительно Западной Европы роль кухарки, получающей отъ барыни по наслѣдству старомодныя шляпки» (Сочиненія, т. VI стр. 20). Намъ представляется, что значительная часть соціологическихъ положеній, на которыхъ основывается народничество, относится къ категоріи старыхъ шляпокъ.

зрѣнію, послѣдовательное приложеніе котораго къ русской жизни логически приводитъ къ отрицанію „самобытнаго экономическаго развитія“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Историко-экономическій матеріализмъ.

I. «Личность» и соціологія. Личность (индивидуальность), какъ результатъ процесса общественной дифференціаціи.—II. Идея и фактъ, сознаніе и бытіе. Метафизическая внѣшность экономическаго матеріализма.—III. Непониманіе экономическаго матеріализма въ русской литературѣ.—IV. Основныя положенія этого соціологическаго ученія. Роль политическаго фактора. Государство.—V. Теорія телеологическаго прогресса. Энгельсъ объ историческомъ процессѣ. Разсужденія г. Николаева. Ихъ оцѣнка. — VI. Отношеніе между необходимостью и свободой.—VII. Объективность экономическаго матеріализма. Полемика Зомбарта съ Вольфомъ.—VIII. Оцѣнка роли государства и интеллигенціи съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма.

Dieser Begriff (der Persönlichkeit) dreht sich immer um sich selbst herum und bringt uns in Ansehung keiner einzigen Frage, welche auf synthetische Erkentniss angelegt ist, weiter. *Kant.* (Kritik der reinen Vernunft. 2-е изд. Kehrbach'a 310).

I.

То соціологическое ученіе, которое извѣстно подъ названіемъ „экономическаго матеріализма“, стоитъ на точкѣ зрѣнія, діаметрально противоположной „субъективному идеализму“. Оно просто игнорируетъ личность, какъ соціологически ничтожную величину. Мы не задаемся здѣсь подробной мотивировкой этого взгляда на

личность и намѣтимъ только нѣкоторыя основанія, которыя приводятъ къ нему.

Прежде всего въ самомъ словѣ „личность“ кроется источникъ недоразумѣній.

Общество, говорятъ, состоитъ изъ личностей; только послѣднія реальны, а потому личность является творцомъ общественныхъ явленій [1]) и т. п. Но почти во всѣхъ подобныхъ разсужденіяхъ упускается изъ виду, что тамъ, гдѣ начинается соціологическое разсужденіе, одно понятіе подмѣнивается другимъ. Дѣло въ томъ, что слово „личность“ употребляется то въ смыслѣ опредѣленной индивидуальности (напр., историческія личности), то просто въ смыслѣ отдѣльнаго человѣка, индивида, какъ представителя рода, или какъ представителя соціальной группы [2]). Только личность въ послѣднемъ смыслѣ слова, *личность*—какъ это ни кажется нелѣпой *contradictio in adjecto*—совершенно *безличная*, есть основной элементъ соціологіи, исходный пунктъ всякаго соціологическаго разсужденія. Если соціологія, несмотря на это, обращается къ соціальной группѣ и изъ нея выводитъ личность, то она дѣлаетъ это не потому, чтобы она присвоивала соціальной группѣ самостоятельное, независимое отъ составляющихъ ее личностей, существованіе, а просто потому, что личность, какъ конкретная индивидуальность, есть производная всѣхъ ранѣе жившихъ и современныхъ ей личностей, т.-е. соціальной группы. Обособляя соціальную группу отъ лич-

---

[1]) Юзовъ О. Н. 2 изд., т. I, стр. 51.

[2]) Своеобразно понимаетъ личность г. Михайловскій. Послѣдняя для него—«совокупность *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ человѣческому организму *вообще*». Такимъ образомъ, личность для г. Михайловскаго—гармонически цѣлостный индивидуумъ (см. Сочиненія, т. IV, изд. 2-е, стр. 111 и др. въ статьѣ: Что такое прогрессъ?).

ности, мы подразумѣваемъ подъ первой всѣ тѣ многообразныя взаимодѣйствія между личностями, которыя возникаютъ на почвѣ соціальной жизни и объективируются въ обычаяхъ и правѣ, въ нравахъ и нравственности, въ религіозныхъ представленіяхъ.

Многосторонняя индивидуальность историческаго дѣятеля является, такимъ образомъ, только выраженіемъ того, что на немъ встрѣчаются и перекрещиваются многочисленныя и разнообразныя соціальныя воздѣйствія. Въ результатѣ анализа событій съ такой точки зрѣнія за великимъ человѣкомъ остается почти всегда такой же маленькій абсолютно индивидуальный остатокъ, какъ и у всѣхъ прочихъ людей [1]). Соціологія можетъ съ легкимъ сердцемъ его отбросить.

Что соціологія въ самомъ дѣлѣ стремится всегда свести элементы индивидуальности къ соціальнымъ источникамъ, въ этомъ убѣждаетъ любая попытка объяснить тотъ или другой крупный моментъ исторической эволюціи. Когда дѣло доходитъ до „исторической личности" „великаго человѣка", всегда является стремленіе выставить его, какъ „носителя" духа извѣстной эпохи, представителя своего времени,—его дѣйствія, его успѣхи и неудачи представить, какъ необходимые результаты всего предшествующаго хода вещей.

Противъ такого взгляда могутъ, пожалуй, возразить, что самый процессъ измѣненія видовъ совершается съ точки зрѣнія исторической морфологіи путемъ накопленія благопріятныхъ „индивидуальныхъ остатковъ". Но не является-ли накопленіе въ данномъ случаѣ отрицаніемъ индивидуальности, не уничтожаетъ-ли оно послѣднюю? *Конечно, да.*

[1]) См. превосходную характеристику «генія» у Зиммеля. Die Probleme der Geschichtsphilosophie Leipzig. 1892, 25—26.

Эта идея, что индивидуальность принадлежитъ къ тѣмъ *minima*, которыхъ *praetor*—соціологія—*non curat*, нашла себѣ яркое выраженіе въ ученіи о классовой борьбѣ, какъ основномъ процессѣ общественной эволюціи. Разъ личность въ смыслѣ индивида была сброшена со счетовъ, нужно было найти другой элементъ. Такимъ элементомъ оказалась соціальная группа. Одинъ изъ новѣйшихъ соціологовъ [1]) выразилъ соціологическое отрицаніе индивидуальности въ слѣдующей „парадоксальной" фразѣ: „Величайшая ошибка индивидуалистической психологіи это—предположеніе, что мыслитъ *человѣкъ*". Авторъ хотѣлъ этимъ сказать, что „образъ мыслей" человѣка опредѣляется его принадлежностью къ той или другой соціальной группѣ.

Игнорированіе „личности" въ соціологіи, или, вѣрнѣе, ея устраненіе изъ соціологіи, есть въ сущности только частный случай стремленія къ научному познанію, къ мышленію согласно принципу тождества. Этотъ принципъ, необходимое условіе всякаго опытнаго (въ философскомъ смыслѣ слова) познанія, требуетъ *уравненія* между причиной и слѣдствіемъ. „Индивидуальность" существуетъ не только въ мірѣ духовномъ, но также и въ мірѣ физическомъ. Если человѣческій духъ, исходя изъ единства *логическаго* сознанія, ищетъ такого же единства во внѣшнемъ мірѣ, единства *нелогическаго, опытнаго*, то къ соціальному процессу онъ не можетъ и не долженъ относиться иначе. Личности въ смыслѣ „индивидуальностей" безконечно разнообразны. Теорія познанія имѣетъ дѣло съ трансцендентальнымъ, общечеловѣческимъ сознаніемъ; психологія интересуется

---

[1]) Гумпловичъ въ Grundriss der Sociologie.

индивидуальнымъ сознаніемъ, лишь поскольку въ немъ проявляются общіе законы психическихъ процессовъ; поэтому для нея патологическіе случаи представляютъ высокій интересъ не сами по себѣ, а какъ средство для познанія нормальнаго порядка явленій.

Въ пользу устраненія изъ соціологіи личности въ смыслѣ индивидуальности, не подлежащей дальнѣйшему объясненію, не допускающей никакого „уравненія", говоритъ самый фактъ *соціальнаго* происхожденія трансцендентальнаго (логическаго) и нравственнаго сознанія [1]). Трансцендентальное сознаніе есть то общечеловѣческое сознаніе, для котораго обязательны логическіе принципы, и которое всего лучше убѣждаетъ насъ въ реальномъ существованіи внѣшняго міра. Люди въ духовномъ отношеніи, быть можетъ, гораздо менѣе индивидуальны, чѣмъ въ тѣлесномъ. Понятіе субстанціальной, самостоятельной души, превращая отдѣльныя индивидуальныя сознанія въ психическіе атомы и изолируя ихъ другъ отъ друга такъ же, какъ изолированы тѣлесные носители этихъ сознаній, не даетъ намъ проникнуть въ процессы коллективнаго, соціальнаго творчества (Riehl II, 2, 255). *Логическія* нормы вытекаютъ изъ формальнаго единства сознанія *не одного*, а всѣхъ, находящихся между собой въ *духовномъ общеніи*, людей эти необходимыя и общія формы мыслительной работы

---

[1]) Das Sittliche hat eine gemeinschaftliche Quelle mit dem Logischen: das soziale Bewusstsein (Riehl Der philosophische Kritizismus u. seine Bedeutung für die positive Wissenschaft. Leipzig 1877—1887, II, 2, 75). Философское обоснованіе высказываемыхъ взглядовъ въ значительной степени опирается на названный трудъ Риля. Вторая часть *второго* тома существуетъ въ русскомъ переводѣ (изд. Солдатенкова) подъ заглавіемъ: «Теорія науки и метафизика» (Москва, 1888).

и составляютъ трансцендентальное сознаніе (Riehl II, 2, 163).

Отрицаніе объективнаго познанія въ соціологіи есть необходимый результатъ смѣшенія *соціальнаго* трансцендентальнаго сознанія съ *индивидуальнымъ* психологическимъ, такъ какъ „быть объективнымъ, значитъ быть обязательнымъ для каждаго познающаго существа" („objectiv sein heisst für jedes erkennende Wesen gültig sein". Riehl II, 2, 164).

Если мышленіе возможно только какъ „соціальное", если истина есть представленіе рода, заблужденіе—представленіе индивидуума, если нравственной нормой для индивидуума *въ общемъ* является то, что представляетъ фактическую норму для соціальной группы [1]), то не указываетъ-ли это на возможность и необходимость сведенія „индивидуальнаго" къ общему, соціальному?

Для такого сведенія индивидуальнаго къ соціальному существуютъ свои весьма вѣскія *методологическія* основанія. Соціальная группа болѣе удобный, болѣе, такъ сказать, податливый объектъ для изученія, чѣмъ индивидуальность; ея цѣли, ея тенденціи проще и потому прозрачнѣе, такъ какъ въ нихъ выступаетъ то, что обще всѣмъ индивидуальностямъ, что объединяетъ послѣднія [2]). Въ сущности та „норма познанія", которая въ статистикѣ называется „закономъ большого числа",

[1]) Ср. сочиненія *Зиммеля*: «Ueber soziale Differenzirung» Leipzig 1890 и «Einleitung in die Moralwissenschaft». Bd. I. Berlin 1892. Труды Зиммеля показываютъ, какъ плодотворно внесеніе въ соціологію *философскаго критицизма и научнаго психологическаго анализа*.

[2]) Ср. Simmel, Ueber soziale Differenzirung 85—86. Въ этомъ мѣстѣ Зиммель полемизируетъ съ Гумпловичемъ, не называя его. Гумпловичъ отвѣчалъ Зиммелю въ «Soziologie und Politik» (Leipzig, 1892), S. 86.

заключаетъ въ себѣ отрицаніе индивидуальности: она прямо предполагаетъ ея игнорированіе. Но не только тогда, когда соціальныя явленія изучаются статистически, — соціологія *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ признавать то, что мы называемъ индивидуальностью, за первичный фактъ, такъ какъ самое понятіе индивидуальности (не подлежащей дальнѣйшему объясненію) и соотвѣтствующій ему фактъ есть результатъ долгаго соціальнаго процесса.

Зиммелю [1]) удалось, какъ мнѣ кажется, вполнѣ убѣдительно показать, что развитіе индивидуальности идетъ параллельно дифференціаціи и расширенію той группы, съ которой данную личность соединяютъ соціальныя узы. Дѣло въ томъ, что развитіе индивидуальности есть результатъ дифференціаціи, раздѣленія труда, внутри данной соціальной группы. Эта дифференціація, конечно, тѣмъ больше, чѣмъ шире сама группа. Тамъ, гдѣ все однородно, нѣтъ мѣста чувству индивидуальности, такъ какъ въ немъ выражается единство сознанія въ смѣнѣ разнообразныхъ впечатлѣній (въ широкомъ смыслѣ слова): всякое же *единство* познается только тогда, когда оно, такъ сказать, поставлено въ *мѣняющуюся* среду. Передъ сознающимъ „я" проходятъ разнообразныя впечатлѣнія, и оно, являясь единственнымъ *постояннымъ* элементомъ, начинаетъ сознавать себя какъ нѣчто *самостоятельное, особое, личное.*

Чѣмъ однороднѣе (и индивидуальнѣе) соціальная группа, тѣмъ менѣе индивидуальны ея члены; чѣмъ болѣе дифференцирована группа, тѣмъ болѣе индивидуальны ея члены. Установленное Зиммелемъ отношеніе между

---

[1]) См. цитированное только-что сочиненіе «Ueber soziale Differenzirung» (Schmollers Forschungen X, 1), S. 45—69.

индивидуальностью личности и дифференціацией группы носитъ существенно иной характеръ чѣмъ то, которое установлено русской субъективной соціологической школой, въ частности г. Михайловскимъ, хотя и Зиммель признаетъ антагонизмъ между дифференціацией группы и дифференціацией индивидуума. На теоріи г. Михайловскаго и на его положеніи: *чѣмъ однороднѣе общество, тѣмъ разностороннѣе личность* [1]), лежитъ нескрываемая печать субъективныхъ идеаловъ. Эта теорія и эта формула были призваны примирить идеалъ всеобщаго равенства съ культурнымъ идеаломъ многосторонне развитой индивидуальности. Результаты анализа объективныхъ фактовъ, анализа, безспорно, весьма остроумнаго, были предрѣшены субъективной точкой зрѣнія. Зиммель предвидитъ возраженіе, что при значительной спеціализаціи занятій личность живетъ въ болѣе однообразной обстановкѣ („атмосферѣ"), чѣмъ при слабомъ развитіи раздѣленія труда, но совершенно правильно указываетъ на то, что это понижающее „личность" обстоятельство, главнымъ образомъ, вліяетъ на мышленіе и волю индивидуумовъ, тогда какъ *чувства* (Gefühle), которыя имѣютъ особенное значеніе для субъективнаго сознанія, возбуждаются именно у сильно дифференцированной личности, въ средѣ другихъ также сильно дифференцированныхъ личностей, и, реагируя на подобныя возбужденія, человѣкъ повышаетъ чувство своей собственной личности или даже, быть можетъ, впервые его проявляетъ; въ недифференцированной средѣ эти психическія реакціи отсутствовали бы. Это соціологическое

---

[1]) Михайловскій выражаетъ эту мысль такъ: «чѣмъ разнороднѣе общество, тѣмъ уже поле развитія его членовъ и тѣмъ они однороднѣе» (Сочиненія т. IV, стр. 51).

обобщеніе имѣетъ на нашъ взглядъ большое значеніе. Оно показываетъ, какъ личность вытекаетъ изъ среды, показываетъ *зависимость личности отъ среды*, именно *въ той сферѣ, въ которой личность мнитъ себя абсолютно независимой*. То возраженіе, которое предвидитъ Зиммель, можетъ быть устранено еще другими соображеніями: занятія спеціализируются, но вѣдь спеціализація не ведетъ къ полному ихъ обособленію; между спеціальностями существуетъ всегда связь, хотя бы та, что одна должна пользоваться услугами другой. Содержаніе жизни не только дробится, но оно умножается именно въ силу раздѣленія труда, причемъ постоянно происходитъ „сбереженіе силъ". Отдѣльныя личности, въ большей или меньшей степени, становятся участниками этого болѣе разнообразнаго, богатаго содержанія. Раздѣленіе труда есть необходимый результатъ растущаго несоотвѣтствія между потребностями людей и средствами ихъ удовлетворенія, доступными отдѣльнымъ личностямъ и мелкимъ соціальнымъ группамъ. Только раздѣленіе труда, это грѣхопаденіе человѣчества—по ученію г. Михайловскаго, создало условія для развитія той „личности", во имя которой г. Михайловскій справедливо протестуетъ противъ современныхъ формъ раздѣленія труда [1]).

Въ недифференцированной средѣ индивидуумъ будетъ „гармонически цѣлостенъ"... въ своемъ однообразіи и безличности. На всѣхъ разсужденіяхъ г. Михайловскаго предательски отражается его „субъективизмъ", не дающій ему стать на историческую, эволюціонную точку зрѣнія. Реальная личность не можетъ быть „со-

[1]) Уже давно было замѣчено авторомъ «И. П.», что «общество, вполнѣ удовлетворяющее требованіямъ *формулы прогресса* г. Михайловскаго бы общество *не прогрессивное*». (Формула прогресса г. Михайловскаго От. Зап. Т. CLXXXVIII, 235).

вокупностью *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ человѣческому организму *вообще*" просто потому, что такая полнота содержанія превышаетъ силы реальной личности. „*Гармоническая цѣлостность*" *индивидуума въ своемъ содержаніи опредѣляется степенью развитія, т. е. дифференціаціи, группы.* Такимъ образомъ для того, чтобы личность могла быть дифференцированной, она должна находиться въ дифференцированной средѣ, и въ этомъ выражается неизбѣжная зависимость личности отъ группы. Этому, повидимому, противорѣчитъ столь рѣзко подчеркнутый г. Михайловскимъ и безспорно существующій антагонизмъ между личностью и группой. Но жизнь никогда не слагается изъ *абсолютныхъ* противорѣчій: въ ней все *текуче* и *относительно*, и въ тоже время всѣ отдѣльныя стороны находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Въ этомъ заключается „міровая діалектика", не знающая ничего абсолютнаго. Еще въ одномъ изъ своихъ первыхъ сочиненій основатель доктрины экономическаго матеріализма указалъ на несостоятельность *абсолютизма* въ мышленіи [Karl Marx. Misère de la philosophie (противъ Прудона) нѣм. пер., изд. 1885 г., 94—122, ср. Engels Herrn Eugen Dühring Umwälzung der Wissenschaft. 2 Auf. 1886. 1—17]. Если къ абсолютизму присоединяется еще субъективизмъ, то всѣ слабыя стороны перваго, такъ сказать, возводятся въ квадратъ. На нашъ взглядъ, выводы Зиммеля важны и поучительны, между прочимъ, именно потому, что ихъ сравненіе съ соціологическими обобщеніями г. Михайловскаго бросаетъ яркій свѣтъ на непригодность такъ-называемаго субъективнаго метода. Только вполнѣ объективный, историко-психологическій анализъ, которому предшествовала строгая критика соціологическаго познанія на принци-

пахъ общей теоріи (или, что то-же, критики познанія) могъ привести къ такимъ выводамъ. Субъективная соціологія, отрицающая самыя основы критическаго изслѣдованія, конечно, неспособна была къ анализу и критикѣ своего излюбленнаго понятія личности; безъ такой критики, однако, дальнѣйшія обобщенія неизбѣжно должны были нагромождать ошибку на ошибкѣ.

II.

Мы пытались намѣтить тѣ основанія, по которымъ соціологія можетъ игнорировать „личность". Послѣдняя для соціологіи есть функція среды, и тамъ, гдѣ соціологія слѣдитъ за измѣненіями „личности", она сводитъ ихъ къ измѣненіямъ среды. Личность тутъ является, такимъ образомъ, формальнымъ понятіемъ, содержаніе котораго дается изслѣдованіемъ соціальной группы.

Намъ предстоитъ теперь перейти къ другой важной сторонѣ изложенной ниже соціологической теоріи.

Эта сторона заключается въ томъ, что экономическій матеріализмъ подчиняетъ идею факту, сознаніе и долженствованіе—бытію. Современный критическій реализмъ долженъ признать, что жизнь, бытіе предшествуетъ сознанію, которое, въ борьбѣ организмовъ за существованіе, есть то орудіе, посредствомъ котораго они регулируютъ свои отношенія къ мѣняющимся условіямъ среды (Riehl, II, 2, 161). Сознаніе не существуетъ независимо отъ реальнаго міра. „Сознаніе, представляя для познающаго субъекта самое близкое, непосредственно данное ему явленіе, какъ бытіе (dem Dasein nach), наоборотъ, есть самое послѣднее и высшее, а потому и наиболѣе обусловленное явленіе" („die am meisten vermittelte Erscheinung". Riehl, ibidem).

Эконо: скій матеріализмъ, какъ попытка отыскать нѣкоторую правильность въ пестрой смѣнѣ историческихъ событій, самъ явился на смѣну философскимъ построяніемъ исторіи, искавшимъ и находившимъ за реальными, психическими процессами, составляющими ея содержаніе, метафизическаго дѣятеля, которымъ оказывалась всегда какая-нибудь идея, абстрагированная отъ той же самой дѣйствительности, которую она должна была объяснить. Такимъ образомъ, идеи *гипостазировались* въ исторіи, имъ присвоивалось самостоятельное, независимое отъ внѣшнихъ событій и процессовъ бытіе; идеи—по этому воззрѣнію—управляютъ исторіей [1]). Какъ реакція противъ идеалистической метафизики въ исторической философіи, экономическій матеріализмъ самъ, быть можетъ, носитъ на себѣ нѣкоторую метафизическую внѣшность. Тѣмъ не менѣе, по существу *ничего метафизическаго въ немъ нѣтъ* [2]). Онъ устанавливаетъ только извѣстную зависимость между элементами и формами экономическаго быта и всѣми прочими сторонами соціальной и eo ipso „индивидуальной“ жизни (такъ какъ до-соціальный и внѣ-соціальный человѣкъ только голая и притомъ въ общемъ—съ точки зрѣнія интересовъ познанія—вредная абстракція), между психическими явленіями, вытекающими изъ „поддержанія жизни“ (Lebensfürsorge—Липперта) и группирующимися вокругъ этого факта, и остальными психическими процессами.

Возьмемъ понятіе „товарное производство“: это весьма богатый содержаніемъ комплексъ представленій. Оперируя съ этимъ понятіемъ, мы пользуемся, какъ апріор-

---

[1]) Cp. Simmel. Die Probleme d. Geschichtsphilosophie. Leipzig 1892.

[2]) Иначе смотритъ Зиммель (только что цит. соч. 85—86), но онъ *иначе* чѣмъ мы понимаетъ и метафизичность.

ными, цѣлымъ рядомъ психологическихъ предпосылокъ. Вся политическая экономія опирается на нихъ. Если мы говоримъ, что „товарное производство“ не мирится съ экономическимъ равенствомъ, то подъ „товарнымъ производствомъ“ мы разумѣемъ такую форму общественнаго раздѣленія труда, при которой необходимо отсутствуютъ апріорно извѣстныя намъ психологическія условія экономическаго равенства. Товарное производство не является какимъ-то внѣшнимъ факторомъ, опредѣляющимъ дѣйствія людей: это — опредѣленная форма удовлетворенія человѣческихъ потребностей, предполагающая существованіе извѣстныхъ правовыхъ институтовъ и опредѣленнаго правосознанія. Это, можно сказать, столько же психологическое, сколько и экономическое понятіе. Если мы говоримъ, что экономическіе факты являются первымъ звеномъ въ той причинной цѣпи, которую мы называемъ исторіей или соціальной эволюціей, то, въ сущности, это положеніе вытекаетъ изъ общаго сведенія всего индивидуальнаго къ соціальному. Недаромъ экономическіе факты до сихъ поръ считаются по преимуществу соціальными, такъ что, подчасъ, обозначенія „экономическій“ и „соціальный“ смѣшиваются, хотя это, очевидно, неправильно. Если „поддержаніе жизни“ составляетъ безспорно самое главное и общее содержаніе всякой, въ томъ числѣ и человѣческой, жизни; если идеальныя представленія—цѣли и такъ называемые „идеалы“ возникаютъ не самопроизвольно въ головѣ „личности“, а всегда заимствуютъ свое содержаніе прямо или косвенно изъ фактически существующаго,—то уже эти общія соображенія представляютъ, на нашъ взглядъ, серьезный философскій фундаментъ для экономическаго матеріализма. Ничто въ

такой мѣрѣ не характеризуетъ современную *научную этику*, какъ именно ея матеріализмъ (или реализмъ), выражающійся въ сведеніи содержанія нравственности къ типически соціальному поведенію. То положеніе, которое представителями экономическаго матеріализма повторяется съ замѣчательной настойчивостью и гласитъ, что дѣйствительность, факты создаютъ идеалы,— составляетъ самое важное пріобрѣтеніе *этики*, какъ *историко-психологической науки*. „Какъ всякое познаніе въ концѣ концовъ приводитъ только къ какому-нибудь самому общему и наипростѣйшему факту (Vorgang), который объясняетъ болѣе рѣдкія и индивидуальныя явленія, но самъ не подлежитъ дальнѣйшему объясненію; такъ, быть можетъ, конечнымъ пунктомъ, изъ котораго исходитъ всякая этическая оцѣнка, но который самъ не заимствуетъ своей цѣнности ни отъ чего высшаго, является самый общій, типическій образъ дѣйствій, служащій масштабомъ для оцѣнки поступковъ индивидуумовъ" (Simmel, Moralwissenschaft, I, 67—68 [1]).

III.

Попытаемся теперь изложить матеріалистическое пониманіе исторіи. Какъ извѣстно, оно было въ вполнѣ опредѣленной формѣ выставлено впервые Марксомъ и Энгельсомъ. Относительно Маркса и въ частности примѣнительно къ Россіи можно, нѣсколько перефразируя извѣстное изреченіе, сказать: Habent sua fata auctores! Нигдѣ идеи Маркса не были такъ быстро реципи-

[1]) Зиммель (l. c. 107) совершенно справедливо замѣчаетъ: Die Richtung der psychologisch—historichen Wissenschaft und ihrer Erfolge geht jetzt im Granzen dahin, im *scheinbar* (курсивъ нашъ) Individuellen mehr und mehr den Ursprung aus der Allgemeinheit und die Richtung auf sie zu finden.

рованы, какъ въ Россіи, не только публицистикой, но и такъ называемой „научной" литературой (Н. И. Зиберъ, гг. Чупровъ, Иванюковъ, Коссовскій и нѣкоторые другіе); но нигдѣ, быть можетъ, не приходится натыкаться на такое непониманіе Маркса, какъ у русскихъ публицистовъ. За доказательствомъ недалеко ходить. Обратимся къ гг. Михайловскому, В. В. и Юзову.

Приступая къ изложенію генезиса капитализма по Марксу, г. Михайловскій говоритъ: „Въ шестой главѣ „Капитала" имѣется параграфъ, озаглавленный: „Такъ-называемое первоначальное накопленіе". Здѣсь Марксъ имѣлъ въ виду дать историческій очеркъ первыхъ шаговъ капиталистическаго процесса производства, но далъ нѣчто гораздо большее—цѣлую философско-историческую теорію". (Сочиненія VII изд. 2-е, „Карлъ Марксъ передъ судомъ Г. Ю. Жуковскаго", стр. 334).

Юзовъ повторяетъ буквально то же самое, только въ очень наивной формѣ: „теорія Маркса состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ „капиталистическое производство" необходимымъ моментомъ въ жизни народовъ" (Основы народничества. Т. I-й, 2-е изд., стр. 362).

Ничуть не больше пониманія *исторической философіи* Маркса обнаруживаетъ и г. В. В. „Эта схема генезиса капиталистическаго строя, какъ философская концепція,—говоритъ нашъ авторъ,—связывающая прошедшее, настоящее и вѣроятное будущее, объединяетъ достаточно полно и въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью лишь теченія общественной жизни, нашедшія себѣ выраженіе въ городахъ и другихъ крупныхъ центрахъ скопленія населенія. Только въ этихъ рамкахъ теорія сохраняетъ свою стройность, которою и производитъ впечатлѣніе въ свою пользу". (Попытки обоснованія на-

родничества. „Русское Богатство“ 1892 г., № 3, стр. 69. ср. также Наши направленія, гл. III).

Неужели выясненіемъ генезиса капиталистическаго строя исчерпывается историко-философская теорія Маркса? Нѣтъ, ибо въ такомъ случаѣ это была бы не историко-философская теорія, а именно только—выясненіе причинныхъ связей, существующихъ между разными сторонами даннаго историческаго процесса. Историческая философія Маркса проникаетъ его ученіе о происхожденіи капиталистическаго строя, но она шире его; она, по мысли ея творца, обнимаетъ *всѣ возможныя измѣненія общественныхъ формъ*, какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ; это—смѣлая попытка изъ одного начала объяснить весь историческій процессъ. Исторія капитала, изложенная въ знаменитомъ трактатѣ „Das Kapital“, представляетъ только блестящую иллюстрацію къ общей историко-философской теоріи. И, если русскіе публицисты этого не замѣтили, то это обстоятельство свидѣтельствуетъ, или о томъ, что они плохо усвоили себѣ духъ того писателя, къ которому такъ часто обращались, или же о томъ, что они просто недостаточно знакомы съ его литературной дѣятельностью въ ея цѣломъ. Еще въ „Misère de la philosophie“ (1847), въ „Манифестѣ“ (1848) и съ полной ясностью въ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“ (1859) было высказано матеріалистическое пониманіе исторіи. Въ нашу задачу не входитъ то, что нѣмцы называютъ „Dogmengeschichte“ и мы поэтому не станемъ здѣсь останавливаться на генезисѣ историческаго матеріализма [1]). Какъ бы то ни было, это ученіе, въ эмбріональной

---

[1]) Статья Энгельса «Ueber historischen Materialismus» (Neue Zeit XI, 1, 15—20 и 42—51) даетъ очень мало въ этомъ отношеніи.

формѣ замѣтное еще у французскихъ соціалистовъ и отъ нихъ до извѣстной степени воспринятое *Л. Штейномъ*, было рѣзко формулировано и послѣдовательно проведено только Марксомъ и Энгельсомъ. Въ трудахъ послѣдняго мы находимъ лучшее изложеніе историческаго матеріализма.

Мы не можемъ не признать, что *чисто философское обоснованіе* этого ученія еще не дано, и что оно еще не справилось съ тѣмъ огромнымъ конкретнымъ матеріаломъ, который представляетъ всемірная исторія. Нуженъ, очевидно, *пересмотръ фактовъ* съ точки зрѣнія новой теоріи; нужна *критика теоріи* на фактахъ. Быть можетъ, многія односторонности и слишкомъ поспѣшныя обобщенія будутъ оставлены. Но зерно ученія является, на нашъ взглядъ, вѣрнымъ. Хотя задача предлагаемыхъ очерковъ заключается не столько въ обоснованіи и критикѣ историческаго идеализма и историческаго матеріализма, сколько въ ихъ *противопоставленіи*, но мы, конечно, не можемъ ограничиваться простымъ реферированіемъ раздѣляемыхъ нами взглядовъ.

IV.

„Новые факты,—говоритъ Энгельсъ (онъ разумѣетъ тутъ классовую борьбу между буржуазіей и пролетаріатомъ),—заставили подвергнуть новому пересмотру всю прежнюю исторію, и тогда оказалось, ... что всегда данная экономическая структура общества образуетъ то реальное основаніе, изъ котораго въ конечномъ счетѣ слѣдуетъ выводить всѣ тѣ надстройки, которыми являются правовыя и политическія учрежденія, равно какъ религіозныя и философскія и всѣ прочія воззрѣнія каждаго даннаго историческаго періода. *Такимъ образомъ*,

идеализмъ былъ изгнанъ изъ своего послѣдняго убѣжища, изъ исторіи, было дано матеріалистическое пониманіе исторіи и найденъ путь для объясненія сознанія людей изъ ихъ бытія въ противоположность прежнему объясненію бытія изъ сознанія" (AD, 11 [1]).

„Матеріалистическое пониманіе исторіи исходитъ изъ положенія, что *производство* и затѣмъ *обмѣнъ* (курсивъ нашъ) предметовъ производства есть основа всякаго общественнаго порядка, что во всякомъ историческомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ и съ нимъ вмѣстѣ соціальное расчлененіе на классы или сословія сообразуются съ тѣмъ, что и какъ производится и какъ продукты производства обмѣниваются. Согласно такому пониманію, причины всѣхъ общественныхъ измѣненій слѣдуетъ искать не въ головахъ людей, не въ ихъ увеличивающемся пониманіи вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіяхъ способовъ производства и обмѣна, не въ *философіи*, а въ экономіи данной эпохи. Пробуждающееся сознаніе, что существующія общественныя учрежденія неразумны и несправедливы, что „Vernunft Unsinn, Wohlthat Plage geworden" (слова Гёте изъ Фауста!) есть только признакъ, что въ методахъ производства и формахъ обмѣна въ тиши произошли перемѣны, съ которыми приспособленное къ прежнимъ экономическимъ условіямъ общественное устройство больше не согласуется" (AD, 253). Производство съ цѣлью поддержанія жизни, являясь опредѣляющимъ моментомъ въ исторической жизни, бываетъ двоякаго рода. „Съ одной стороны—производство жизненныхъ средствъ, предметовъ пропитанія, одежды, жи-

---

[1]) Курсивъ нашъ. Подъ буквами AD (Anti-Dühring) мы цитируемъ извѣстное полемическое сочиненіе Энгельса: Herrn Eugen Dühring's Umwälzung des Wissenschaft. Zweite Auflage 1886. Ср. цитированное мѣсто съ приведенными на стр. 40 словами *Риля*.

лицъ и необходимыхъ для этого производства орудій; съ другой стороны—производство самихъ людей, продолженіе рода. Общественныя учрежденія, при которыхъ живутъ люди извѣстной исторической эпохи и извѣстной страны, обусловливаются обоими родами производства, т.-е. опредѣляются степенью развитія съ одной стороны—труда, съ другой стороны—семьи. Чѣмъ менѣе развитъ трудъ, чѣмъ ограниченнѣе масса его продуктовъ, т.-е. общественное богатство, тѣмъ болѣе господствуютъ въ общественномъ строѣ кровныя связи. Въ этомъ, основанномъ на кровномъ родствѣ, обществѣ между тѣмъ все болѣе и болѣе развивается производительность труда; съ тѣмъ вмѣстѣ развиваются частная собственность и обмѣнъ, различія въ богатствѣ, возможность пользоваться чужой рабочей силой—основа классовыхъ противорѣчій; словомъ, новые соціальные элементы, которые въ рядѣ поколѣній работаютъ надъ тѣмъ, чтобы приспособить старые общественные порядки къ новымъ условіямъ, пока, наконецъ, несовмѣстимость тѣхъ и другихъ не приводитъ къ полному перевороту. Старое, основанное на родовыхъ союзахъ, общество разбивается въ столкновеніи вновь развившихся общественныхъ классовъ; на его мѣсто становится новое общество, объединяемое въ государствѣ, подраздѣленіями котораго являются уже не родовые, а территоріальные союзы,—общество, въ которомъ порядокъ семьи вполнѣ подчиняется порядку собственности и въ которомъ свободно развертываются тѣ классовыя противорѣчія и та классовая борьба, которыя составляютъ содержаніе всей писанной исторіи“ (Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates. 4-te Aufl. 1892. VIII).

Въ послѣднее время обратилъ на себя вниманіе новый представитель экономическаго матеріализма *Лоріа*[1]). Нѣкоторые считаютъ возможнымъ называть его послѣдователемъ Маркса и Энгельса, на томъ основаніи, что и онъ экономическія отношенія признаетъ фундаментомъ всѣхъ прочихъ и. въ классовой борьбѣ видитъ основной процессъ соціально-экономической эволюціи. Но экономическій матеріализмъ М. и Э. не исчерпывается указаніемъ на фундаментальный характеръ экономическихъ отношеній и на значеніе классовой борьбы. М. и Э. *спеціализировали* свою формулу, указавъ на опредѣляющую роль *способовъ производства* и *формъ обмѣна.* Доминирующее значеніе „экономики" и „классовой борьбы" указывалось еще до Маркса; роль способовъ производства и формъ обмѣна въ соціальной эволюціи подчеркнута впервые имъ. И вотъ это-то положеніе, отличающее „марксизмъ" отъ прочихъ экономическихъ объясненій исторіи рѣшительно отвергается Лоріа [2]), который даже не знаетъ, что формула Маркса и Энгельса говоритъ не только о „способахъ производства", но также и о „формахъ обмѣна". Сходство экономическаго матеріализма Лоріа съ экономическимъ матеріализмомъ Маркса ограничивается едва-ли не общимъ только положеніемъ, что политическое устройство, право, мораль и проч. представляютъ надстройку (Ueberbau, superstructure) надъ экономическими отношеніями; указаніе на „классовую борьбу" занимаетъ въ ученіи Маркса иное мѣсто, чѣмъ у Лоріа. Вообще, сходство между

---

[1]) Les bases économiques de la constitution sociale (Paris. 1893 F. Alcan). La terre et le systeme sociale въ «Revue d'économie politique» 1892. № 6.

[2]) Въ названной статьѣ въ «Revue d'économie politique».

обоими писателями—болѣе въ *фразеологіи*, нежели въ идеяхъ. Для Маркса *капиталъ*—историческая категорія, а для Лоріа капиталистическая собственность существовала и въ эпоху рабства, и въ эпоху крѣпостного права. Ниже мы еще коснемся нѣкоторыхъ экономическихъ взглядовъ Лоріа.

Положеніе о производствѣ и обмѣнѣ, какъ основѣ общественнаго порядка, занимаетъ центральное мѣсто въ ученіи М. и Э. Къ самому этому положенію приложимо матеріалистическое объясненіе: оно совершенно очевидно вытекло изъ наблюденій надъ современной экономической жизнью, въ которой—на глазахъ творцовъ теоріи—развитіе обмѣна и опирающагося на него производсдва совершали полный переворотъ. Если даже критика соціологическаго познанія когда-нибудь докажетъ односторонность историко-экономическаго матеріализма М. и Э.,—за этимъ ученіемъ всегда останется та заслуга, что оно дало глубоко научное, по-истинѣ *философское*, истолкованіе цѣлому ряду историческихъ фактовъ огромной важности. Это было возможно только при помощи *„грандіознаго аппарата матеріалистической теоріи исторіи“* (Sombart).

Какую роль историческій матеріализмъ, который видитъ основной процессъ исторіи въ экономическихъ измѣненіяхъ, удѣляетъ фактору политическому, силѣ или насилію? Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ Энгельсомъ въ уже цитированной нами выше классической полемики съ Дюрингомъ. Энгельсъ приводитъ мнѣніе послѣдняго, что политическія условія опредѣляютъ экономическое положеніе и что всякое направленіе, принимающее политическую группировку за исходный пунктъ не ради ея самой, а какъ средство для хозяйственныхъ цѣлей

(или по энергическому выраженію Дюринга для цѣлей жратвы—als Mittel für Futterzwecke), является до извѣстной степени реакціоннымъ. Энгельсъ довольно много мѣста посвящаетъ опроверженію этого взгляда (l. c. 149—177). Онъ указываетъ на то, что фактъ политическій κατ᾽ἐξοχὴν,—непосредственное господство человѣка надъ человѣкомъ, никогда не является и не можетъ являться само въ себѣ цѣлью, и что на сколько цѣль важнѣе, основнѣе (fundamentaler), чѣмъ примѣняемое ради нея средство, на столько въ исторіи экономическая сторона важнѣе политической (AD, 151). Это разсужденіе, на нашъ взглядъ, должно сдѣлаться исходной точкой для дальнѣйшаго развитія историко-экономическаго матеріализма. У Милля въ извѣстномъ трактатѣ объ утилитаризмѣ прекрасно выясняется превращеніе средства для извѣстной цѣли въ самодовлѣющую цѣль. Цѣлая масса явленій, подлежащихъ вѣдѣнію соціологіи, относились первоначально къ поддержанію жизни въ широкомъ смыслѣ слова, какъ средство къ цѣли, какъ форма къ содержанію. Затѣмъ происходило обособленіе средства отъ цѣли, формы отъ содержанія. Однако, такой самостоятельности поставлены извѣстныя границы, и въ каждомъ данномъ случаѣ изслѣдователю, который возьметъ себѣ въ руководители экономическій матеріализмъ, надлежитъ показать, когда и какъ явилась *самостоятельность* и въ какихъ границахъ она можетъ развиваться, т.-е. расти. Мы нарочно подчеркиваемъ то обстоятельство, что, по нашему взгляду, такой самостоятельности поставлены вполнѣ опредѣленныя границы. Вейзенгрюнъ [1]) и г. Николаевъ [2]) слиш-

[1]) Verschiedene Geschichts auffassungen, Leipzig, 1890.

[2]) Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Москва, 1892. О Вейзенгрюнѣ и г. Николаевѣ ср. обильную литературными ука-

комъ раздвигаютъ эти границы, т.-е. въ концѣ концовъ устраняютъ ихъ, чѣмъ отрицаютъ универсильность основного начала экономическаго матеріализма. Г. Николаевъ, кромѣ того, высказываетъ такіе взгляды на роль личности въ исторіи, которые совершенно подрываютъ самое ученіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было формулировано Марксомъ и Энгельсомъ. Къ взглядамъ автора книги „Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ" мы еще вернемся ниже.

Одной изъ общественныхъ формъ, способныхъ вести до извѣстной степени самостоятельное существованіе, является государство. Государство, съ точки зрѣнія основателей экономическаго матеріализма, есть организація экономическаго, классоваго, господства. Уяснивъ постепенное разложеніе родового строя въ Аттикѣ, Энгельсъ говоритъ: „недоставало только одного: организаціи, которая не только обезпечивала бы вновь пріобрѣтенныя богатства отдѣльныхъ лицъ отъ коммунистическихъ традицій родового строя, не только освятила бы ранѣе столь мало цѣнимую частную собственность и охрану послѣдней объявила бы высшей цѣлью всякаго человѣческаго общенія, но также наложила бы печать всеобщаго общественнаго признанія на послѣдовательно развивающіяся новыя формы пріобрѣтенія собственности, т.-е. на все болѣе и болѣе ускоряемое накопленіе богатства; недоставало организаціи, которая не только увѣковѣчила бы возникающее раздѣленіе общества на классы и право имущаго класса на эксплоатацію не-

---

заніями и любопытными замѣчаніями статью Н. И. Карѣева «Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи» въ «Историческомъ Обозрѣніи» (т. IV, стр. 1—3) и его же въ «Юридич. Вѣстн.» (1891 г. № 5—6) «Экономическое направленіе въ исторіи».

имущаго, господство перваго надъ послѣднимъ" (U. d. F. 104). Этотъ взглядъ на государство — независимо отъ стремленія послѣдняго къ болѣе или менѣе самостоятельному существованію, стремленія, которому поставлены опредѣленныя границы—представляется намъ односторонннмъ. Государство есть, прежде всего, *организація порядка;* организаціей же господства (классоваго) оно является въ обществѣ, въ которомъ подчиненіе однѣхъ группъ другимъ обусловливается его *экономической структурой.* Родовой бытъ зналъ извѣстную организацію порядка, другими словами, зналъ государство и ставъ въ сословномъ и классовомъ обществѣ организаціей господства, государство не перестало, конечно, быть организаціей порядка; можно думать, что въ обществѣ, въ которомъ основы производства и распредѣленія будутъ иныя, чѣмъ существующія въ наше время, исчезнетъ господство однѣхъ соціальныхъ группъ надъ другими, и государство перестанетъ быть организаціей господства, оставаясь въ то же время организаціей порядка и, конечно, *сохраняя свою принудительную власть.* Такой взглядъ находится въ полномъ согласіи съ глубоко вѣрнымъ положеніемъ Штейна, что каждый общественный порядокъ стремится создать свое собственное государство, и съ общимъ духомъ соціологическаго ученія Маркса. Отрицаніе Марксомъ и его послѣдователями государства, отрицаніе, вытекающее изъ ихъ взгляда на государство, какъ на организацію господства, по нашему мнѣнію, съ одной стороны объясняется тѣмъ, что они увлеклись слишкомъ далеко въ критикѣ *современнаго государства,* съ другой стороны напоминаетъ о генетической близости воззрѣній Маркса съ *ранними* взглядами *Прудона.*

V.

Теперь намъ предстоитъ совершить нѣкоторую — какъ говорятъ нѣмцы — Auseinandersetzung съ теоріей активнаго или телеологическаго прогресса, выставленной Л. Уордомъ и популяризованной у насъ г. Николаевымъ. *„Явленія телеологическія слѣдуютъ, во всякомъ случаѣ, другимъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ явленій генетическихъ* (курсивъ нашъ). Основная движущая сила этихъ явленій есть *волевое усиліе* человѣка" (П. Николаевъ, „Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ", стр. 81). Спрашивается теперь: признаютъ-ли Л. Уордъ и его популяризаторъ детерминированность „волевыхъ усилій" или, что то же, возможно-ли, съ ихъ точки зрѣнія, каузальное истолкованіе телеологическаго прогресса? [1]). Если да, то очевидно, что, съ точки

---

[1]) Попытку такого истолкованія и представляетъ доктрина экономическаго матеріализма. «Понятіе цѣли,—говоритъ Риль,—подчинено понятію причинности, потому что оно есть понятіе особаго вида причинности, именно причинности воли. Поэтому мы не только имѣемъ право, но и вынуждены искать основаніе цѣли и должны при этихъ поискахъ обращаться къ естественнымъ свойствамъ (Naturbeschaffenheit) того существа, которое ставитъ себѣ цѣли. Изъ природы даннаго существа вытекаетъ съ необходимостью, какія цѣли оно преслѣдуетъ и должно (muss) преслѣдовать. Если бы мы могли достаточно далеко прослѣдить причины этихъ природныхъ свойствъ (dieser Naturbeschaffenheit), то мы бы въ концѣ концовъ пришли бы къ тѣмъ элементамъ и общимъ законамъ реальнаго міра, изъ комбинаціи которыхъ произошли воля и цѣли нашего существа. Общая закономѣрность вещей, такимъ образомъ, является основаніемъ для того особеннаго вида закономѣрности въ произвольныхъ дѣйствіяхъ одушевленныхъ существъ, который представляется сознанію этихъ существъ, какъ цѣлесообразность. Безъ законосообразности нѣтъ цѣлесообразности. Законосообразность обнимаетъ собою цѣлесообразность; такимъ образомъ, она есть форма пониманія явленій природы» (Riehl II, 2, 338). «Цѣль не можетъ служить принципомъ объясненія какого-либо факта (Vorgang) во внѣшней природѣ, хотя бы этотъ фактъ былъ самъ цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ: волевымъ актомъ одушевленнаго существа» (354). «Необходимость есть принципъ

зрѣнія объективнаго научнаго изслѣдованія, между прогрессомъ генетическимъ и телеологическимъ нѣтъ разницы по существу; послѣдній, по своей сложности, только труднѣе поддается изслѣдованію.

„Цѣлевыя представленія“, значеніе которыхъ такъ подчеркивается Вундтомъ [1]), для эволюціи всего органическаго міра не только могутъ, но и должны быть введены въ *общую цѣпь причинности*. Матеріалистическая теорія исторіи вполнѣ объемлетъ и сознательную цѣлесообразную дѣятельность людей; она только указываетъ на зависимость ея отъ матеріальныхъ экономическихъ условій, выводитъ ее изъ послѣднихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ указаніи, что люди сознательно преслѣдуютъ извѣстныя цѣли, что въ силу этого они не могутъ на практикѣ смотрѣть на себя иначе какъ на дѣятелей прогресса; что такимъ образомъ извѣстная доктрина laissez faire, laissez passer, съ которой въ лицѣ Спенсера сражается Уордъ, не имѣетъ подъ собой никакой теоретической почвы—во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго. Въ „Misère de la philosophie“ мы читаемъ, что „опредѣленныя соціальныя условія являются такими же продуктами людей, какъ сукно, полотно и т. п.“ (нѣм. пер. изд.1885, 100—101); тамъ же мы встрѣчаемъ ѣдкую насмѣшку надъ „естественными законами“ политической экономіи. Положеніе, что „люди сами дѣлаютъ свою исторію“ или ничего не объясняетъ въ исторіи, или же представляетъ собою отрицаніе возможности какого бы то ни было научнаго

теоретическаго пониманія вещей, цѣлесообразность — принципъ ихъ практической оцѣнки и управленія ими» (356). Но «моральныя причины принадлежатъ вмѣстѣ съ физическими къ одному единому каузальному строю вещей. Ихъ различіе существуетъ только въ явленіи, а не для разсудка, который можетъ абстрагировать отъ различія въ явленіи» (231).

[1]) Ср. его Logik (Leipzig, 1880—1883), I, 580—585 и въ особенности II, 449.

объясненія историческихъ фактовъ. Для того, чтобы читатель уяснилъ себѣ, какъ смотрятъ представители историко-экономическаго матеріализма на эту сторону вопроса, мы должны привести слѣдующее разсужденіе Энгельса: „исторія развитія человѣческаго общества существенно отличается отъ исторіи развитія въ природѣ. А именно, въ природѣ (поскольку мы оставляемъ въ сторонѣ обратное вліяніе на нее человѣка) дѣйствуютъ одна на другую лишь слѣпыя безсознательныя силы, и общіе законы проявляются лишь путемъ взаимодѣйствія такихъ силъ. Здѣсь нигдѣ нѣтъ сознанной, желанной цѣли: ни въ безчисленныхъ кажущихся случайностяхъ, видимыхъ на поверхности, ни въ окончательныхъ результатахъ, показывающихъ, что среди всѣхъ этихъ случайностей явленія совершаются сообразно общимъ законамъ. Наоборотъ, въ исторіи общества дѣйствуютъ люди, одаренные сознаніемъ, движимые убѣжденіемъ или страстью, ставящіе себѣ опредѣленныя цѣли. Здѣсь ничто не дѣлается безъ сознаннаго намѣренія, безъ желанной цѣли. Но какъ ни важно это различіе для историческаго изслѣдованія, особенно отдѣльныхъ эпохъ и событій, оно ни мало не измѣняетъ того факта, что ходъ исторіи опредѣляется общими законами. Въ самомъ дѣлѣ, на поверхности явленій и въ этой области, не смотря на сознанныя и желаемыя цѣли людей, царствуетъ кажущаяся случайность. Желанное совершается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; по большей же части цѣли, поставленныя себѣ людьми, приходятъ во взаимныя столкновенія и противорѣчія, или оказываются недостижимыми, частью по своему существу, частью по недостатку средствъ. Столкновенія безчисленныхъ отдѣльныхъ стремленій и отдѣльныхъ дѣйствій приводятъ въ области исторіи къ

состоянію, совершенно подобному тому, которое господствуетъ въ безсознательной природѣ[1]). Дѣйствія имѣютъ извѣстную желанную цѣль; но результаты, вытекающіе изъ этихъ дѣйствій, часто вовсе не желательны. А если они, повидимому, и соотвѣтствуютъ желанной цѣли, то въ концѣ концовъ они несутъ съ собою далеко не одно то, что было желательно. Такимъ образомъ, кажется, что, въ общемъ, случайность одинаково господствуетъ и въ исторической области. Но гдѣ на поверхности господствуетъ случайность, тамъ сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутреннимъ, скрытымъ законамъ. Все дѣло въ томъ, чтобы открыть эти законы.

Каковъ бы ни былъ ходъ исторіи, люди дѣлаютъ ее такъ: каждый преслѣдуетъ свои собственныя, сознательныя цѣли, а въ результатѣ множества дѣйствующихъ по различнымъ направленіямъ стремленій и ихъ разнообразныхъ воздѣйствій на внѣшній міръ получается исторія. Вопросъ сводится, стало быть, къ тому, чего хочетъ это множество отдѣльныхъ лицъ. Воля опредѣляется страстью или сознательнымъ рѣшеніемъ. Вліянія же, которыми, въ свою очередь, непосредственно опредѣляется страсть или рѣшеніе, далеко неодинаковы. Иногда они исходятъ отъ внѣшнихъ предметовъ, иногда—отъ идеальныхъ двигателей: честолюбія, „восторженной любви къ истинѣ и праву“, личной ненависти или даже всякаго рода прихотей. Но, съ одной стороны, мы уже видѣли,

[1]) Ср. замѣчанія Зиммеля: . . . . es ist . . . . offenbar, welchen Irrtümern die naive Voraussetzung unterliegt, die die sinnolle Verbindung zwischen den Handlungen der Ein zelnen oder der Gruppen ohne weiteres in bewussten psychischen Vorgängen sucht, aus deren teleologischem Character jeneentsprängen (Die Probleme d. Geschichtsphilosophie 12). И тамъ же далѣе (13): Für das Gewebe des sozialen Lebens giltes ganz besonders: Was er webt, das weiss kein Weber.

что дѣйствующія въ исторіи многія единичныя стремленія въ большинствѣ случаевъ ведутъ за собою совсѣмъ не тѣ послѣдствія, какія имѣлись въ виду,—очень часто прямо противоположныя желаніямъ дѣятелей. И уже, по одному этому, побужденія, руководившія дѣятелей, имѣютъ, въ послѣднемъ счетѣ, лишь второстепенное значеніе. А съ другой стороны является новый вопросъ о томъ, каковы же тѣ силы, которыя дали волѣ людей то или иное направленіе, каковы тѣ историческія причины, которыя въ головахъ дѣятелей преобразуются въ тѣ или другія побужденія?

Старый матеріализмъ никогда не задавался такимъ вопросомъ. Взглядъ его на исторію, поскольку онъ имѣлъ такой взглядъ—былъ существенно прагматическій: онъ судилъ объ историческихъ событіяхъ сообразно побужденіямъ дѣятелей, дѣлилъ этихъ дѣятелей на честныхъ и плутовъ и находилъ, что въ большинствѣ случаевъ честные оказывались въ дуракахъ, а плуты торжествовали. Изъ этого обстоятельства для него вытекалъ лишь тотъ выводъ, что въ исторіи очень мало назидательнаго, а для насъ вытекаетъ тотъ, что въ исторической области старый матеріализмъ измѣнялъ себѣ, считая дѣйствующія тамъ идеальныя побудительныя силы послѣдними причинами событій, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать, что за ними кроется, каковы побудительныя силы этихъ побудительныхъ силъ. Не въ томъ состояла его непослѣдовательность, что онъ признавалъ существованіе идеальныхъ побудительныхъ силъ, а въ томъ, что онъ остановился на нихъ, не стремясь проникнуть дальше, дойти до причинъ, создавшихъ эти силы. Напротивъ, философія исторіи, особенно въ лицѣ Гегеля, признавала, что какъ явныя, выставляемыя на

показъ, такъ и дѣйствительныя, тайныя побужденія историческихъ дѣятелей вовсе не представляютъ собою послѣднихъ причинъ историческихъ событій, что за этими побужденіями стоятъ другіе двигатели. которые и надо изучать. Но философія исторіи искала этихъ двигателей не въ исторіи; она привносила ихъ туда извнѣ, изъ философской идеологіи. . . . .
. . . .

Когда заходитъ рѣчь объ изслѣдованіи тѣхъ причинъ, отъ которыхъ—сознательно или безсознательно—зависѣли побужденія историческихъ дѣятелей и которыя были, стало быть, истинными, послѣдними причинами историческихъ событій, то надо имѣть въ виду не столько побужденія отдѣльныхъ лицъ, хотя бы и самыхъ замѣчательныхъ, сколько тѣ побужденія, которыя приводятъ въ движеніе большія массы: цѣлые народы или цѣлые классы даннаго народа. Да и здѣсь важны не кратковременные взрывы, не скоропроходящія вспышки, а продолжительныя движенія, причиняющія великія историческія перемѣны. Искать тѣхъ причинъ, которыя, ясно или неясно, непосредственно или въ идеологической, быть можетъ, даже въ фантастической формѣ, отражаются, какъ сознательныя побужденія, въ головахъ массы и ея вожаковъ, такъ-называемыхъ великихъ людей, — вотъ единственный путь, ведущій къ познанію законовъ, господствующихъ въ исторіи вообще и въ ея отдѣльныхъ періодахъ или въ отдѣльныхъ странахъ. Въ головахъ людей непремѣнно отражается все то, что побуждаетъ ихъ къ дѣятельности". (F. Engels L. Feuerbach u. der Ausgang der klassichen deutschen Philosophie. Stuttgart. 1888. 50—54).

Съ *этой* точки зрѣнія роль личности въ исторіи не

имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія. Экономическій матеріализмъ, повторяемъ, игнорируетъ личность въ смыслѣ индивидуальности. Г. Николаевъ этого не усмотрѣлъ, и мы находимъ у него слѣдующія странныя разсужденія: „Спенсеръ въ своей „Соціологіи“ высказываетъ положеніе, что личность могла играть роль на зарѣ исторіи, въ первобытной ордѣ и въ обществахъ милитарнаго типа; но впослѣдствіи ея роль стушевывается. Дѣло какъ разъ—и это доказываетъ та же исторія—было наоборотъ. Нашъ историкъ Соловьевъ говоритъ, что „великіе люди степей не дѣлаютъ ничего, что бы выходило изъ границъ быта, потребностей своего народа, ничего не измѣняютъ въ этомъ дѣлѣ... Народъ и до нихъ былъ хищный и т. д. Умираетъ великій человѣкъ и народъ, всколыханный имъ, приходитъ въ прежнее состояніе, къ прежнему историческому событію... Внутреннихъ перемѣнъ, перемѣнъ въ бытѣ, великій человѣкъ произвести не можетъ“. Изученіе историческихъ фактовъ доказываетъ вѣрность положенія Соловьева. Въ вопросѣ о роли личности въ исторіи все дѣло—въ постановкѣ вопроса, т.-е. въ томъ, въ какую эпоху историческаго процесса и при какомъ развитіи экономическихъ основъ опредѣляется роль личности. Экономическій матеріализмъ съ бо́льшей или меньшей опредѣленностью уясняетъ вопросъ. Онъ долженъ (?!) признать роль личности въ процессѣ растущею функціей. При господствѣ семейныхъ отношеній эта роль ничтожна и случайна, если только вообще личность играетъ какую-либо роль. Даже примѣръ Соловьева (Чингизъ-ханъ и Тамерланъ) взятъ изъ эпохи не первобытной, а такой, когда экономическія отношенія начали выдѣляться изъ семейныхъ. При господствѣ экономическихъ отношеній, т.-е. при образо-

ванія сравнительно-сложной искусственной среды, эта роль увеличивается, такъ какъ сама искусственная среда представляетъ до извѣстной степени сознательное или безсознательное созданіе человѣка, и чѣмъ дальше идетъ развитіе этой общественной эпохи и усложненіе искусственной среды, тѣмъ роль личности должна быть шире, вліятельнѣе. *Сама эволюція фазисовъ экономическаго развитія произошла не безъ участія вліянія личности. Мы уже говорили объ ускореніи процесса капитализаціи въ Англіи парламентскими актами.* Такихъ фактовъ въ исторіи много и они только недостаточно координированы (?), чтобы быть истолкованными Въ конечной стадіи выдѣленія изъ экономическаго фундамента интеллектуальныхъ и политическихъ элементовъ роль личности дѣлается громадной. Можно предвидѣть ту эпоху, когда она сдѣлается даже преобладающей, что, конечно, будетъ тогда, когда наступитъ періодъ производства интеллектуальныхъ и соціальныхъ условій дальнѣйшаго существованія человѣческаго общества или, говоря словами Уорда, телеологическій прогрессъ вмѣсто генетическаго. Это собственно все, что можетъ сказать гипотеза экономическаго матеріализма, какъ гипотеза историческая. Она только должна доказать это координированіемъ историческихъ фактовъ. Дальнѣйшее же уясненіе вопроса о роли личности относится къ области психологіи, а не исторіи, и въ исторію можетъ войти только какъ матеріалъ для ея построеній.

И, однако, если гипотеза можетъ доказать только то, что роль личности есть растущая общественная функція, то и этого довольно. Она однимъ этимъ открываетъ человѣчеству блестящія перспективы и является гипотезой благородной и высоко-моральной" (!?). (l. c. 162—163)

Подчеркнутыя нами слова привели насъ въ изумленіе, въ которомъ мы до сихъ поръ пребываемъ. Если „ускореніе процесса капитализаціи въ Англіи парламентскими актами" относится на счетъ роли личности въ исторіи, то мы, признаться, перестаемъ понимать, что вообще значитъ это словосочетаніе. Если всѣ случаи, когда дѣйствуютъ люди, принимать за проявленія творческой дѣятельности личности, то почти ничего другого въ исторіи не увидишь. И добро бы еще г. Николаевъ привелъ примѣры воздѣйствія на среду великихъ людей, а то онъ говоритъ намъ о парламентскихъ актахъ, исходившихъ отъ парламентскаго большинства, которое въ этихъ случаяхъ являлось простымъ выразителемъ извѣстныхъ классовыхъ стремленій. Это—классическій образчикъ классоваго господства (Klassenherrschaft) и классоваго законодательства (Klassengesetzgebung), а намъ преподносятъ его, какъ произведеніе личности. Вѣдь „принципъ личности" для тѣхъ, кто дѣлаетъ его активнымъ элементомъ историческаго процесса, есть „самоопредѣляемость, т.-е. самобытность, какъ выработка идей дѣятельностью собственной мысли, и самостоятельность, какъ стремленіе къ достиженію личныхъ (не въ смыслѣ эгоистическихъ, а въ смыслѣ самостоятельно поставленныхъ) цѣлей; личность, пассивно воспринимающая идеи изъ окружающей культуры, личность, пассивно повинующаяся требованіямъ данной соціальной организаціи, есть произведеніе надъорганической среды, а она опредѣляется извнѣ; она не самобытная личность, а экземпляръ культурной группы, она не самостоятельная личность, а какъ бы клѣточка соціальной организаціи". (Карѣевъ. „Сущность историческаго процесса". 613—614).

Въ немногихъ словахъ наше мнѣніе о теоріи телео-

логическаго прогресса Уорда таково: поскольку это ученіе указываетъ на цѣль, какъ на факторъ прогресса, оно ничего новаго не говоритъ, поскольку же оно навязываетъ соціологіи практическій характеръ и субъективизмъ, оно отрицаетъ самую основу научной методологіи и должно быть отвергнуто—a limine. Такимъ образомъ мостъ, который г. Николаевъ хотѣлъ при содѣйствіи Уорда перекинуть отъ экономическаго матеріализма къ субъективному идеализму, долженъ быть признанъ сооруженіемъ негоднымъ.

VI.

Экономическій матеріализмъ открываетъ очень широкія перспективы человѣчеству. Но эти широкія перспективы вытекаютъ не изъ творческой дѣятельности „личности", а являются необходимымъ результатомъ матеріальнаго процесса.—„Общество завладѣваетъ средствами производства и такимъ образомъ устраняетъ товарное производство и господство продукта надъ производителемъ. Анархія внутри общественнаго производства замѣняется планомѣрной сознательной организаціей. Борьба за индивидуальное существованіе прекращается. Только теперь человѣкъ въ извѣстномъ смыслѣ окончательно выходитъ изъ предѣловъ животнаго царства. Его условія существованія изъ животныхъ становятся дѣйствительно человѣческими. Совокупность окружающихъ человѣка жизненныхъ условій, которая до сихъ поръ господствовала надъ людьми, становится теперь подъ господство и контроль людей, которые теперь впервые дѣлаются истинными господами природы, потому что и поскольку они становятся господами своего собственнаго обобществленія. Законы ихъ собственной общественн-

ной дѣятельности, которые до сихъ поръ являлись для людей чуждыми, господствующими надъ ними законами природы. съ полнымъ знаніемъ прилагается теперь людьми и подпадаютъ подъ ихъ господство. Собственное обобществленіе людей, которое являлось для нихъ до сихъ поръ чѣмъ-то навязаннымъ имъ природой и исторіей, становится теперь ихъ собственнымъ свободнымъ дѣяніемъ. Объективныя чуждыя силы, которыя до сихъ поръ господствовали надъ исторіей, подчиняются теперь контролю людей. Только съ этого момента люди будутъ съ полнымъ сознаніемъ сами дѣлать свою исторію, только съ этого момента приводимыя ими въ движеніе общественныя причины будутъ преимущественно и въ растущей мѣрѣ имѣть желательныя послѣдствія. Таковъ прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы" (A. D. 270—271)[1]. Личность во всемъ этомъ не причемъ. Какъ же понимаетъ Энгельсъ отношеніе свободы къ необходимости. „Гегель былъ первый, который правильно указалъ отношеніе между свободой и необходимостью. Для него свобода есть пониманіе необходимости. Необходимость слѣпа только поскольку мы ее не понимаемъ. Свобода заключается не въ воображаемой независимости отъ законовъ природы, но въ познаніи этихъ законовъ и въ вытекающей изъ него возможности планомѣрно пользоваться ими для опредѣленныхъ цѣлей. Это относится одинаково, какъ къ законамъ внѣшней при-

[1]) Это мѣсто ясно показываетъ, что и та зависимость между явленіями соціальной жизни, которая составляетъ содержаніе доктрины экономическаго матеріализма, подлежитъ. съ точки зрѣнія творцовъ теоріи, общему закону «*міровой діалектики*», т. е. *эволюціи*. Она, эта зависимость, не есть нѣчто такое, что бы существовало «отъ вѣка и до вѣка». Но, настаиваемъ. *личность тутъ не причемъ*. На оборотъ, «царство свободы» предполагаетъ господство коллективизма, т.-е. возможно только при подчиненіи личности обществу.

роды, такъ и къ тѣмъ, которые управляютъ тѣлесною и духовною жизнью человѣка—два рода законовъ, которые мы можемъ разъединять только въ представленіи, а не въ дѣйствительности. Свобода воли поэтому есть не что иное, какъ способность сознательно (mit Sachkennniss) принимать какое нибудь рѣшеніе. Чѣмъ свободнѣе, стало быть, сужденіе человѣка о какомъ нибудь вопросѣ, тѣмъ болѣе необходимымъ является содержаніе этого сужденія, тогда какъ вытекающая изъ незнанія неувѣренность, которая дѣлаетъ, повидимому, совершенно произвольный выборъ между многими разнообразными и противорѣчивыми рѣшеніями, тѣмъ самымъ доказываетъ свою несвободу, свое подчиненіе тому предмету, который долженъ бы былъ быть ей подчиненъ. Свобода заключается, такимъ образомъ, въ основанномъ на познаніи законовъ природы господствѣ людей надъ собой и надъ внѣшней природой; поэтому, свобода можетъ быть только продуктомъ историческаго развитія". (AD. 103—104).

VII.

Такъ какъ наша главная задача—противопоставить субъективному идеализму экономическій матеріализмъ, то мы должны остановиться еще на объективизмѣ послѣдняго. Экономическій матеріализмъ носитъ глубоко-историческій характеръ. Классическій примѣръ *объективности* и *историчности* экономическаго матеріализма представляютъ разсужденія Маркса и Энгельса о рабствѣ и его значеніи въ соціально-экономической эволюціи. „Только рабство дало возможность провести въ крупномъ масштабѣ раздѣленіе труда между земледѣліемъ и промышленностью и такимъ образомъ создало цвѣтъ античнаго міра—греческую культуру. Безъ рабства не было

бы греческаго государства; не было бы греческаго искусства и греческой науки. Безъ рабства не было бы римскаго государства, а безъ греческой культуры и римскаго государства не существовало бы современной Европы. Мы не должны никогда забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитіе предполагаетъ состояніе, въ которомъ рабство было необходимостью и пользовалось всеобщимъ признаніемъ. Поэтому мы имѣемъ право сказать: безъ античнаго рабства не было бы современнаго соціализма. Очень легко (es ist sehr wohlfeil) обрушиваться общими фразами на рабство и изливать моральное негодованіе на „подобныя гнусности". Къ сожалѣнію, дѣлая это, мы говоримъ только то, что извѣстно всякому, а именно, что эти античныя учрежденія не соотвѣтствуютъ болѣе современнымъ условіямъ и нашимъ чувствамъ, которыя опредѣляются этими условіями. Но мы изъ этого не узнаемъ рѣшительно ничего о томъ, какъ эти учрежденія возникли, почему они существовали, и какую роль они играли въ исторіи. И если мы обратимся къ этимъ вопросамъ, то мы должны будемъ сказать, какъ бы это ни звучало противорѣчиво и еретически, что введеніе рабства при условіяхъ того времени было большимъ шагомъ впередъ. Нельзя вѣдь оспаривать тотъ фактъ, что человѣчество начало свою жизнь съ животнаго состоянія и потому нуждалось въ варварскихъ, почти животныхъ средствахъ для того, чтобы подняться изъ варварства". (AD. 173—174, ср. также аналогичное мѣсто еще въ „Misère de la philosophie", нѣм. пер. изд. 1885 г. 103).

Эта черта историко-экономическаго матеріализма — его объективизмъ — явилась недавно предметомъ оживленной полемики между двумя нѣмецкими учеными, Воль-

фомъ и Зомбартомъ. Первый въ своей книгѣ „Der Sozialismus und die kapitalistische Wirtschaftsordnung“ обнаружилъ въ критикѣ современнаго соціализма и въ частности—ученія Маркса очень поверхностное и легкомысленное отношеніе къ предмету. Зомбартъ въ очень рѣзкой рецензіи (Brauns Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik 1892, 487—498.) указалъ на ошибки Вольфа. Вольфъ отвѣчалъ (A. f. s. G. u. S. 1893, 135—147) и вызвалъ новое возраженіе со стороны Зомбарта (тамъ же 147—164). Эта полемика для насъ очень поучительна. Зомбартъ указываетъ, что Вольфъ совсѣмъ не замѣтилъ чисто теоретическаго характера марксизма. „Въ томъ, что Вольфъ придаетъ этическій характеръ ученію Маркса (die Lehre von Marx verethisirt).... заключается πρῶτον ψεῦδος критическихъ разсужденій его книги“. Отъ прочихъ соціалистическихъ системъ, которыя Зомбартъ объединяетъ подъ названіемъ этическаго соціализма, марксизмъ отличается, по его мнѣнію, своимъ антиэтическимъ [1]) характеромъ. „Въ самомъ марксизмѣ съ начала до конца нѣтъ ни одного грана этики“. Если Марксу достаточно было только показать, что современный соціальный строй дуренъ и несправедливъ, и потому долженъ быть устраненъ, то зачѣмъ его упорная борьба съ утопизмомъ, зачѣмъ „грандіозный аппаратъ матеріалистической теоріи исторіи“, зачѣмъ, наконецъ, 3 тома „Капитала“?—спрашиваетъ Зомбартъ. Но послушаемъ самихъ виновниковъ ученой полемики. „Когда мы говоримъ: то-то несправедливо, того-то быть не должно, то это ближайшимъ образомъ не затрогиваетъ экономіи. Мы говоримъ только, что данный экономическій фактъ

[1]) Этотъ терминъ «антиэтическій» нельзя назвать удачнымъ. См. дальше въ текстѣ.

противорѣчитъ нашему нравственному чувству. Марксъ поэтому никогда не основывалъ своихъ... требованій на такомъ (т.-е. нравственномъ) основаніи (M. d. l. ph., предисловіе Энгельса X). „Въ нравственномъ негодованіи, какъ бы оно ни было справедливо, экономическая наука не можетъ видѣть никакого доказательства; онъ для нея только симптомъ". (AD. 140, ср. также 148). Обобществленіе труда, какъ всякій экономическій прогрессъ, дѣлается возможнымъ (wird ausfürbahr) не благодаря сознанію того, что существованіе классовъ противорѣчитъ справедливости, равенству, не въ силу простаго желанія (nicht durch den blossen Willen) уничтожить эти классы, но благодаря извѣстнымъ „новымъ экономическимъ условіямъ" (AD. 269) [1]).

Ученіе Маркса, какъ научная доктрина, не носитъ „антиэтическаго" характера; оно просто объективная теорія, изслѣдующая то, что было, есть и будетъ, какъ необходимый закономѣрный результатъ прошлаго и настоящаго. Этическая точка зрѣнія подчинена принципу цѣлесообразности; научная точка зрѣнія подчиняетъ и этотъ принципъ другому — принципу причинности, который есть общій законъ мышленія. „Телеологическое воззрѣніе на вещи вытекаетъ изъ совершенно другого побужденія (Interesse) духа, чѣмъ познаніе и наука. То, что познано какъ необходимое, во многихъ случаяхъ является въ то же время цѣлесообразнымъ по отношенію къ волѣ, но совершенно не одно и то же — признать какой нибудь фактъ цѣлесообразнымъ и познать проис-

---

[1]) Философъ *Бутервекъ* формулируетъ это такъ: Moralische Postulate schlagen keinen historischen Zweifel nieder. Denn aus der Idee dessen, das geschehen soll, folgt nie, dass es je geschehen wird, so ernsthaft sich auch wohlwollende Metaphysiker in diese Folg erung vertiefen mögen. (Fr. Bouterweks Kleine Shriften Erster Band. Göttingen 1818, 147).

хожденіе этой цѣлесообразности. Практическая оцѣнка не можетъ стать на мѣсто теоретическаго познанія (Riehl, Der philosophische Kritizismus II. 2, 342). Если мы подъ марксизмомъ будемъ разумѣть безусловно объективную часть воззрѣній Маркса и примемъ во вниманіе, что его „прогнозъ“, прямо какъ таковой, не можетъ имѣть безусловно обязательнаго характера для всякаго изслѣдователя (хотя бы и принимающаго все остальное ученіе Маркса), то мы должны будемъ допустить, что можно быть марксистомъ, не будучи соціалистомъ. Съ другой стороны, мы вполнѣ поймемъ существованіе соціалистовъ, отъ всей души ненавидящихъ марксизмъ, именно за его объективизмъ, сурово напоминающій о границахъ, поставленныхъ личному творчеству, и подрѣзающій крылья пламеннымъ мечтаніямъ.

Но, какъ детерминизмъ не есть фатализмъ, а напротивъ, исключаетъ послѣдній, такъ-же точно объективизмъ—который можно охарактеризовать, какъ мышленіе по принципу причинности—не осуждаетъ людей на бездѣйствіе. Наоборотъ, только благодаря ему, становится возможной разумная цѣлесообразная дѣятельность. (См. выше, стр. 64—65). „Міръ и жизнь не могутъ цѣликомъ войти въ науку. Наслѣдственный грѣхъ метафизики всѣхъ временъ состоялъ въ томъ, что она принимала безусловное уравненіе между наукой и жизнью, что для нея всякое бытіе было вполнѣ познаннымъ бытіемъ, словомъ, что она считала систему за міръ. Кромѣ царства науки есть царство нравственнаго дѣянія и царство художественнаго творчества. Ни одно изъ этихъ царствъ не должно вторгаться во внутреннія дѣла другого и нарушать ихъ ходъ, потому что каждое изъ нихъ представляетъ особую сторону реальнаго міра“. (Riehl

l. c. II, 1.291). Это вѣрно, но горе тому нравственному дѣянію, которое игнорируетъ результаты работы объективной мысли!

VIII.

Выясненіе основныхъ положеній историко-экономическаго матеріализма даетъ намъ въ руки правильный масштабъ для оцѣнки двухъ факторовъ, играющихъ весьма важную роль во всѣхъ народническихъ построеніяхъ. Мы говоримъ объ интеллигенціи и государствѣ. Если общественные классы являются выраженіемъ экономической дифференціаціи данной соціальной среды и, если всѣ вообще общественныя группы представляютъ изъ себя реальную силу, только поскольку они имѣютъ такой характеръ, т.-е. или совпадаютъ съ общественными классами, или къ нимъ примыкаютъ, то очевидно, что „безсословная интеллигенція" не есть реальная общественная сила. Къ тому же, чѣмъ дальше будетъ идти процессъ экономической эволюціи, чѣмъ больше онъ будетъ выясняться, тѣмъ скорѣе будетъ теряться единство взглядовъ интеллигенціи на основные экономическіе вопросы. „Объединеніе" можетъ произойти только въ той области, центральное значеніе которой будетъ лучшимъ показателемъ того, что процессъ смѣны старыхъ экономическихъ формъ новыми уже очень далеко подвинулся впередъ. Намъ могутъ замѣтить, что тѣ, кто разсчитываетъ на защиту и дальнѣйшее развитіе старыхъ „народныхъ" формъ жизни соединенными усиліями интеллигенціи и народа, центръ тяжести полагаютъ въ послѣднемъ. Это указаніе будетъ совершенно вѣрнымъ: признанія первенствующаго значенія за народомъ требуютъ и здравый смыслъ, и элементарное соціологическое раз-

сужденіе. Поэтому недостаточно указать на то, что „безсословная интеллигенція“ не имѣетъ никакого серьезнаго, самостоятельнаго значенія для соціально-экономической эволюціи, надо доказать, что разложеніе стараго экономическаго строя неизбѣжно. Если мы рѣшили уже теперь устранить изъ нашихъ разсужденій интеллигенцію, то не потому, что признаніе *ея безсилія* въ экономическомъ процессѣ—на нашъ взглядъ—рѣшало бы разомъ весь споръ. Намъ казалось важнымъ съ самаго начала заявить, что съ нашей точки зрѣнія интеллигенція en masse не есть нѣчто существующее отдѣльно отъ экономически господствующихъ классовъ, имѣющихъ совершенно-опредѣленные интересы и играющихъ вполнѣ опредѣленную роль въ экономической эволюціи, *она съ ними тождественна*; кучка же идеалистовъ, мечтающихъ о сохраненіи „устоевъ“, есть въ *соціологическомъ* отношеніи quantité négligeable [1]). Давно пора это громко признать.

Соціологическое значеніе государства выяснено выше. Въ первой половинѣ XIX-го вѣка, въ качествѣ теоретическаго выраженія потребностей развивающагося капитализма, окончательно сформировалось ученіе объ экономическомъ безсиліи государства и было заявлено „наукой“ требованіе полнаго невмѣшательства его въ экономическую жизнь и въ соціальныя отношенія; единственной задачей государства было превозглашено охраненіе

---

[1]) Мы нарочно подчеркиваемъ, что считаемъ «кучку идеалистовъ» quantité négligeable въ *соціологическомъ* отношеніи, такъ какъ вполнѣ признаемъ и ея интеллектуальную мощь, и ея великое этическое значеніе, Но дѣятельность идеалистовъ не можетъ создать ничего прочнаго наперекоръ тому, что выдвигается стихійнымъ историческимъ процессомъ. Примкнувъ къ послѣднему, идеалисты могутъ, повидимому, двигать горами, но признавать ихъ поэтому движущей силой, значитъ впадать въ ту ошибку, надъ которой смѣется Мефистофель: Du glaubst zu schieben und du wirst geschoben.

„правоваго порядка“. Эта „Nachtwächteridee“—оказалась несостоятельной и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи. Реакція противъ низведенія государства до роли будочника достаточно извѣстна. Она сказалась въ полной мѣрѣ и въ нашей литературѣ. У насъ и, въ данномъ случаѣ опять-таки—въ народнической литературѣ, отрицаніе старыхъ взглядовъ на государство приводитъ къ игнорированію *соціологической природы* государства. Отъ государства требуютъ чудесъ, которыхъ оно, конечно, не можетъ творить, забываютъ, что государство есть не только организація порядка, но и организація господства, и что до тѣхъ поръ, пока оно есть выраженіе господства извѣстныхъ общественныхъ классовъ, его экономической политикѣ поставлены извѣстныя границы; что нужно перераспредѣленіе соціальной силы между отдѣльными классами для того, чтобы государство кореннымъ образомъ измѣнило свой „курсъ“. Забываютъ, что тамъ, гдѣ существуетъ „товарное производство“, изъ этого экономическаго факта необходимо вытекаютъ извѣстныя соціальныя послѣдствія, предъ которыми государство безсильно; что до тѣхъ поръ, пока основы экономическаго строя не испытали кореннаго измѣненія, вмѣшательство государства въ область *распредѣленія* не можетъ простираться такъ далеко, какъ этого хотѣлось бы „кающемуся дворянину“, хотя бы потому, что кающіеся тонутъ въ массѣ нераскаянныхъ. Словомъ, одна крайность смѣнила другую: государству приписана такая творческая сила, которой у него нѣтъ и быть не можетъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Къ характеристикѣ историческаго развитія хозяйственнаго быта.

Die Absatzverhältnisse, wie sie mit oder ohne Staatseinwirkung geworden sind, beherrschen die Production.

Adolf Held. Zwei Bücher z. sozialen Geschichte Englands. Leipzig, 1881.

I. Обмѣнъ и народное хозяйство. Автономная хозяйственная организація. Средневѣковой городъ. Схема историческаго развитія хозяйственнаго быта. Натуральное хозяйство и личная зависимость. Салтыковъ versus Южаковъ. Обезпеченность населенія при натуральномъ хозяйствѣ.—II. Экономическое равенство въ эпоху натуральнаго хозяйства. Цеховой строй и его разложеніе подъ вліяніемъ торговаго обмѣна.—III. Обмѣнъ (торговля) и его историческая роль.—IV. Матеріальныя условія развитія обмѣна—улучшенные пути сообщенія.—V. Преобразованіе обрабатывающей промышленности подъ вліяніемъ расширенія рынка. — VI. Разсѣяніе промышленности какъ результатъ парового транспорта.—VII. Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство. Значеніе вытѣсненія натуральнаго хозяйства мѣновымъ. Замѣчаніе о *соціальной* роли парового транспорта.—VIII. Зависимость между хозяйственнымъ строемъ страны и ея емкостью по отношенію къ населенію.—IX. Замѣчанія о нѣкоторыхъ взглядахъ Лоріа.—X. «Конфедерація національныхъ производительныхъ силъ» какъ основа дальнѣйшаго экономическаго прогресса. Значеніе Листа.—XI. Разборъ понятія «капитализмъ».

I.

Все предшествующее изложеніе имѣло цѣлью рѣзко выставить противоположность между соціологическими взглядами народниковъ и нашими. Оно являлось необходимымъ введеніемъ къ обсужденію болѣе *конкретныхъ* экономическихъ вопросовъ. Чѣмъ дальше мы будемъ подвигаться въ нашемъ изложеніи, тѣмъ конкретнѣе будутъ становиться обсуждаемые вопросы. Но будетъ вполнѣ естественно и законно, если мы анализу сложныхъ эко-

номическихъ фактовъ современности предпошлемъ нѣкоторыя общія положенія и историческія справки. Одинъ англійскій экономистъ (Уэтли) предложилъ назвать науку о народномъ хозяйствѣ, политическую экономію, *каталлактикой*, ученіемъ объ обмѣнѣ [1]). Безъ сомнѣнія, такое пониманіе науки о хозяйственномъ бытѣ человѣчества одностороние, но въ немъ заключается доля — и притомъ довольно крупная—истины. Экономическая жизнь возможна при полномъ отсутствіи обмѣна [2]), *народное хозяйство* безъ обмѣна до сихъ поръ было немыслимо: оно *возникаетъ только съ обмѣномъ, дальнѣйшее развитіе котораго въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ развитіе всѣхъ остальныхъ сторонъ народно-хозяйственной жизни.* Въ настоящее время, благодаря обмѣну, даже каждое отдѣльное народное хозяйство не представляетъ самодовлѣющаго цѣлаго; въ началѣ исторической жизни мы имѣемъ дѣло только съ такими самодовлѣющими хозяйственными единицами и процессъ *дифференціаціи* внутри нихъ—съ одной стороны, процессъ *индивидуализаціи* прежде равныхъ между собою хозяйственныхъ единицъ—съ другой стороны постепенно приводятъ къ той сложной системѣ хозяйственныхъ отношеній, которую мы называемъ *народнымъ хозяйствомъ*, и восходя еще ступенью выше, хозяйствомъ *міровымъ*.

---

[1]) Richard Whately, Archbishop of Dublin, Introductory Lectures on Political-Economy etc. 4-th edition. London 1855. p. 4. Man might be defined, «An animal that makes *Exchanges*».

[2]) Производство существуетъ до обмѣна и внѣ обмѣна и потому противъ приведенной выше (въ гл. II) формулы Маркса и Энгельса можно было бы, пожалуй, возразить, что въ ней не совсѣмъ правильно сопоставлены способы производства и формы обмѣна. Но не въ этомъ дѣло. Важно было подчеркнуть огромную опредѣляющую роль обмѣна и это было сдѣлано. Весь современный экономическій строй объясняется такой ролью обмѣна и потому этотъ строй быть можетъ всего лучше характеризуется взятыми нами, какъ эпиграфъ, словами Гельда: условія сбыта управляютъ производствомъ.

Древнѣйшей замкнутой и самодовлѣющей хозяйственной единицей была первичная соціальная группа. Безразлично, будемъ-ли мы считать за таковую — примитивную орду, въ которой господствуютъ безпорядочныя половыя сношенія, или матріархальную семью съ ея, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, довольно *„либеральнымъ“* режимомъ, или патріархальный родъ, мы должны признать, что первичная хозяйственная организація, какъ таковая, отличалась полной самостоятельностью, т.-е. всѣ свои потребности она удовлетворяла своими силами. И даже тогда, когда она уже утратила свою безусловную самостоятельность, стала частью другого, болѣе крупнаго цѣлаго, все таки *ея обычныя хозяйственныя потребности* продолжали удовлетворяться по прежнему совершенно независимо отъ другихъ аналогичныхъ группъ. Ростъ потребностей и стремленіе удовлетворить ихъ наиболѣе хозяйственнымъ образомъ должны были привести къ извѣстному раздѣленію труда внутри такой группы, которая, какъ бы она ни была близка, повидимому, къ *современной семьѣ*, мы отнюдь не должны отождествлять съ послѣдней.

Переходъ къ осѣдлой жизни и къ преимущественному занятію земледѣліемъ повсюду сопровождался разложеніемъ древнѣйшей соціальной группы на болѣе мелкія Такой новой соціальной ячейкой является патріархальная семья, первоначально почти такая же самодовлѣющаи экономическая единица, какъ и та болѣе крупная группа,

---

[1]) Задолго до того, что раздѣленіе труда становится фактомъ соціальнымъ (въ тѣсномъ смыслѣ слова) существуетъ уже его техническая основа. «Всюду на землѣ люди раньше умѣли превращать волокна шерсти, конопли и льна въ пряжу и дѣлать изъ нея ткань, чѣмъ сдѣлали изъ ткачества особый промыселъ». (Bücher статья Gewerbe въ Handwörterbuch des Staatswissenschaften, III, 924).

изъ которой она выдѣлилась. Средствомъ удержать въ новой группѣ и развивать дальше достигнутое при прежнихъ условіяхъ раздѣленіе труда было *рабство* [1]). На рабствѣ было основано *ойкосное* хозяйство древней Греціи и римская „*familia*". Благодаря ему, при слабомъ развитіи обмѣна, мы видимъ въ греческомъ и римскомъ обществѣ довольно высокое раздѣленіе труда. Конечно, не этотъ опирающійся на рабство соціальный строй давалъ и даетъ матеріалъ для розовыхъ представленій „объ естественномъ состояніи", представленій до сихъ поръ, какъ мы видѣли, нечуждыхъ русскимъ соціологамъ. Вѣроятно имъ рисуется идиллическая картина родового быта, набросанная Морганомъ; или же они просто безъ всякихъ дальнѣйшихъ размышленій, по примѣру Руссо и Тацита, конструировали себѣ „идеальнаго дикаря" для того, чтобы противопоставить его порочной современности. Какъ бы мы ни относились къ построеніямъ Моргана, мы смѣло можемъ утверждать, во-первыхъ (вмѣстѣ съ Брентано) [2]), что *первобытный* человѣкъ былъ болѣе чѣмъ дикаремъ; во-вторыхъ, что вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ отцовскую власть, ни о какой идилліи не можетъ быть и рѣчи.

Автономное домашнее хозяйство мы видимъ и въ

[1]) «Различныя формы личной несвободы возникаютъ въ силу экономической необходимости, для того, чтобы домъ съ его внутреннимъ раздѣленіемъ труда могъ сохранить свою автономію... Крупныя рабскія хозяйства кареагенянъ и римлянъ, виллы Карла Великаго представляютъ примѣры широкаго домохозяйственнаго раздѣленія труда, которое создаетъ условія для развитія разнообразной промышленной техники и обезпечиваетъ сравнительно очень многостороннее удовлетвореніе потребностей». (Bücher статья Gewerbe въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, III, 925). Ср. того же автора «Die Entstehung des Volkswirtsshaft» (Tübingen 1893).

[2]) Die Konkreten grundlagend. Volkswirtschaft въ Zeitschrift für Social u. Wirtschaftsgeschichte I, 102.

средневѣковыхъ „помѣстьяхъ“ (Fronhöfe) съ той только разницей противъ греческаго ойкоса и римской фамиліи, что Fronhofswirtschaft состоитъ изъ отдѣльныхъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ, подчиненныхъ господскому двору и тяготѣющихъ къ нему, но въ то же время пользующихся извѣстной самостоятельностью. *Внутри* такого помѣщичьяго хозяйства также существуетъ довольно широкое раздѣленіе труда, но ни о какомъ правильномъ обмѣнѣ нѣтъ и рѣчи. Обмѣнъ возникаетъ тамъ, гдѣ являются потребности, которыя автономное хозяйство даже самыхъ обширныхъ размѣровъ не можетъ удовлетворить своими средствами; и въ формѣ правильной *торговли*, обмѣнъ первоначально носитъ по преимуществу международный характеръ; онъ удовлетворяетъ наиболѣе тонкія потребности, отличаясь такимъ образомъ рѣзкимъ аристократизмомъ. Крестьянскій дворъ въ средніе вѣка долженъ много отдавать на сторону; но это не обмѣнъ, а отбываніе повинностей. Но раздѣленіе труда внутри большого помѣщичьяго хозяйства создаетъ необходимыя условія и для національнаго[1]) обмѣна. Благодаря появленію *городовъ*, эти предпосылки получаютъ дальнѣйшее развитіе и такимъ образомъ возникаетъ та форма мѣнового хозяйства, представителемъ которой является средневѣковой городъ. Эта хозяйственная организація, съ тяготѣющей къ нему сельской областью, знаетъ, главнымъ образомъ, прямой обмѣнъ между производителемъ и потребителемъ, поэтому-то ей—поскольку она сохранила свой первоначальный характеръ—въ общемъ чужда *торговля*, по крайней мѣрѣ—въ современной формѣ, и мы видимъ у нея враждебное отношеніе

[1]) Насколько и въ какомъ смыслѣ терминъ «національный» приложимъ къ той эпохѣ, о которой идетъ рѣчь, здѣсь не мѣсто обсуждать.

ко всякому поползновенію къ свободѣ обмѣна. Однако, несвободный ремесленникъ помѣщичьяго хозяйства получилъ въ городѣ возможность свободно продавать каждому непосредственному потребителю произведенія своего промысла, и это право свободной продажи собственныхъ произведеній, говоритъ Инама-Стернеггъ, естественно дало ремеслу гораздо болѣе богатое содержаніе и произвело само опять-таки такое значительное раздѣленіе труда и такую многосторонность производства, которыя мы напрасно стали бы искать внутри помѣщичьяго хозяйства (Deutsche Wirtschaftsgeschichte. II. Leipzig 1891, 322).

Но два главные фактора городского мѣнового хозяйства — городское промышленное населеніе и сельское земледѣльческое населеніе—далеко не равномѣрно отрѣшились отъ своей прежней экономической самостоятельности. Хотя въ самомъ началѣ городской жизни городъ былъ почти вполнѣ самодовлѣющимъ въ экономическомъ отношеніи цѣлымъ и во все продолженіе среднихъ вѣковъ жители городовъ часто занимались земледѣліемъ и вели въ довольно крупныхъ размѣрахъ скотоводство [1]), все таки, безспорно, что хозяйство земледѣльца—сельскаго жителя въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ хозяйство горожанина сохраняло натуральный характеръ, что обусловливалось, между прочимъ, и болѣе низкимъ уровнемъ потребностей сельскаго населенія.

Ростъ потребностей [2]) *и стремленіе къ наиболѣе хо-*

[1]) Ср., напр., любопытныя данныя у *G. Adler* Die Fleisch-Teuerungspolitik der deutschen Städte beim Ausgange des Mittelalters. Tübingen 1893, 5—7.

[2]) Тѣ обстоятельства, которыми обусловливается ростъ потребностей, могутъ быть многоразличны; они стоятъ въ тѣсной связи съ условіями обмѣна и характеромъ производства. На послѣдній корен-

зяйственному, т. е. сопряженному съ наименьшей затратой силъ ихъ удовлетворенію, производятъ раздѣленіе труда, раздѣленіе труда дѣлаетъ возможнымъ обмѣнъ, который, въ свою очередь, способствуетъ многосторонности производства, т. е. еще большему раздѣленію труда. Вотъ схема историческаго развитія хозяйственнаго быта. Изъ нея мы узнаемъ также, что натуральное хозяйство всюду и всегда сопровождается низкимъ уровнемъ потребностей. Это неизбѣжная оборотная сторона идилліи „*народнаго производства*". На этомъ обстоятельствѣ мы еще остановимся въ дальнѣйшемъ изложеніи, а теперь намъ важно подчеркнуть другую исторически-необходимую сторону натуральнаго хозяйства. выше нами уже отмѣченную [на стр. 76 и 65—66 (мнѣніе Энгельса)]. Почти всюду натуральное хозяйство въ исторіи сопровождается личной зависимостью, рабствомъ или крѣпостнымъ правомъ. И эта зависимость носитъ характеръ исторической необходимости, потому что только то объединеніе силъ, которое являлось результатомъ личной зависимости, могло создать въ натуральной организаціи хозяйства условія экономическаго и вообще культурнаго прогресса. Средствомъ такого приспособленія рабочихъ силъ къ растущимъ потребностямъ, хотя бы не всей группы, а только командующихъ ея членовъ, было раздѣленіе труда. Роль средневѣкового помѣщичьяго хозяйства (Grundherrschaft) въ экономическомъ прогрессѣ, быть можетъ, не такъ велика, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи [1]), но ея отрицать нельзя. „Хозяйство въ

нымъ образомъ вліяетъ ростъ населенія, но въ свою очередь размноженіе быть можетъ еще сильнѣе обусловливается организаціей производства.

[1]) Такъ—*Inama-Sternegg* Die Ausbildung d. grossen Grundherrschaften in Deutschland während der Karolingerzeit. Leipzig 1878 (Schmollers

средневѣковыхъ помѣстьяхъ было приспособлено къ тому, чтобы давать излишекъ надъ собственнымъ потребленіемъ; производство для рынка необходимо вытекало изъ господства феодаловъ надъ всѣми экономическими силами обширной территоріи (помѣстья). Пускать избытки производства на рынокъ и получать взамѣнъ ихъ деньги или какіе-нибудь предметы для своего хозяйства... это уже довольно рано составляетъ заботу феодаловъ (der Grundherren. Inama-Sternegg Deutsche Wirtschaftsgeschichte, I, 439). Такимъ образомъ они ведутъ уже довольно оживленную торговлю „за свой собственный счетъ и рискъ“ (ibidem 440). Ихъ потребленіе, стало быть, перестаетъ быть исключительно натурально-хозяйственнымъ, хотя внутренняя организація производства еще цѣликомъ сохраняетъ такой характеръ: ни сырья, ни рабочей силы они еще не покупаютъ.

А низшіе слои населенія, *misera contribuens plebs*, всецѣло еще продолжаютъ вести натуральное хозяйство. Вопросъ о деньгахъ является передъ ними впервые, когда господинъ или государство, все болѣе и болѣе переходящіе къ денежному хозяйству, начинаютъ и отъ своихъ контрибуентовъ требовать денегъ.

Въ русской исторіи зависимость (юридическая и экономическая) непосредственныхъ производителей отъ господъ встрѣчается намъ чуть не съ первыхъ страницъ,

---

Forschungen I, 1, 102 ff. и его же Deutsche Wirtschaftsgeschichte I, 295—297, 381—383). Иного мнѣнія держится Лампрехтъ, который гораздо сдержаннѣе оцѣниваетъ экономическое значеніе Grundherrschaft, ср., напр., Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter etc. II, 2, 1503 ff. Тѣмъ не менѣе и Lamprecht говоритъ, что еще въ 11 и 12 вв. заселеніе и сельскохозяйственная разработка обширныхъ пространствъ современной Германіи представляютъ въ значительной мѣрѣ блестящій экономическій подвигъ крупныхъ феодаловъ (Deutsche Geschichte. III, 67).

какъ историческій спутникъ идилліи „народнаго производства“. „Въ старой кіевской Руси аристократическій складъ общества выразился, между прочимъ, въ безправномъ, близкомъ къ рабству положеніи крестьянина, взявшаго ссуду у землевладѣльца при поселеніи на его землѣ, и особенно въ суровомъ постановленіи, по которому такой должникъ, въ случаѣ побѣга отъ хозяина безъ расплаты, превращался въ полнаго его холопа“. (Ключевскій. Боярская дума древней Руси. 2-е изд. М. 1883 г. 309).

И такъ продолжается далѣе, несмотря на то, что крестьяне разбредаются: *натуральный* (и денежный) кредитъ является однимъ изъ важнѣйшихъ корней крѣпостного права. Кредитъ! Мы привыкли связывать съ этимъ словомъ представленіе о грандіозныхъ банковыхъ учрежденіяхъ и ихъ операціяхъ, а исторія повѣствуетъ намъ о томъ, что и докапиталистическая эпоха знала это явленіе. И тогда оно, быть можетъ, во много разъ было чудовищнѣе, чѣмъ теперь. Экономическая исторія нашего русскаго крестьянства убѣдительно говоритъ о томъ, что и въ эпоху натуральнаго хозяйства, когда—какъ насъ хотятъ увѣрить—средства производства принадлежали производителю, происходитъ грандіозный процессъ закабаленія непосредственныхъ производителей своего рода „*капиталомъ*“ и притомъ въ значительной мѣрѣ при помощи *кредита*.

Мы увидимъ дальше, что идеализація натуральнаго хозяйства представляетъ, быть можетъ, самую характерную черту народничества, какъ экономическаго міровоззрѣнія. Такъ, въ только-что появившейся статьѣ г. Южакова [1]) набросана картина натуральнаго хозяй-

[1]) «Русское Богатство» 1893 г. № 11 «Вопросы экономическаго развитія въ Россіи».

ства, въ которой отсутствуетъ только........ крѣпостное право. Эпоха натуральнаго хозяйства, возстановленіе котораго составляетъ предметъ воздыханій народниковъ, представляется этимъ идеалистамъ, какъ время, „когда и средній пошехонецъ мякоть ѣлъ самъ, а кости бросалъ собакамъ. Во многихъ семьяхъ были живы дѣдушки, которые передавали отощавшимъ внукамъ (и сами отощавшими желудками къ своимъ росказнямъ тоскливо прислушивались) почти баснословныя преданія о древнемъ пошехонскомъ изобиліи, когда свиньи, куры, утки и проч. свободно бродили по улицамъ, а домой возвращались только для превращенія въ снѣдь. И все это пошехонцы *сами* ѣли: убьютъ скотинину и ѣдятъ *сами*".—„А ноньче ежели есть у кого яичко, такъ онъ на него только поглядитъ, да скорѣе на „элеваторъ" несетъ, а оттуда ужъ оно само собой на машину идетъ. Свиснула машина—и поминай какъ звали! Яичко твое нѣмецъ съѣстъ, а ты за него денежки получи, да другое яичко неси! Смотришь, анъ рубль-то въ цѣнѣ и поправился!" (Салтыковъ „Пошехонскіе разсказы". П. с. соч. т. IX, стр. 452).

Но великій сатирикъ, не будучи экономистомъ, зналъ и собственными глазами видѣлъ историческую зависимость между „народнымъ производствомъ" и... крѣпостнымъ правомъ. Въ тѣхъ же „Пошехонскихъ разсказахъ" (стр. 412—413) мы читаемъ у него: „многіе и до сихъ поръ повѣствуютъ, что пошехонская страна кипѣла млекомъ и медомъ . . . .

. . . .

Что касается до меня, то хотя я остаюсь при особомъ мнѣніи на счетъ подлинности и размѣровъ пошехонскаго изобилія, но долженъ все-таки признать, что лѣтъ трид-

цать тому назадъ жилось здѣсь какъ будто ходчѣе. Дѣйствительно, что-то такое было въ родѣ полной чаши, напоминавшей объ изобиліи. Но когда я спрашиваю себя, на чью собственно долю выпадало это изобиліе?—то, по совѣсти, вынужденъ сознаться, что оно выпадало только на долю потомковъ лейбкампанцевъ, истопниковъ и прочихъ дружинниковъ, и что подлинные пошехонцы участвовали въ немъ лишь воздыханіями".

Разные способы прикрѣпленія рабочихъ къ фабрикамъ и заводамъ, практиковавшіеся русскимъ правительствомъ въ XVIII в. [1]), наглядно свидѣтельствуютъ о невозможности создать въ обществѣ, основанномъ на натуральномъ хозяйствѣ, извѣстную организацію производства иначе, какъ опираясь на личную зависимость.

III.

Если эта историческая связь натуральнаго хозяйства съ личной зависимостью заставляетъ *насъ* очень *холодно* относиться къ „народному производству", то и на пресловутую „обезпеченность существованія", обусловленную „народнымъ производствомъ", (сирѣчь, натуральнымъ хозяйствомъ) мы смотримъ, какъ на миѳъ, и, наоборотъ, готовы утверждать, что при абсолютно натуральной организаціи хозяйства, населеніе совершенно не обезпечено отъ послѣдствій стихійныхъ бѣдствій, между которыми неурожаи играютъ очень важную роль [2]). Случись неуро-

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Спб. 1881. Стр. 393 и сл.

[2]) О томъ, какъ, даже при плохихъ путяхъ сообщенія въ средніе вѣка, по мѣрѣ развитія обмѣна и прогресса производства, голодовки становятся гораздо рѣже, говоритъ, напр., историческая статистика голодовокъ въ Mosellandѣ, приводимая Лампрехтомъ (Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter etc. I. 1. 589 ff.). Ср. также *Никитскій*. Исторія экономическаго быта В. Новгорода. М. 1893. 293—294.

жай 1891 г. въ эпоху полнаго господства натуральнаго хозяйства—а почему такое предположеніе невѣроятно, мы не видимъ,—то размѣры бѣдствія были бы баснословными. Вѣдь, подумайте, что значитъ натуральное хозяйство, если держаться реальной, исторической почвы: слабое развитіе путей сообщеній, — полное отсутствіе желѣзныхъ дорогъ и прочихъ культурныхъ золъ (недаромъ же гг. народники справедливо настаиваютъ на томъ, что желѣзныя дороги разрушаютъ народное производство).

Помимо личной зависимости, въ которую поставлены народныя массы въ эпоху историческаго „народнаго производства", натуральное хозяйство само по себѣ не гарантируетъ отъ экономическаго неравенства и экономической эксплуатаціи среди самого подчиненнаго населенія. Само общинное землевладѣніе или, точнѣе, передѣлы являются коррективомъ противъ экономическаго неравенства въ народной массѣ, выростающаго на почвѣ полунатуральнаго хозяйства, неравенства, невыгоднаго ни для господъ, ни для государства. Но до извѣстной степени, конечно, вѣрно, что при чисто натуральномъ хозяйствѣ меньше мѣста для развитія экономическаго неравенства, потому что значеніе капитала не можетъ проявляться съ полной силой, и сравнительно слабо развиты такія явленія, какъ кредитъ. Поэтому-то въ русской земельной общинѣ до тѣхъ поръ, пока она не знаетъ представленія о землѣ, какъ предметѣ оборота, какъ мѣновой цѣнности, сильно начало экономическаго равенства. Но и денежное хозяйство, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ культивировать въ своихъ нѣдрахъ тоже самое начало. Такъ, въ западно-европейскихъ средневѣковыхъ ремесленныхъ организаціяхъ (це-

хахъ), на той ступени ихъ развитія, когда капиталъ (основной и оборотный) имѣлъ въ производствѣ болѣе чѣмъ скромное значеніе господствуетъ, духъ братскаго равенства и трудовое начало. *Средневѣковое городское хозяйство*, въ которомъ ремесленное производство играло главную доминирующую роль, было, если не исключительно, то по преимуществу хозяйствомъ *денежнымъ*, притомъ само *ремесленное производство*, по скольку оно перестало быть просто обработкой матеріала, принадлежащаго заказчику (Lohnwerk по терминологіи Бюхера), было *производствомъ товарнымъ*. Но товаръ ремесленника не былъ еще тѣмъ безличнымъ продуктомъ, которымъ является товаръ при современныхъ условіяхъ. Ремесло оставалось производствомъ на заказъ; потребитель обращался непосредственно къ производителю, платилъ ему деньги, получалъ отъ него его продуктъ. Эта ступень товарнаго производства, которую Бюхеръ удачно называетъ Kundenproduction, предполагаетъ и обезпечиваетъ почти полное соотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ. „Способъ сбыта отличаетъ эту систему производства (Betriebssystem) отъ всѣхъ позднѣйшихъ. Ремесленникъ работаетъ всегда непосредственно для потребителя своего продукта, либо прямо получая отъ него заказы, либо встрѣчаясь съ нимъ на еженедѣльномъ базарѣ или ежегодной ярмаркѣ. Обыкновенно производитель сбываетъ продуктъ на мѣстѣ: въ своемъ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. Покупатель (der Kunde) получаетъ товаръ изъ первыхъ рукъ, ремесленникъ отдаетъ его въ послѣднія. Это обезпечиваетъ приспособленіе производства къ потребленію и придаетъ всѣмъ отношеніямъ между покупателемъ и продавцомъ этическій характеръ: производитель чувствуетъ

себя отвѣтственнымъ передъ потребителемъ за свою работу".

„Прямая связь ремесленника съ потребителемъ обусловливаетъ маленькій размѣръ предпріятій (bedingt die Kleinhaltung des Betriebes). Если какое-нибудь ремесленное предпріятіе грозитъ сдѣлаться слишкомъ большимъ, то отъ него откалываются новыя ремесла, которыя берутъ на себя какую-нибудь часть прежняго производства. Таково раздѣленіе труда въ средніе вѣка, которое постоянно создавало новыя самостоятельныя формы существованія и впослѣдствіи привело къ тому ревнивому разграниченію сферъ труда, которое, благодаря внутреннимъ раздорамъ, поглотило значительную долю силъ цехового строя". (Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Stuttgart, 1893, 103—104).

Мы нарочно указываемъ на полную аналогію „общиннаго" духа съ первоначальнымъ „цеховымъ", потому что это указаніе разомъ выводитъ насъ изъ мистической тьмы „національныхъ особенностей" на свѣтъ пониманія того или другого „духа", какъ необходимаго спутника опредѣленныхъ экономическихъ условій. О средневѣковомъ ремеслѣ, покуда оно сохраняло свой первоначальный характеръ обработки матеріала, принадлежащаго заказчику—Бюхеръ говоритъ, что въ немъ все было подчинено началу „братскаго равенства" (Bücher въ Handw. d. Staatswissenschaften III, 925). „Совершенно неправильно,—говоритъ тотъ же авторъ, — цеховое ремесленное сословіе среднихъ вѣковъ до сихъ поръ еще разсматривается, какъ сословіе мелкихъ капиталистовъ. Наоборотъ, оно было по преимуществу сословіемъ промышленныхъ рабочихъ, которое отличалось отъ класса современныхъ рабочихъ тѣмъ, что рабочій работалъ на многихъ потребителей, а

не на одного предпринимателя. Доставленіе матеріала заказчикомъ преобладаетъ почти у всѣхъ средневѣковыхъ ремеслъ; болѣе того, оно у многихъ изъ нихъ продолжается въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, когда заказчикъ уже не производилъ сырья въ своемъ хозяйствѣ, а долженъ былъ покупать его на сторонѣ, какъ, напримѣръ, сукно для портного, кожу для сапожника. Только очень медленно пріобрѣтаетъ право гражданства поставка матеріала мастеромъ, сперва для болѣе бѣдныхъ заказчиковъ, позже и для болѣе состоятельныхъ. Такъ возникаетъ Handwerk—ремесло въ томъ смыслѣ, который мы обыкновенно придаемъ этому слову въ настоящее время" (D. E. d. V. 100—101). Но и послѣ того, какъ совершился этотъ переходъ отъ Lohnwerk'а къ Preiswerk'у (т.-е. къ Handwerk'у), начало братства и равенства продолжало жить и развиваться въ цеховомъ строѣ. Всѣ цеховыя нормы имѣли цѣлью воспрепятствовать развитію настоящаго капиталистическаго производства.

Другой изслѣдователь средневѣкового хозяйственнаго быта, Лампрехтъ, прямо говоритъ о соціалистическомъ цеховомъ міровоззрѣніи, которое въ XV-мъ вѣкѣ начинаетъ вытѣсняться капиталистическимъ индивидуализмомъ. Носителями послѣдняго являлись представители обмѣна, торговцы, купцы. „Капиталистическая крупная торговля XV-го и XVI-го столѣтій стала въ полное противорѣчіе съ соціалистическими идеалами городского хозяйства XIII-го и XIV-го столѣтій" (Lamprecht. Zum Verständniss der wirtschaftlichen u. sozialen Wandlungeu in Deutschland v. 14. z. 16. Jahrh. Zeitschrift für Sozial—u. Wirtschaftsgeschichte I, 207). Капиталистическій ядъ заражалъ и цехи. Но напрасно мы станемъ представлять себѣ, что въ то отдаленное время „генетическаго про-

гресса" современники не понимали, что творится вокругъ нихъ. „Цехи долго и съ полнымъ напряженіемъ силъ боролись противъ угрожающаго переворота. Они стремились всѣми способами автономнаго вмѣшательства удерживать за предпріятіями отдѣльныхъ мастеровъ характеръ мелкихъ, они запрещали капиталистическія ассоціаціи отдѣльныхъ мастеровъ, такъ что ремесленные картели могли прочно развиваться только съ половины XVI-го столѣтія, они пресѣкали всякую чрезмѣрную конкурренцію при закупкѣ сырья, при исполненіи работъ и при продажѣ ремесленныхъ продуктовъ. *Тщетно.* Неравномѣрное накопленіе капитала все-таки проникло и въ ремесленную среду" (l. c. 208—209).

„Общественное мнѣніе ясно понимало значеніе растущаго въ городахъ и деревняхъ зла. Въ особенности рѣзко бросающееся въ глаза развитіе капиталистическаго индивидуализма возбуждало въ немъ негодованіе и опасенія" (l. c. 237).

Лампрехтъ видитъ, и въ эпоху натуральнаго хозяйства, и въ эпоху денежнаго хозяйства послѣдовательную смѣну двухъ началъ—соціалистическаго и индивидуалистическаго: въ натурально-хозяйственную эпоху первое начало осуществляется въ общинномъ строѣ, второе—въ крѣпостномъ; въ денежнохозяйственную эпоху соціалистическое начало представляютъ цехи, индивидуалистическое—капитализмъ [1]).

III.

Въ признаніи за обмѣномъ, торговлей, огромной исторической роли согласны всѣ тѣ экономисты, которые являются историками либо по спеціальности, либо

[1]) Цит. статья 251—252 и Deutsche Geschichte III 23—26.

по складу своего мышленія, а классическая политическая экономія не могла даже, повидимому, представить себѣ культуры внѣ обмѣна, стремленіе къ которому, по Адаму Смиту, естественное свойство всякаго человѣка. Первостепенное культурное значеніе торговли—общепризнанный историческій фактъ.

Въ схемѣ историческаго развитія Германіи, данной знаменитымъ историкомъ *К. В. Ницшемъ*, которому принадлежитъ, по мнѣнію Ястрова [1]), заслуга установленія органической связи между исторіей политической и экономической, вліянію обмѣна удѣляется первенствующее мѣсто [2]).

Ключевскій говоритъ о *торговомъ* происхожденіи русскаго государства (Боярская дума, 2 изд., стр. 35).

„Торговля,—указываетъ *Шмоллеръ,*—(Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung. III. Jahrbuch für Gesetsgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft 1890, 1039) создаетъ такую психическую дѣятельность и даетъ такое направленіе волѣ, которыя постепенно *преобразуютъ все народное хозяйство, прежде всего все производство;* послѣднее освобождается отъ прямого подчиненія потребностямъ производителя и подчиняется, подобно самой торговлѣ, соображеніямъ о прибыли“. „Распространеніе рѣзкаго, одностороння̀го торговаго духа, происходящее, въ силу такого распространенія, послѣдовательное преобразованіе всѣхъ экономическихъ отношеній, моральное разложеніе общественнаго быта и реформаціонныя попытки, направленныя противъ него, состав-

---

[1]) Jastrow. K. W. Nizsch u. die deutsche Wirtschaftsgeschichte Schmollers Jahrbuch VIII (1884. 873—897).

[2]) Geschichte des deutschen Volkes bis z. Augsburger Religions frieden. Von Karl Wilh. Nizsch. Nach dessen hinterlassenen Papieren u. Vorlesungen herausgegeben von Dr. G. Matthäi, Band III. S. 444—158. (Leipzig 1885).

ляютъ существенное содержаніе всей исторіи народнаго хозяйства“ (l. c. 1040). *Марксъ* съ замѣчательной ясностью, хотя и бѣгло, указалъ на значеніе обмѣна для развитія національнаго производства. „Въ настоящее время промышленная суприматія ведетъ къ торговлѣ. Въ собственно мануфактурный періодъ торговая суприматія создаетъ промышленную“. [Das Kapital I, 3 Aufl. (1883) 789]. „Товарное обращеніе есть исходный пунктъ капитала. Товарное производство и развитое товарное обращеніе, торговля составляютъ историческія предпосылки, при которыхъ онъ возникаетъ. Міровая торговля и міровой рынокъ открываютъ новѣйшую исторію капитала“ (l. c. 120). „Принципаломъ современной фабрики сдѣлался купецъ, а не старый цеховой мастеръ“ (Marx. Misère de la philosophie, нѣм. изд. 1885, 135). Эта историческая роль обмѣна прекрасно выяснена также у *Гельда* въ „Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands“ и у *Брентано* „Ueber die Ursachen der heutigen sozialen Not“ (Leipzig 1889); послѣдній только напрасно хочетъ увѣрить читателей, что Марксъ не понималъ этого соотношенія между обмѣномъ и производствомъ.

Новый экономическій строй требуетъ новыхъ юридическихъ нормъ. „Вездѣ, гдѣ купеческій элементъ получаетъ господство, онъ создаетъ правовыя отношенія, противоположныя прежнимъ, на мѣсто связанной собственности и личности онъ ставитъ свободную собственность и свободную личность“ (Schulze-Guwernitz der Grossbetrieb. Leipzig, 1892, 32). Товарное производство и широкое, общественное раздѣленіе труда мыслимы только при условіяхъ денежнаго обмѣна. Исторически всѣ эти явленія развиваются, опираясь на институтъ частной собственности, принципы экономической свободы

и чувство индивидуализма. Мѣра господства института частной собственности надъ обществомъ можетъ быть различна, но чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ быстрѣе развивается денежное хозяйство, покоющееся на раздѣленіи труда, а, съ другой стороны, чѣмъ больше прогрессируетъ національное производство, тѣмъ сильнѣе потребность въ частной собственности и въ экономической свободѣ, тѣмъ рѣзче проявляется индивидуализмъ. Быть можетъ, это печально, но такъ происходитъ дѣло въ дѣйствительности, это—эмпирически, исторически установленное сосуществованіе. Въ настоящее время, когда съ такимъ легкомысліемъ третируются идеи и принципы XVIII вѣка, причемъ въ сущности повторяется его же ошибка—слишкомъ часто забывается эта культурно-историческая связь экономическаго прогресса съ институтомъ частной собственности, принципами экономической свободы и чувствомъ индивидуализма. Только игнорируя эту связь, можно разсчитывать на то, что безъ осуществленія названныхъ началъ возможенъ для экономически и культурно неразвитаго общества хозяйственный прогрессъ. Мы не чувствуемъ никакой особенной симпатіи къ этихъ началамъ и прекрасно понимаемъ ихъ исторически-*преходящій* характеръ, но въ то же время мы не можемъ не видѣть въ нихъ огромной культурной силы, не только отрицательной, но и положительной. Не видѣть ея можетъ только идеализмъ, мнящій себя въ своихъ построеніяхъ не связаннымъ никакой исторической преемственностью. Примѣръ Сѣверной Америки и наша собственная экономическая дѣйствительность прекрасно демонстрируютъ указанную зависимость. Первый примѣръ поучителенъ тѣмъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ обществомъ, культурный уровень котораго, быть можетъ,

самый высокій въ всемъ свѣтѣ, съ обществомъ, которое складывалось и развивалось при самыхъ благопріятныхъ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ. Если это общество и начало свою историческую жизнь въ эпоху безраздѣльнаго увлеченія идеями экономическаго либерализма и индивидуализма, то затѣмъ уже скоро на западный континентъ начинаетъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе падать тѣнь европейскаго соціальнаго вопроса, пока, наконецъ, послѣдній не становится и въ Америкѣ главнымъ вопросомъ общественной жизни. Въ то же время нигдѣ „посылка эгоизма" не находитъ себѣ такого полнаго приложенія, какъ въ Сѣверной Америкѣ.

„Законы соціально-экономической жизни, по скольку они покоятся на хозяйственномъ интересѣ, говоритъ Сарторіусъ фонъ-Вальтерсгаузенъ, (Die nordamerikanischen Gewerkshaften unter dem Einflusse der fortschreitenden Productionstechnik. Berlin, 1886, VII) выступаютъ съ особенной ясностью въ сѣверо-американскомъ народномъ хозяйствѣ". И быть можетъ нигдѣ это не сказывается такъ рѣзко, какъ въ аграрномъ строѣ, гдѣ начиная съ способа разселенія не деревнями, а отдѣльными хуторами-фермами [1]) во всемъ доминируетъ принципъ индивидуализма. Рядомъ съ этимъ нигдѣ промышленная тех-

[1]) Зерингъ говоритъ объ этой системѣ, между прочимъ, слѣдующее: «рядомъ съ ... непосредственными экономическими выгодами, господствующая въ Америкѣ хуторская система оказала глубокое психологическое вліяніе на населеніе и создало много своеобразныхъ обычаевъ и привычекъ. Мы укажемъ тутъ только на то, какъ безспорно подвижность духа и постоянная смѣлая готовность къ самымъ радикальнымъ нововведеніямъ всякаго рода, которая отличаетъ американскаго земледѣльца передъ европейскимъ, независимо отъ отсутствія всякихъ парализующихъ традицій и предразсудковъ старой страны, обусловливается въ значительной мѣрѣ полной свободой поземельной собственности и отсутствіемъ близкаго сосѣдства». (Max Sering. Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerikas 109).

ника и товарное производство не достигли такого развитія, какъ въ Сѣверной Америкѣ, и въ то же время, быть можетъ, нигдѣ принципъ ассоціаціи не проникъ такъ прочно въ народную жизнь. Землеръ говоритъ, что изъ ста сѣверо-американцевъ девяносто девять принадлежатъ къ какому-нибудь обществу и девяносто пять участвуютъ въ какой-нибудь страховой кассѣ на случай болѣзни или смерти. Индивидуализмъ и ассоціація, такимъ образомъ, нисколько не противорѣчатъ другъ другу; напротивъ, онѣ находятся между собой въ извѣстной, необходимой историко-психологической связи.

Новѣйшая исторія общины въ Россіи съ полной ясностью показываетъ, что денежное хозяйство, товарное производство развиваютъ институтъ частной собственности. Многочисленные краснорѣчивые факты этого рода, констатированные земской статистикой, собраны г. В. В. въ его сводномъ трудѣ. Приведемъ изъ нихъ только одинъ, въ которомъ, кромѣ непосредственныхъ экономическихъ вліяній, сказываются, быть можетъ, еще общекультурныя. „Въ Лужскомъ уѣздѣ... послѣ воли земля была разверстана по ревизскимъ душамъ и затѣмъ въ льноводческихъ волостяхъ, гдѣ цѣнность земли стояла довольно высоко, каждый крестьянинъ держался за свой надѣлъ, распоряжался имъ по своему усмотрѣнію, причемъ общество оставалось въ сторонѣ. Въ остальной же бо̀льшей части уѣзда, гдѣ земля не окупала платежи, въ первое время общество постоянно вмѣшивалось въ поземельныя отношенія своихъ членовъ и т. д. Съ конца же семидесятыхъ годовъ и въ теченіи восьмидесятыхъ, съ повышеніемъ цѣнности земли и пониженіемъ платежей на ней лежащихъ, и здѣсь крестьяне стали дорожить участками и т. д. Такимъ образомъ, говоритъ

мѣстный изслѣдователь (Дроздовъ), подъ вліяніемъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ, довольно быстро установился на всемъ пространствѣ Лужскаго уѣзда, взглядъ на надѣльную землю, какъ на неотъемлемую собственность тѣхъ семей, за которыми она числилась и которыя считали себя въ полномъ правѣ распоряжаться ею по произволу: пользоваться лично, передавать родственникамъ при жизни или по завѣщанію, или уступать ее постороннимъ за „отступное", т.-е. продавать". (Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики, т. I. В. В. Крестьянская община, 220—221).

IV.

Живой денежный обмѣнъ и товарное производство развиваются только при извѣстныхъ матеріальныхъ предпосылкахъ. Таковыми являются прежде всего удобные пути сообщенія. Поэтому, до появленія сухопутнаго парового транспорта, настоящее товарное производство въ широкихъ размѣрахъ развивается только тамъ, гдѣ водяные пути сообщенія дѣлаютъ возможнымъ оживленное сношеніе съ другими пунктами и странами. Отсюда нынѣ клонящаяся уже къ упадку промышленная гегемонія Англіи, еще раньше Голландіи и т. д. „Всякій капиталистъ предприниматель,—говоритъ Адольфъ Гельдъ,—является, во всякомъ случаѣ, купцомъ, все равно, представляетъ-ли онъ изъ себя одновременно и техника. Торговля диктуетъ, что, гдѣ и когда можетъ быть производимо, и всякій принимаетъ постольку участіе въ господствѣ надъ производствомъ, поскольку онъ самостоятельно занимается торговлей, т.-е. правильно познаетъ потребности и возможные пути ихъ удовлетворенія. . . . Расширеніе могущества коммерческаго капитала и улуч-

шеніе приспособленій обмѣна и транспорта, улучшеніе, на которомъ покоится, по большей части, расширеніе рынка, идутъ одно рядомъ съ другимъ, такъ что невозможно рѣзко различать тутъ причину и слѣдствія. Торговый духъ и торговый капиталъ создаютъ себѣ новые торговые пути и приспособленія для транспорта. Послѣднія, въ свою очередь, привлекаютъ новый предпринимательскій капиталъ и доставляютъ ему бо́льшую прибыль. Эта бо́льшая прибыль создаетъ возможность сооруженія новыхъ проспособленій для транспорта. Поэтому Энгель могъ справедливо и остроумно замѣтить, что желѣзныя дороги сами себя построили".

„Желѣзныя дороги не могли бы быть построены и открыты, если бы ранѣе не развилась значительная торговля. Первыя желѣзныя дороги повышали прибыль отъ торговли, а торговля создавала возможность сооруженія новыхъ путей. Въ Германіи моментъ окончательнаго упадка господства ремесла совпадаетъ съ проведеніемъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ и консолидаціей расширеннаго „Таможеннаго Союза". Въ Англіи также желѣзныя дороги еще разъ колоссально расширили крупное капиталистичекое производство; но его господство было основано уже гораздо раньше, потому что въ Англіи и безъ желѣзныхъ дорогъ, благодаря прежнимъ путямъ сообщенія, могъ развиться правильный торговый обмѣнъ. Англія имѣла берега и морское судоходство. У нея было много судоходныхъ рѣкъ; она раньше другихъ государствъ строила грунтовыя дороги и, въ особенности, каналы" (Held. Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands 566—567). Поэтому, совершенно правъ г. В. В., говоря, что удобства путей сообщенія составляютъ главныя условія существованія крупной промышленности, а тѣмъ болѣе капитали-

стической и т. д. („Судьбы капитализма въ Россіи“ 43). Только напрасно г. В. В. въ своихъ разсужденіяхъ упускаетъ изъ виду ту, каждому европейцу извѣстную, истину, что улучшенные пути сообщенія и въ частности желѣзныя дороги—необходимое условіе и спутникъ не только капиталистическаго производства, но вообще всякаго культурнаго прогресса. Дико должна звучать въ ушахъ каждаго, не самобытно мыслящаго, человѣка сентенція, что въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ „намъ теперь невозможно догонять своихъ сосѣдей“ и побѣдоносное заключеніе: „не ясно-ли, что въ Россіи не существуетъ элементарнѣйшихъ условій для развитія капиталистическаго производства, которое требуетъ непремѣнно возможности постояннаго перемѣщенія огромныхъ массъ продуктовъ и рабочихъ съ одного конца страны въ другой, перемѣщенія скораго и дешеваго“ (l. c. 45—46). Ясно только одно, что Россія—страна недостаточно культурная и что по рецептамъ радѣтелей „народнаго производства“ ей надлежитъ всѣми силами бороться за свою некультурность.

Итакъ, мы установили тотъ, впрочемъ, давно уже извѣстный и только въ самобытныхъ разсужденіяхъ обходимый фактъ, что обмѣнъ подчиняетъ себѣ производство и преобразуетъ его. Производство, становясь, благодаря обмѣну, товарнымъ, развиваетъ все дальше и дальше общественное и мануфактурное раздѣленіе труда и тѣмъ самымъ повышаетъ его производительность. Для обмѣна и черезъ него для производства было необходимо рѣзкое проведеніе началъ частной собственности и экономической свободы съ ихъ дальнѣйшими политическими выводами.

Получивъ необходимую для нихъ свободу, обмѣнъ и

подчиненное ему производство начинають преобразовывать старое, покоющееся на натуральномъ хозяйствѣ, общество. Процессъ этотъ идетъ въ большинствѣ старыхъ странъ, къ которымъ, въ противность г. В. В., слѣдуетъ причислить и Россію, сравнительно очень медленнó. И это обусловливается, *между прочимъ*, тѣмъ, что въ старыхъ странахъ матеріальныя предпосылки самого товарнаго производства—улучшенные пути сообщенія—развиваются медленнѣе, чѣмъ въ новыхъ [1]).

V.

Посмотримъ сперва, какое вліяніе производитъ расширеніе рынка на обрабатывающую промышленность.

Когда производители начинаютъ работать не на мѣстный, точно отграниченный, а на отдаленный и неопредѣленный рынокъ, и развивается конкурренція, борьба за рынокъ, то эти условія приводятъ къ техническому прогрессу. Конкурренція заставляетъ изыскивать способы — производить какъ можно дешевле, и это стремленіе къ удешевленію производства является необходимымъ результатомъ, какъ оживленія (Марксъ), такъ и ослабленія (Брентано) спроса. Разъ возможно раздѣленіе труда, оно должно быть проведено какъ можно шире, но, прежде чѣмъ производство реорганизуется въ техническомъ отношеніи, вліяніе новыхъ условій обмѣна (сбыта) скажется въ томъ, что производитель попадетъ въ экономическую зависимость отъ торговца (скупщика), и въ соціальномъ отношеніи этотъ моментъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Это упускаютъ изъ виду наши „истинные марксисты“ вродѣ г. В. В., ослѣпленные значеніемъ

[1]) Ср. Sering объ Америкѣ l. c.

чисто техническаго прогресса. Совершенно правъ Гельдъ, который говоритъ, что, „какъ ни великъ въ техническомъ отношеніи прогрессъ отъ кустарной промышленности (Hausindustrie) къ фабричной, но въ соціальномъ отношеніи рѣшительный, поворотный моментъ наступаетъ тогда, когда ремесло начинаетъ оттѣсняться и на его мѣсто становится пока еще только домашняя промышленность. Ибо этимъ переходомъ уже создается руководящая роль крупнаго капитала въ промышленной области. Фабричная промышленность только увеличиваетъ и укрѣпляетъ его превосходство. Съ появленіемъ домашней промышленности (Hausindustrie) уже раждается антагонизмъ между крупнымъ капиталомъ и трудомъ, въ распоряженіи котораго маленькій, незначительный капиталъ, и полагается начало естественной борьбѣ, которая можетъ окончиться только созданіемъ крупно-капиталистическаго строя. По скольку господствуетъ домашняя промышленность, крупный капиталъ, т.-е. группа коммерчески спекулирующихъ и рискующихъ собственниковъ, является въ области производства отдѣленнымъ по своимъ интересамъ отъ техническаго труда и выступаетъ въ качествѣ самостоятельной, господствующей силы въ промышленной жизни". (Held, Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands 547). Нужно, однако, замѣтить, что, какъ прекрасно выясняетъ Брентано, при цеховой организаціи уже были сильные зачатки экономическаго неравенства, которые безспорно явились однимъ изъ элементовъ новаго, капиталистическаго строя. И эти элементы экономическаго неравенства были неизбѣжны, разъ существовала частная собственность и капиталъ начиналъ пріобрѣтать извѣстное значеніе въ производствѣ.

Дѣло нисколько не мѣняется отъ того, представ-

ляетъ-ли непосредственный производитель, попадающій подъ власть капитала, изъ себя городского ремесленника (такъ было очень часто, хотя далеко не всегда[1]), на западѣ Европы), или земледѣльца-кустаря, производство котораго выросло на почвѣ натуральнаго хозяйства и крѣпостного труда (какъ это было въ огромномъ большинствѣ случаевъ у насъ и очень часто на Западѣ). Съ того момента, что между потребителемъ и производителемъ становится капиталистъ-предприниматель[2]) — а это неизбѣжно при производствѣ на широкій и неопредѣленный рынокъ—мы имѣемъ передъ собой одну изъ формъ капиталистическаго производства.

Эта форма капиталистическаго производства чрезвычайно выгодна для капиталистовъ, такъ какъ, *во-первыхъ*, она даетъ возможность совершенно не тратиться на основный капиталъ; *во-вторыхъ*, позволяетъ безъ убытковъ при сокращеніи спроса сокращать производство въ такихъ размѣрахъ, которые совершенно недоступны фабричной промышленности: тутъ, стало быть, ослабленіе спроса всей своей тяжестью цѣликомъ обру-

---

[1]) Капитализмъ въ лицѣ т. н. Hausindustrie сперва овладѣлъ ремеслами, стоявшими внѣ цеховой организаціи. Очень часто онъ также прямо *создавалъ* цѣлыя отрасли производства.

[2]) Безразлично, снабжаетъ-ли онъ производителей сырымъ матеріаломъ и платитъ имъ задѣльную плату (Lohnsystem der Hausindustrie), или же покупаетъ у нихъ готовый товаръ (Kaufsystem der Hausindustrie). Если подъ *кустарнымъ* производствомъ разумѣть такое, при которомъ производитель, работая на неопредѣленный и отдаленный рынокъ, пользуется *полной экономической самостоятельностью*, то окажется, пожалуй, что этого настоящаго кустарнаго производства въ русской *дѣйствительности* совсѣмъ не имѣется. Такъ, г. В. В. говоритъ, что «въ мѣстностяхъ, гдѣ промыселъ существуетъ для отдаленнаго рынка, продажа кустарныхъ издѣлій непосредственно потребителямъ играетъ ничтожную роль, и весь почти сбытъ находится въ рукахъ скупщиковъ» (Очерки куст. промышл., стр. 141).

шивается на головы рабочихъ; отсюда—столь любезные г. В. В. примѣры децентрализаціи промышленности въ западной Европѣ. *Въ-третьихъ*, кустарная или, по западно-европейской терминологіи, домашняя промышленность, т. е. технически-ремесленное производство на широкій и неопредѣленный рынокъ, представляя малопроизводительную форму труда, можетъ конкуррировать съ фабричной промышленностью, только опираясь на самую безпощадную эксплуатацію человѣческой рабочей силы; поэтому, здѣсь заработная плата держится не только на физіологическомъ минимумѣ, но спускается ниже его [1]. *Въ-четвертыхъ*, эта форма капиталистическаго производства не допускаетъ почти никакого раціональнаго государственнаго вмѣшательства въ процессъ производства въ интересахъ распредѣленія и охраны здоровья рабочаго класса: этимъ объясняется то констатируемое въ Германіи явленіе, что фабриканты подъ давленіемъ законовъ въ защиту рабочихъ возвращаются къ Hausindustrie (см. интересныя выдержки изъ отчетовъ прусскихъ

[1]) Связь кустаря съ землей даетъ еще одно лишнее «основаніе» для того, чтобы заработная плата кустаря держалась на возможно низкомъ уровнѣ. «Цѣна промышленнаго деревенскаго труда подъ часъ спускается до такихъ предѣловъ, что заработка положительно не хватаетъ для поддержанія человѣческаго существованія и только доходы отъ сельскаго хозяйства кустарей дѣлаютъ возможнымъ такое теченіе вещей. Работа въ убытокъ, продажа издѣлій по цѣнамъ, не окупающихъ издержекъ производства ... составляетъ, кажется, нормальное явленіе въ сферѣ русской кустарной промышленности; а если такъ, то заниматься промысломъ по коммерчески, т.-е. оцѣнивая всякій элементъ производства по его дѣйствительной стоимости, иначе говоря—пріобрѣтая все за деньги, невозможно. Промыселъ остается доступенъ лишь человѣку, у котораго есть уже свой матеріалъ, котораго трудъ отчасти уже оплаченъ (?), содержаніе готово. Такимъ является кустарь земледѣлецъ и потому онъ имѣетъ возможность работать при условіяхъ, когда горожанинъ складываетъ руки». (В. В. Очерки кустарной промышленности въ Россіи, С.-Петербургъ, 1889 г., 18—19).

фабричныхъ инспекторовъ въ ст. Кварка „Zur Entwicklung der Hausindustrie in Preussen". Socialpolitisches Centralblatt 1893 г., № 28). *Въ-пятыхъ*, организація рабочихъ въ децентрализованномъ производствѣ крайне затруднительна, если не невозможна; поэтому въ немъ рабочіе почти совершенно безсильны по отношенію къ предпринимателю [1]).

Когда капиталистъ, торговецъ изъ простаго эксплуататора производителей все болѣе и болѣе дѣлается настоящимъ командиромъ производства, то децентрализованное массовое производство является передъ нами въ формѣ домашней системы крупной промышленности. Такой совершенно явственный капиталистическій характеръ носитъ оно на Западѣ. Наше же кустарное производство въ общемъ стоитъ еще на болѣе низкой ступени развитія. Вынуждаемый условіями сбыта, предприниматель, наконецъ, окончательно реорганизуетъ производство въ техническомъ отношеніи, и получается *фабрика*. Но вовсе не всегда ремесло должно превратиться въ Hausindustrie для того, чтобы въ концѣ концовъ перейти въ фабричное производство. Эта переходная стадія можетъ совершенно отсутствовать.

Переходъ отъ децентрализованнаго производства къ централизованному всегда представляетъ прогрессивное явленіе въ народномъ хозяйствѣ, такъ какъ приводитъ къ повышенію производительности труда, ради котораго такой переходъ совершается, и затѣмъ—въ силу *соціальныхъ* преимуществъ централизованнаго производства. Этимъ я не думаю нисколько отрицать, что указанный

[1]) Для всего вышесказаннаго кромѣ цит. уже работъ Бюхера ср. Sombart статья Hausindustrie въ Hdw. d. Staatswiss. IV и Stieda Litteratur, heutige Zustände u. Entstehung d. deutschen Hausindustrie. Leipzig 1889.

переходъ, на первыхъ порахъ и даже въ иныхъ случаяхъ—надолго, можетъ ухудшить соціальное положеніе производителей, какъ это было въ Англіи, какъ это происходитъ у насъ. Но, тогда какъ децентрализованное производство можетъ развиваться только къ худшему, тенденція централизованнаго—противоположная.

Ремесленное производство при условіи работы на отдаленный и неопредѣленный рынокъ не можетъ бороться ни съ какой формой капиталистическаго производства. Въ обществѣ, основанномъ на частной собственности и свободномъ обмѣнѣ, капиталистъ всегда такъ или иначе побѣдитъ кустаря - ремесленника. Ясно, что для того, чтобы производить на отдаленный рынокъ безъ убытка, даже при ремесленной техникѣ, нужно опираться на капиталъ. Производитель, дневное существованіе котораго зависитъ отъ того, удастся-ли ему сейчасъ сбыть свой продуктъ, не въ состояніи à la longue конкуррировать съ такимъ производителемъ, который имѣетъ возможность выждать выгодную коньюнктуру, попридержать товаръ. Никогда ни условія кредита, ни условія закупки сырья и сбыта продуктовъ не могутъ быть для мелкаго производителя такъ же благопріятны, какъ для крупнаго, опирающагося на капиталъ [1]). Въ этой именно области лежатъ чисто экономическія причины перехода тѣхъ производствъ, которыя, съ расширеніемъ торговыхъ сношеній, перестали ограничиваться работой на заказъ, изъ ремесленной формы въ Hausindustrie. Для того, чтобы работать на широкій и неопредѣленный рынокъ, нужно извѣстнымъ образомъ регулировать производство, постоянно приспособляя его

---

[1]) Ср. Lexis ст. Grossbetrieb u. Kleinbetrieb въ Hdw. d. Staatswissenschaften.

къ капризнымъ условіямъ сбыта. Это не по силамъ мелкимъ мастерамъ, и такую роль беретъ на себя капиталистъ [1]).

Многіе свои надежды на лучшее будущее мелкаго производства, строятъ на примѣненіи мелкихъ двигателей (Kleinkraftmachinen, Kleinmotoren). Но до сихъ поръ реальные горизонты, открываемые этой возможностью, очень нешироки въ сравненіи какъ съ громадностью соціальнаго вопроса въ его цѣломъ, такъ и съ прогрессомъ въ области концентраціи производства и раздѣленія труда. Затѣмъ, не говоря уже о чисто экономическихъ преимуществахъ крупныхъ предпріятій, паровые и всякіе другіе двигатели не составляютъ ни единственнаго, ни самаго важнаго техническаго преимущества крупныхъ предпріятій. Огромное значеніе имѣютъ столь дорогіе исполнительные механизмы, которые очень часто въ одномъ производствѣ представляютъ цѣлую систему самыхъ разнообразныхъ машинъ [2]). Эти дорогія машины недоступны ремесленникамъ. Но и мелкіе двигатели, если имъ и суждено сыграть какую-нибудь роль въ экономической эволюціи, по всей вѣроятности, увеличатъ и укрѣпятъ только классъ мелкихъ капиталистовъ. Дѣло въ томъ, что новыя формы обмѣна коренным образомъ преобразовали и самое мелкое производство. Онѣ сдѣлали

---

[1]) Что касается до работы на заказъ, то она, съ одной стороны, отнюдь не является недоступной для фабричнаго производства (ср. интересныя подробности о сапожномъ производствѣ въ Америкѣ у Sartorius von Waterhausen. Die nordamerikanischen Gewerkschaften 111), съ другой стороны, она съ дальнѣйшимъ развитіемъ техники все больше и больше теряетъ raison d'être, ея территорія постоянно съуживается.

[2]) Ludwig Sinzheimer. Ueber die Grenzen der Weiterbildung des fabrikmässigen Grossbetriebes in Deutschland. Stuttgart 1893. (Münchener Volkswirtschaftliche Studien. Herausgegeben von Lujo Brentano und Walther Lotz. Drittes Stück.). Стр. 9—16.

его болѣе товарнымъ, [превративъ его въ значительной мѣрѣ изъ производства на заказъ (Kundenproduction), ремесла (Handwerk), въ настоящее товарное производство (Waarenproduktion), въ мелкую промышленность (Kleingewerbe)], болѣе зависимымъ отъ рынка, менѣе устойчивымъ. Въ то же время роль капитала увеличилась и въ немъ. „Ремесленникъ былъ прежде техническимъ рабочимъ, который работалъ для извѣстнаго числа лично знакомыхъ ему семей. Теперь, наоборотъ, продажа готоваго товара все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ; ремесленникъ долженъ закупать сырье, держать товаръ на складѣ, спекулировать запасами; для этого требуется капиталъ, коммерческое образованіе, болѣе высокое соціальное положеніе". (Schmoller. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert. Halle 1870. Стр. 183).

Весь процессъ выражается въ томъ, что мелкое производство (ремесло) одними своими элементами сближается съ „капитализмомъ", другими—съ наемнымъ трудомъ, свободнымъ отъ средствъ производства [1]). Такимъ образомъ рушится идиллія „самостоятельнаго производителя", рушится не по чьему-нибудь злоумышленію или упущенію, какъ это часто предполагаютъ разные наивные люди, а въ силу неизбѣжной эволюціи экономической жизни.

Вліяніе новыхъ формъ обмѣна на производство сказывается не только въ побѣдѣ крупныхъ предпріятій въ тѣхъ областяхъ народнаго труда, гдѣ техническія и экономическія условія на ихъ сторонѣ, не только—въ измѣненіи самой физіономіи мелкаго производства; *создаются*

[1]) Ср. превосходную лекцію А. Гельда Handwerk u. Grossindustrie, помѣщенную какъ приложеніе къ «Zwei Bücher» etc. особ. 669—670.

цѣлыя, совершенно новыя отрасли промышленной дѣятельности, возможныя только теперь—при новыхъ условіяхъ обмѣна и производства. Эта новосозданная часть всей подчиненной капитализму сферы, быть можетъ, значительно обширнѣе старой части, отвоеванной у мелкаго производства. (Ср. Bücher. Die Entstehung der Volkwirtschaft, 116 и Schmoller. Zur Geschichte etc. 166). Она есть прямой плодъ тѣхъ измѣненій, которыя производитъ въ экономической жизни паровой транспортъ.

Такова въ бѣгломъ и неполномъ очеркѣ эволюція обрабатывающей промышленности подъ вліяніемъ растущаго обмѣна.

VI.

Но паровой транспортъ внесъ не только крупныя измѣненія въ организацію промышленности внутри каждаго отдѣльнаго народнаго хозяйства; онъ, такъ сказать, совершенно перевернулъ международныя условія индустріальнаго производства. Благодаря паровому транспорту, произошло и происходитъ, какъ прекрасно показалъ А. И. Скворцовъ, *разсѣяніе промышленности* въ ея наиболѣе совершенныхъ, современныхъ формахъ. Такое разсѣяніе совершается и внутри каждаго, отдѣльнаго народнаго хозяйства, но гораздо важнѣе и „замѣтнѣе этотъ процессъ, если мы будемъ сравнивать цѣлыя страны между собой“ (Скворцовъ. Вліяніе пароваго транспорта на сельское хозяйство. Изслѣдованіе въ области экономики земледѣлія. Варшава, 1890 г. Стр. 371). „Уничтоженіе естественныхъ преимуществъ географически наиболѣе благопріятно расположенныхъ мѣстъ, есть самая крупная заслуга и, можно сказать, важнѣйшая задача современныхъ путей сооообщенія“. Развитіе же промыш-

ленности непосредственно связано съ другимъ явленіемъ, съ развитіемъ городовъ (Скворцовъ l. c. 326—330).

Какой же смыслъ всего этого процесса? Ни болѣе, ни менѣе, какъ тотъ, что развитіе обрабатывающей промышленности въ ея современной формѣ и, eo ipso, отдѣленіе ея отъ земледѣлія становится все болѣе общимъ фактомъ, т.-е. желѣзныя дороги распространяютъ товарное производство (капитализмъ въ обширномъ смыслѣ) на все бо́льшее и бо́льшее число странъ и, тѣмъ самымъ, являются главнымъ условіемъ для развитія въ этихъ странахъ капитализма въ узкомъ смыслѣ слова, — крупнаго, по бо́льшей части машиннаго, производства.

Паровой транспортъ почти уничтожаетъ разстоянія, но онъ совершенно не въ силахъ устранить естественныя условія. А потому въ эпоху желѣзныхъ дорогъ экономическое развитіе отдѣльныхъ странъ начинаетъ опредѣляться—по скольку дѣло идетъ о матеріальныхъ факторахъ въ узкомъ смыслѣ слова — главнымъ образомъ, естественными условіями климата и почвы. Ими на первомъ мѣстѣ обусловливается международное раздѣленіе труда въ области земледѣлія, а также и обрабатывающей промышленности (конечно, по скольку для послѣдней могутъ имѣть значеніе указанныя условія) [1]).

Замѣтимъ себѣ пока эти выводы, не дѣлая изъ нихъ дальнѣйшихъ заключеній, и перейдемъ ко вліянію пароваго транспорта на сельское хозяйство.

---

[1]) Примѣрами могутъ служить значеніе влажности климата для полученія тонкихъ номеровъ пряжи (ср. Schultze-Gävernitz. Der Grossbetrieb) и значеніе близости минеральнаго топлива, для котораго, по его громоздкости, сухопутный паровой транспортъ на извѣстномъ разстояніи оказывается слишкомъ дорогимъ. Послѣдній примѣръ показываетъ, что и паровой транспортъ не въ состояніи совершенно уничтожить роль разстоянія.

VII.

Денежное хозяйство, какъ мы уже указывали выше, развивается прежде всего въ силу роста потребностей высшаго класса. Огромное значеніе въ этомъ процессѣ принадлежитъ и другому экономическому фактору первостепенной важности—государству. Правильно указывалось, что современное государство было бы немыслимо безъ распространенія и укрѣпленія денежнохозяйственнаго оборота [1]); съ другой стороны, оно само вынуждено, какъ хозяйство по преимуществу денежное, постоянно развивать все дальше и дальше свою собственную основу—денежный обмѣнъ. Государство, расширяя въ своихъ интересахъ значеніе денегъ, какъ платежнаго средства [2]), тѣмъ самымъ побуждаетъ населеніе къ расширенію денежнаго обмѣна. Здѣсь не мѣсто выяснять подробности этого перехода. Достаточно только сказать, что государство, а также землевладѣльцы, требуя отъ населенія денегъ, пробиваютъ самую крупную брешь въ его натуральномъ хозяйствѣ.

Всякій прогрессъ въ области общественнаго раздѣленія труда представляетъ собою побѣду денежнаго, мѣнового хозяйства надъ натуральнымъ. При этомъ замѣчается слѣдующее явленіе: обработка сырья (индустрія) легче подпадаетъ всецѣло подъ вліяніе обмѣна, легче принимаетъ форму *предпріятія*, чѣмъ добываніе сырья, т.-е. сельское хозяйство. Это обусловливается разными причинами. Обрабатывающая промышленность въ формѣ предпріятій возникаетъ почти исключительно по почину

---

1) Ср. замѣчанія Книса въ Das Geld. 2 Aufl. Berlin 1885 г. Стр. 437—442.

2) О значеніи денегъ, какъ платежнаго средства, ср. Книсъ l. c. 211—233.

коммерческаго капитала и очень часто прежде всего въ интересахъ международной торговли; во всякомъ случаѣ, на первыхъ порахъ она служитъ преимущественно потребностямъ высшихъ классовъ, а не массы населенія, на этой ступени хозяйственнаго быта занятой производствомъ пищи и почти не участвующей въ обмѣнѣ, а удовлетворяющей всѣ свои невысокія потребности чисто домашними средствами. Къ тому же, условія транспорта почти исключаютъ возможность какого-нибудь живого обмѣна сравнительно малоцѣнныхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Даже въ исходѣ среднихъ вѣковъ, характеризующемся по Лампрехту денежнохозяйственной „гипертрофіей" городовъ [1]), въ германской деревнѣ натуральное хозяйство господствуетъ почти безраздѣльно [2]). Съ другой стороны, даже въ обществѣ, основанномъ на раздѣленіи труда, сельскохозяйственное производство, удовлетворяющее наиболѣе настоятельныя потребности человѣка—роль которыхъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше потребностей вообще—болѣе, чѣмъ всякая другая экономическая дѣятельность, благопріятствуетъ натуральному хозяйству. При низкомъ уровнѣ потребностей сельскохозяйственный производитель меньше всякаго другого нуждается въ деньгахъ. Но онъ не можетъ въ нихъ совершенно не нуждаться: какъ вѣрно замѣтилъ г. Щербина [3]) о русскомъ крестьянинѣ, онъ можетъ не покупать, но онъ вынужденъ продавать, такъ какъ прежде всего государство требуетъ отъ него денегъ. Такимъ образомъ, и этотъ производитель, несмотря на свои низкія потребности, нуждается въ рынкѣ. До появленія улучшенныхъ

---

[1]) Lamprecht, цит. статья 220.

[2]) Ibidem 231.

[3]) Сборникъ стат. свѣд. по Воронежской губ., т. I, стр. 186.

путей сообщенія рынокъ этотъ очень узокъ, такъ какъ господствуетъ однообразіе въ занятіяхъ и, такимъ образомъ, много производителей, но очень мало потребителей *чужихъ* продуктовъ.

Паровой транспортъ какъ бы однимъ ударомъ мѣняетъ положеніе: онъ расширяетъ рынокъ и тѣмъ самымъ подчиняетъ ему все хозяйство. Попрежнему, для того, чтобы получить деньги, нужно продать свой продуктъ, но теперь, въ силу практически почти безграничной возможности сбыта, является возможность и необходимость организовать хозяйство, руководясь требованіями рынка: чѣмъ болѣе подчиняется имъ производитель, тѣмъ больше у него денегъ, на которыя теперь, при измѣнившихся условіяхъ транспорта, можно купить что угодно. Съ другой стороны, власть рынка еще болѣе усиливается тѣмъ, что высшіе классы, уже ранѣе оставившіе натуральное хозяйство, при расширеніи *сбыта* являются еще болѣе заинтересованными въ расширеніи *производства*, чѣмъ тѣ непосредственные производители, которыхъ переворотъ засталъ еще въ состояніи натуральнаго хозяйства; такое расширеніе производства для высшихъ классовъ равносильно очень значительному повышенію ихъ денежныхъ доходовъ, а всякое повышеніе послѣднихъ они, благодаря своимъ потребностямъ, давно уже научились должнымъ образомъ цѣнить.

Такимъ образомъ паровой транспортъ вынуждаетъ переходъ къ мѣновому хозяйству [1]). Мѣновое же хозяй-

---

[1]) Наше изложеніе опирается тутъ и въ послѣдующемъ на А. И. Скворцова [«Вліяніе пароваго транспорта на сельское хозяйство» и его же «Экономическія причины голодовокъ въ Россіи и мѣры къ ихъ устраненію», Спб. 1894 г. (Въ особ. стр. 33—48)]. А. И. Чупровъ въ «Желѣзнодорожномъ хозяйствѣ» (т. I стр. 52) говоритъ: «рельсовые пути неизбѣж-

ство требуетъ безусловно экономической раціональности, и только въ ея предѣлахъ можетъ при этихъ условіяхъ сохраниться въ области сельскохозяйственнаго производства натуральное удовлетвореніе потребностей производителя. Очевидно, чѣмъ однообразнѣе производство, тѣмъ менѣе возможно это при прочихъ равныхъ условіяхъ; значеніе уровня потребностей нами уже указано выше.

Экономическая раціональность, которая сводится къ требованію, „чтобы интенсивность хозяйства была настолько высока, чтобы получалась наивысшая возможная при данныхъ условіяхъ рента", требуетъ, въ свою очередь, раціональности технической; послѣдняя „состоитъ въ томъ, чтобы доставить культивируемымъ растеніямъ тѣ техническія условія (обработку, удобреніе и проч.), при которыхъ каждое изъ нихъ находитъ для себя наиболѣе благопріятныя условія развитія" (Скворцовъ. Вліяніе и т. д., стр. 81—82).

Такимъ образомъ, мы пришли къ слѣдующему общему положенію: паровой транспортъ, дѣлая сельскохозяйственное производство товарнымъ, требуетъ его экономической и технической раціональности. Положеніе это, имѣющее огромную теоретическую и практическую важность, до сихъ почти поръ игнорируется въ нашей литературѣ, въ особенности такъ-называемыми народниками. Смѣшивая товарное производство съ капитализмомъ въ узкомъ смыслѣ слова (объ этомъ рѣчь будетъ ниже), они съ торжествомъ указываютъ на тотъ фактъ, что без-

---

но влекутъ за собой, съ одной стороны, замѣщеніе прежняго натуральнаго хозяйства мѣновымъ, основаннымъ на раздѣленіи труда, а съ другой стороны—перемѣны въ существовавшемъ прежде географическомъ распредѣленіи различныхъ отраслей промышленности».

условное превосходство крупнаго производства надъ мелкимъ въ области сельскаго хозяйства вовсе не доказано. Тѣмъ, кто опирается на ученіе Маркса, не пристало отрицать значеніе экономическихъ и техническихъ особенностей сельскохозяйственнаго производства, благодаря которымъ въ извѣстныхъ случаяхъ мелкія предпріятія имѣютъ экономическія преимущества надъ крупными,— хотя бы самъ Марксъ и отрицалъ значеніе этихъ особенностей. Наивно было бы также представлять себѣ, что натурально-хозяйственная организація земледѣльческаго производства исчезаетъ сразу и, такъ сказать, безъ остатка, но закрывать глаза на совершающійся переворотъ, которымъ отчасти объясняется тяжелый кризисъ, переживаемый русскимъ народнымъ хозяйствомъ, еще болѣе странно. Мелкое сельскохозяйственное производство все больше и больше должно принимать товарный характеръ; и ляд того, чтобы быть жизнеспособными *предпріятіями*, мелкія земледѣльческія хозяйства должны удовлетворять общимъ требованіямъ экономической и технической раціональности. Всѣ попытки въ экономической литературѣ присвоить мелкому земледѣльческому хозяйству особое положеніе, такъ сказать, сдѣлать для него неписанными законы раціональности, въ концѣ концовъ опираются на фактъ... низкихъ потребностей крестьянскаго населенія, на то, что самостоятельный производитель можетъ довольствоваться болѣе низкимъ доходомъ, чѣмъ капиталистъ-фермеръ, чѣмъ крупный землевладѣлецъ, чѣмъ вообще всякій, хозяйничающій на коммерческомъ основаніи [1]). Но вѣдь весь смыслъ перехода отъ

[1]) Такова въ сущности основная мысль извѣстной и во многихъ отношеніяхъ замѣчательной работы г. Каблукова «Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ» (Москва. 1884 г.). Эта. повидимому, пропи-

натуральнаго хозяйства къ денежному и сводится именно къ тому, что „коммерческое основаніе" становится для всѣхъ обязательнымъ. Меньшая зависимость отъ рынка дѣлаетъ мелкое крестьянское хозяйство, поскольку оно носитъ натуральный характеръ, болѣе устойчивымъ, чѣмъ крупное и среднее, руководящіяся исключительно требованіями рынка. Но натуральное хозяйство это, другими словами,—низкія потребности. По мѣрѣ того, какъ растутъ и преобразуются потребности самого производителя, а также увеличиваются требованія государства и мѣстнаго самоуправленія, роль производства для непосредственнаго потребленія становится все меньше и меньше. Денежное хозяйство охватываетъ не только все большее и большее число хозяйственныхъ единицъ, оно

танная марксизмомъ книга можетъ давать и на самомъ дѣлѣ даетъ теоретическое обоснованіе для всѣхъ народническихъ разсужденій на тему о капитализмѣ въ земледѣліи. Г. Каблуковъ какъ будто не замѣчаетъ, что его теорія уничтожаетъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій ренту, такъ какъ если при капиталистическомъ производствѣ «прибыль при прочихъ равныхъ условіяхъ ниже, чѣмъ въ мануфактурахъ», то очевидно, что этотъ минусъ, если рента вообще существуетъ, можетъ ее поглотить. А можетъ быть, ренты и совсѣмъ нѣтъ? Тогда вопросъ, конечно, еще проще. Допустимъ, однако, что вся теорія Каблукова о положеніи земледѣлія при капиталистической организаціи его вѣрна; допустимъ далѣе, что эта организація разрушена и замѣнена некапиталистической (зло рабочаго вопроса устранено!), но *товарное производство осталось*. Въ этомъ случаѣ остается зависимость отъ рынка и вытекающая изъ нея необходимость подчиняться требованіямъ экономической раціональности, т.-е. стремиться къ возможно большему доходу. И эти товарныя некапиталистическія хозяйства неизбѣжно будутъ также, какъ прежнія капиталистическія, страдать отъ каждой невыгодной конъюнктуры, а если она будетъ хронической, то явится и настоящее запустѣніе. Такой характеръ носилъ, повидимому, кризисъ, пережитый и, быть можетъ, до сихъ поръ переживаемый восточными штатами Сѣверной Америки подъ давленіемъ конкурренціи со стороны западныхъ штатовъ. Товарное производство, капиталистическое или некапиталистическое, находится въ полной зависимости отъ рынка.

и внутри каждой такой единицы, такъ сказать, расширяетъ свою территорію. Тотъ самый профессоръ Мясковскій, на котораго ссылается г. В. В. (Наши направленія, стр. 129), отмѣчаетъ какъ слабую сторону прусскаго и вообще нѣмецкаго крестьянства его неприспособленность къ условіямъ товарнаго производства (A. v. Miaskowcki, Agrarpolitische Zeit u. Streitfragen. Leipzig 1889, 55—56 и 112). Неизбѣжность вытѣсненія натуральнаго хозяйства денежнымъ—прекрасно выяснена для австрійскаго крестьянства Гайнишемъ[1]) (M. Hainisch, Die Zukunft der Deutschösterreicher. Wien 1892). Типъ *современнаго* сельскохозяйственнаго производителя представляетъ сѣверно-американскій фермеръ: его хозяйство носитъ рѣзко выраженный товарный характеръ, который, конечно, всего рѣзче тамъ, гдѣ, какъ на западѣ Сѣверной Америки, ведется *экстензивное*, а потому крайне одностороннее зерновое хозяйство. О русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ рѣчь будетъ ниже.

Дѣло вовсе не въ томъ, будутъ-ли мелкія земледѣльческія предпріятія поглощены крупными—такого исхода экономической эволюціи врядъ-ли можно ждать, а—въ томъ метаморфозѣ, которому подвергается все народное хозяйство подъ вліяніемъ обмѣна. Народники упускаютъ изъ виду, что вытѣсненіе натуральнаго хозяйства мѣновымъ въ связи съ констатированнымъ выше „разсѣяніемъ промышленности", совершенно измѣняетъ всю структуру общества. Прежнее отношеніе между земледѣльческимъ (сельскимъ) и неземледѣльческимъ (городскимъ) населеніемъ нарушается въ пользу послѣдняго. Самый экономическій типъ и психическій складъ сельскохозяй-

[1]) Ср. мои статьи въ «Вѣстникѣ Европы», февраль 1894 и тамъ же іюнь 1893.

ственныхъ производителей кореннымъ образомъ измѣняется подъ вліяніемъ новыхъ условій хозяйственной жизни. Идиллія „земледѣльческаго государства" и „народнаго производства" (т.-е. натуральнаго хозяйства) разрушается подъ свистъ локомотива, и для того, чтобы остановить этотъ разрушительный процессъ, нѣтъ никакого другого средства, какъ уничтожить главнаго разрушителя—паровой транспортъ.

Роль парового транспорта не ограничивается областью чисто экономическихъ отношеній: его вліяніе охватываетъ всю жизнь общества и производитъ въ ней глубокій переворотъ. Благодаря паровому транспорту, возникаетъ *міровое* хозяйство, благодаря ему создается дѣйствительно *соціальный* строй, и отдѣльныя хозяйства связываются крѣпкой органической связью. Такимъ образомъ, приложеніе пара къ передвиженію въ колоссальной мѣрѣ повысило, какъ справедливо указываетъ Заксъ (Emil Sax. Die Verkehrsmittel in Volks- u. Staatswirtschaft II, 76—77), *коллективизмъ* человѣческаго существованія.

VIII.

Указанныя выше измѣненія въ структурѣ общества, выражающіяся въ развитіи общественнаго раздѣленія труда, отчасти вызываются ростомъ населенія, а еще болѣе—сами создаютъ условія для роста населенія. Такъ какъ *(1)* общественное раздѣленіе труда въ каждомъ историческомъ обществѣ возникаетъ и развивается на почвѣ обмѣна; такъ какъ *(2)* оно является въ силу необходимости повысить производительность труда и дѣйствительно достигаетъ этой цѣли; то связь между хозяйственнымъ строемъ данной территоріи и ея емкостью по отношенію къ населенію совершенно понятна.

Страны, въ которыхъ, по географическимъ условіямъ или въ силу несовершенства транспорта, земледѣліе безусловно преобладаетъ, которыя такимъ образомъ находятся въ стадіи натуральнаго или полунатуральнаго хозяйства, могутъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ [1]), прокормить гораздо меньшее населеніе, чѣмъ тѣ страны, которыя перешли къ денежному хозяйству и рядомъ съ земледѣліемъ развили обрабатывающую промышленность [2]). Еще рѣзче это сказывается, когда раздѣленіе труда становится международнымъ: не даромъ, указываютъ, что Англія не могла бы при аграрномъ протекціонизмѣ довести свое населеніе до современной цифры (Lexis статья Schutzsystem въ Hdw. d. Staatswissenschaften V. 607).

Современный обмѣнъ,—товарное производство—окажется, безспорно, въ одинъ прекрасный день несостоятельнымъ, и самый фундаментъ общественнаго хозяйства измѣнится. Но нельзя же изъ-за этого не видѣть той *исторической* роли, которую оно играло и играетъ до сихъ поръ. А роль эта обусловливается тѣмъ, что емкость

---

[1]) Такія страны какъ, напр., Китай и Индію, конечно, нельзя прямо, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, сравнивать съ Европой. Климатическія и почвенныя условія оказываютъ огромное вліяніе на производство пищи; потребленіе ея также стоитъ въ прямой зависимости отъ климата.

[2]) Товарное производство можетъ иногда для сравнительно маленькой территоріи понизить ея емкость по отношенію къ населенію (напр., когда пашни превращаются въ пастбища, т. е. при переходѣ отъ зернового хозяйства къ экстенсивному скотоводству), но въ то же время общая емкость той территоріи, внутри которой происходитъ обмѣнъ, *несомнѣнно повышается*. Новѣйшія изслѣдованія показали, что, классическій примѣръ «капиталистическаго запустѣнія», римская Campagna подверглась извѣстному хозяйственному метаморфозу, который отразился такъ гибельно и на ея санитарныхъ условіяхъ, вовсе не по милости капитализма, а по совсѣмъ другимъ причинамъ. Тутъ, наоборотъ, своего рода капитализмъ выросъ на почвѣ запустѣнія [ср. Sombart Die römische Campagna (Schmollers Forschungen VIII, 3) p. 126 ff.].

страны по отношенію къ населенію зависитъ отъ уровня ея *производительныхъ силъ*, которыя по историческимъ условіямъ *могутъ развиватся только при стимулахъ, представляемыхъ обмѣномъ.*

Эта зависимость съ полной ясностью, насколько намъ извѣстно, была впервые указана *Фридрихомъ Листомъ* въ его „Національной системѣ политической экономіи", а *Дюрингъ* формулировалъ ее какъ законъ емкости (территоріи) по отношенію къ населенію (Gesetz der Bevölkerungs-Kapazität).

Вся новѣйшая экономическая исторія подтверждаетъ существованіе этой зависимости, затемняющей дѣйствіе общаго закона народонаселенія,—закона, по которому народонаселеніе размножается въ соотвѣтствіи со средствами пропитанія [1]). Поэтому, а также по другимъ причинамъ, указанный законъ не можетъ сказываться съ элементарной ясностью въ капиталистическомъ обществѣ, гдѣ все производство основано на обмѣнѣ, который къ тому же для Англіи, напр., сталъ по преимуществу международнымъ. Но тамъ, гдѣ преобладаетъ натуральное хозяйство, законъ соотвѣтствія между размноженіемъ и средствами существованія всюду выступаетъ съ полной ясностью.

IX.

Недавно была выставлена теорія, которой мы въ нѣсколькихъ словахъ должны здѣсь коснуться, такъ какъ, быть можетъ, самое замѣчательное въ ней это—полное отрицаніе *за обмѣномъ* какой-либо опредѣляющей роли въ соціально-экономической эволюціи. Мы имѣемъ въ виду „теорію свободной земли Лоріа". Лоріа, какъ мы

---

[1]) Первое изъ трехъ основныхъ положеній Мальтуса: Population is necessarily limited by the means of subsistence

видѣли выше, не знаетъ, что и въ схемѣ Маркса обмѣнъ занимаетъ важное мѣсто. Для Лоріа — писатели, признающіе за обмѣномъ крупную роль въ соціально-экономической эволюціи, это—фритредеры, протекціонисты, моно - и биметаллисты и затѣмъ ... Брентано [1]). Отъ всей этой компаніи, въ которой знаменитый мюнхенскій профессоръ страннымъ образомъ фигурируетъ рядомъ съ протекціонистами и биметаллистами, Лоріа отдѣлывается замѣчаніемъ: „не нужно долго размышлять для того, чтобы понять, что торговыя отношенія, отнюдь не будучи причиной (?) экономической системы, являются ея послѣднимъ и самымъ маловажнымъ послѣдствіемъ“ Изъ дальнѣйшихъ разсужденій нашего автора видно, что онъ имѣетъ въ виду преимущественно международныя торговыя отношенія. Вообще же самую доктрину о вліяніи обмѣна Лоріа понимаетъ крайне элементарно и нисколько не ставитъ ея въ связь съ ученіемъ о раздѣленіи труда. Только благодаря этому онъ можетъ съ апломбомъ утверждать, что „ясно для каждаго, что торговля только измѣняетъ природу продукта, которымъ владѣетъ производитель, но она не можетъ ни улучшить, ни ухудшить его положеніе“ (l. c. 698).

Перейдемъ теперь къ „теоріи свободной земли“ (l. c. 702—704 и „Les bases économiques de la constitution sociale“. Paris 1893, 1—9). „Земля, эта производительная стихія, вотъ, по нашему мнѣнію первая причина (?) экономическихъ отношеній; причина абсолютно первичная въ противоположность къ технической организаціи труда, которая есть явленіе производное; причина по существу своему перемѣнная, въ противоположность къ личному интересу, который является

¹) Loria въ «Revue d'économie politique» 1892, № 6, 697—698.

фактомъ неизмѣннымъ въ своемъ существованіи и въ своей интензивности; причина, такимъ образомъ, способная объяснять явленія, по своему существу измѣняющіяся. Земля есть основа экономической системы; теорія земли есть верховный принципъ политической экономіи, и эта наука является ничѣмъ инымъ, какъ логической и естественной дедукціей изъ анализа поземельной собственности".

Вотъ эта „логическая и естественная дедукція" въ краткой формулировкѣ самого автора: „когда существуетъ свободная земля, когда каждый человѣкъ можетъ по желанію занять участокъ земли и работать на ней за свой счетъ, капиталистическая собственность невозможна, такъ какъ каждый работникъ, вмѣсто того чтобы работать для капиталиста, можетъ эксплуатировать землю, которая не имѣетъ цѣнности. При такихъ условіяхъ, работники усаживаются на свободныхъ земляхъ и посвящаютъ имъ сперва свой трудъ, а потомъ и капиталъ, который они накопили. Если земля производительна, производители отказываются ассоціировать свой трудъ, потому что имъ не нужно ограничивать свою экономическую независимость рамками ассоціаціи: и экономическая форма, необходимая при этихъ условіяхъ, будетъ — свобода независимыхъ производителей (производителей капитала). Если въ этотъ періодъ хотятъ ввести принципъ ассоціаціи, то этого нельзя сдѣлать иначе, какъ силой закона и деспотическимъ актомъ государства. Если, наоборотъ, производительность почвы ограничена, — производители расположены вступить въ ассоціацію для того, чтобы увеличить производительность труда; и вотъ почему при этихъ условіяхъ необходимой экономической формой является или *настоящая ассоціація*, при кото-

рой производители капитала (sic!) работаютъ вмѣстѣ и дѣлятъ продуктъ поровну, или *ассоціація смѣшанная*, въ которой одинъ или нѣсколько производителей капитала соединяются съ однимъ или нѣсколькими простыми рабочими и работаютъ съ ними, дѣля поровну продуктъ. Во всякомъ случаѣ, распаденіе общества на классъ неработающихъ капиталистовъ и классъ рабочихъ некапиталистовъ абсолютно невозможно при существованіи свободной земли, потому что праздный капиталистъ не могъ бы получить никакого участія въ продуктѣ. Образованіе безтрудового дохода, созданіе капиталистической собственности не можетъ тутъ явиться иначе, какъ путемъ насильственнаго подавленія свободы земли, свободы, которой работникъ обязанъ своей силой и своей независимостью. При рѣдкости населенія полная оккупація земель невозможна и потому уничтоженіе свободы земли можетъ быть осуществлено только путемъ личнаго подчиненія рабочей силы . . . .
Такимъ образомъ право собственности на человѣка есть основа, первоначальный пьедесталъ капиталистической (?!) экономіи". Это мѣсто прежде всего прекрасно подтверждаетъ, что у Лоріа по существу ничего общаго съ Марксомъ и Энгельсомъ нѣтъ. Приведенная здѣсь теорія рабства очень близко подходитъ ко взглядамъ Дюринга, которые опровергалъ Энгельсъ (AD.). Ея неисторическій характеръ явствуетъ уже изъ того, что рабство возникаетъ еще въ до-земледѣльческую эпоху, на почвѣ кочеваго быта и войны, которая въ то время является первостепеннымъ *экономическимъ* факторомъ, однимъ изъ главнѣйшихъ *промысловъ* (ср., напр., о древнихъ германцахъ *Лампрехта* D. G. I, а также *Липперта* Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Auf-

ḃau II 536). Весь „экономическій матеріализмъ" Лоріа сводится тутъ къ констатированію простого насилія человѣка надъ человѣкомъ, т.-е. именно къ тому же элементарному и вовсе не экономическому объясненію, которое Дюрингъ поставилъ во главу угла своей соціологіи и несостоятельность котораго такъ блестяще доказываетъ Энгельсъ.

„Свободная земля" въ эпоху слабаго развитія обмѣна совсѣмъ не то же, что „свободная земля" при полномъ господствѣ мѣновыхъ отношеній. При Вашингтонѣ и даже при Уэкфильдѣ [1]) (ср. Марксъ Капиталъ I, 651 — 660 р. пер.) существованіе свободныхъ земель сопровождается совершенно иными экономическими послѣдствіями, чѣмъ при условіяхъ, создаваемыхъ паровымъ транспортомъ и товарнымъ хозяйствомъ. Если при тѣхъ условіяхъ, которыя имѣлъ въ виду Уэкфильдъ, капитализмъ былъ невозможенъ, отчасти благодаря существованію свободныхъ земель, то этому соотвѣтствовало слабое развитіе обмѣна вообще; въ новѣйшее время свободныя земли стараго и новаго запада Соединенныхъ Штатовъ сыграли по отношенію къ капитализму, по удачному выраженію *Энгельса*, только роль предохранительнаго клапана. Не надо забывать, что, благодаря возникновенію на этихъ свободныхъ земляхъ *мѣнового* хозяйства, ихъ заселеніе создавало огромный рынокъ, опираясь на который, восточно-американскій капитализмъ достигъ блестящаго развитія, самъ, въ свою очередь, подвигаясь все болѣе и болѣе на Западъ. Но, по теоріи Лоріа, обмѣнъ проявляетъ только поверхностныя дѣйствія! Итальянскій ученый совершенно игнорируетъ тотъ фактъ, что, вслѣдствіе конкурренціи западныхъ ферме-

[1]) На Уэкфильда указываетъ самъ Лоріа.

ровъ, восточные оставляли землю и переселялись или въ города, или же на Западъ.

Отсутствіе серьезной исторической подкладки является также основнымъ изъяномъ и въ развиваемой Лоріа теоріи населенія [1]). Лоріа измѣненія въ организаціи производства ставитъ въ зависимость отъ роста населенія. Это вѣрно только до извѣстной степени, съ историческими ограниченіями, такъ какъ, конечно, самый ростъ населенія и, eo ipso, возможная густота населенія обусловливается степенью производительности труда, зависящей, въ свою очередь, отъ организаціи производства и факторовъ, ее обусловливающихъ (напр., обмѣна) [2]).

X.

Игнорируя роль обмѣна, мы, такъ сказать, проходимъ и мимо общественнаго раздѣленія труда. Развитіе товарнаго производства, конечно, необъяснимо просто изъ насилія и эксплоатаціи. Всѣ положительные результаты нашей „цивилизаціи" тѣсно связаны съ общественнымъ раздѣленіемъ труда, съ такъ-называемымъ „отдѣленіемъ" обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія. Самое это „отдѣленіе" создаетъ ту „конфедерацію національныхъ производительныхъ силъ", о которой говорилъ Листъ и которая есть основа дальнѣйшаго экономическаго и соціальнаго прогресса.

---

[1]) Мы знакомы съ ней по изложенію Ugo Rabbeno въ статьѣ Ein neues System der Sozial-ökonomie. Achilles Lorias Werke въ Frankensteins Zeitschrift für Litteratur u. Geschichte der Staatswissenschaften I (1893), 54—66 и 121—134.

[2]) Мы предвидимъ для теоріи «свободной земли», какъ легкаго и соблазнительнаго своей ясностью рѣшенія труднаго вопроса, большую популярность. Въ народническое міровоззрѣніе эта теорія очень хорошо укладывается.

Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ Листа, какъ теоретика, состоитъ въ томъ, что онъ указалъ на взаимодѣйствіе между различными сторонами народнаго хозяйства при господствѣ мѣновыхъ отношеній: ученіе о „конфедераціи національныхъ производительныхъ силъ“ подчеркиваетъ необходимость, въ интересахъ всего народнаго хозяйства, гармоническаго развитія сельскаго хозяйства и обрабатывающей промышленности. Листъ— энергичный апологетъ товарнаго производства и капитализма; на соціальную сторону вопроса онъ не обращалъ вниманія [1]). Но, быть можетъ, именно эта буржуазная односторонность и помогла ему съ такой логической силой формулировать свое замѣчательное ученіе. Какъ уже сказано, оно сводится къ установленію историческаго взаимодѣйствія между сельскимъ хозяйствомъ и обрабатывающей промышленностью. Сельское хозяйство всего лучше развивается тамъ, гдѣ оно всего тѣснѣе связано съ всесторонней фабричной промышленностью, т.-е. тотъ народъ всего лучше разовьетъ свои производительныя силы, который создастъ многостороннюю обрабатывающую промышленность, могущую опираться на внутреннее сельскохозяйственное производство (List, 136). „Высшее раздѣленіе занятій и высшее сочетаніе (конфедерація) производительныхъ силъ въ матеріальномъ производствѣ осуществляется земледѣліемъ

[1]) Ср. замѣчанія Eheberg'а во введеніи къ 7-му изданію «Національной системы» (Stuttgart 1883, 205) Не надо забывать, что взгляды Листа сложились въ цѣлую систему, подъ вліяніемъ фактовъ американской жизни, гдѣ разцвѣтающее капиталистическое производство было, въ особенности въ ту пору, свободно отъ многихъ печальныхъ сторонъ, столь характерныхъ для капитализма въ Англіи и на континентѣ Европы. Не случайна, конечно, и та роль пропагандиста желѣзныхъ дорогъ, которую игралъ Листъ въ своемъ отечествѣ; она стоитъ въ необходимой связи со всей его жизнью и научной системой.

(Agricultur) и мануфактурной промышленностью" (Manufactur, 142), точнѣе, ихъ гармоническимъ сочетаніемъ. „Нація, занимающаяся только земледѣліемъ, подобна индивидууму, которому для его матеріальнаго производства не достаетъ одной руки" (142). Паровой транспортъ съ его тенденціей „разсѣянія промышленности" явился могущественнымъ союзникомъ ученія Листа. Не надо забывать также, что Листъ всюду въ своихъ разсужденіяхъ исходилъ изъ понятія о націи и національномъ хозяйствѣ; въ основѣ всѣхъ его построеній лежитъ тотъ историческій фактъ, что населеніе земнаго шара не представляетъ въ политическомъ отношеніи цѣлаго, а распадается на рядъ государствъ. Вся новая и новѣйшая экономическая исторія краснорѣчиво говоритъ о связи современнаго хозяйственнаго строя съ *современнымъ государствомъ* (ср. Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft 67).

Я не знаю книги, которая бы болѣе убѣдительно, чѣмъ „Національная система", говорила объ исторической неизбѣжности и законности капитализма въ широкомъ смыслѣ слова. Если „Принципы" Рикардо, являясь глубокимъ абстрактнымъ анализомъ капиталистическаго строя въ той его формѣ, въ которую онъ сложился къ началу XIX вѣка въ Англіи, поражаютъ читателя своей чисто дѣловой объективностью, сухостью и узостью, благодаря которымъ имъ совершенно недоступенъ ни широкій историзмъ, ни соціально-политическая точка зрѣнія; если „Капиталъ" Маркса, представляя въ теоретическомъ отношеніи дальнѣйшее развитіе и углубленіе положеній Рикардо, въ одно и то же время является широкой исторической картиной и соціально-политическимъ обличеніемъ капиталистическаго строя,

то „Національная система“ Листа—побѣдная пѣснь торжествующаго товарнаго производства, во всеуслышаніе провозглашающая его культурно-историческую мощь и побѣдоносное шествіе по всѣмъ языкамъ.

XI.

Теперь намъ предстоитъ остановиться на понятіи „капитализмъ“. Подобно большинству популярныхъ кличекъ (Schlagworte, какъ говорятъ нѣмцы), слово капитализмъ употребляется весьма вольно, то въ очень широкомъ, то въ очень узкомъ смыслѣ. Сплошь и рядомъ подъ капитализмомъ разумѣется, вообще, современное товарное хозяйство; не менѣе часто капитализмъ понимается въ смыслѣ организаціи производства, основанной на значительномъ примѣненіи *наемнаго труда*; есть изслѣдователи, которые для понятія капитализма послѣдній моментъ—наемный трудъ не считаютъ существеннымъ и потому говорятъ о капиталистическомъ хозяйствѣ прусскихъ Rittergutsbesitzer въ эпоху Hörigkeit и тропическихъ и подтропическихъ плантаторовъ при рабствѣ [1]); затѣмъ многими считается характернымъ для капитализма широкое раздѣленіе труда внутри каждаго производственнаго цѣлаго и обширное примѣненіе основного капитала—машинъ. Очень широко понимается капитализмъ тѣми, кто, не давая точнаго опредѣленія этого понятія, просто противополагаютъ подъ названіемъ капитализма западно-европейскій экономическій строй, вмѣщающій въ себѣ и англійскую хлопчатобумажную промышленность и во многихъ еще мѣстахъ полунатуральное хозяйство германскихъ и австрійскихъ крестьянъ,

---

[1]) Такъ поступаетъ Knapp Die Landarbeiter in Knechtschaft u. Freiheit Leipzig 1891.

русскому общинному строю, „мірскому укладу", который существовалъ рядомъ съ крѣпостнымъ правомъ и теперь еще существуетъ вмѣстѣ съ высоко развитою обрабатывающею промышленностью. Очевидно, что тутъ изъ двухъ рядовъ явленій просто выхватывается по одному моменту — частная поземельная собственность, съ одной стороны, и общинное землевладѣніе и землепользованіе, съ другой стороны, и на ихъ противоположеніи строятся всѣ дальнѣйшіе выводы. Конечно, подобный пріемъ избавляетъ отъ скучнаго анализа экономическихъ явленій и очень упрощаетъ всѣ разсужденія, которыя тѣмъ легче, чѣмъ безцеремоннѣе мы обращаемся съ понятіями и словами, но, сваливая въ одну кучу самыя разнородныя явленія, мы неизбѣжно начинаемъ теряться въ общихъ мѣстахъ, изъ которыхъ можно, пожалуй, ein System bereiten, но которыя ни на волосъ не подвинутъ насъ впередъ въ пониманіи экономической дѣйствительности. Разныя точки зрѣнія, разные критеріи, конечно, заставляютъ насъ различно смотрѣть на одно и то же явленіе и, пользуясь одинаковыми терминами „капитализмъ", „капиталистическій", мы тѣмъ не менѣе будемъ совершенно неодинаково опредѣлять тѣ или другіе экономическіе факты. Такъ, если обращать вниманіе преимущественно на соціальную въ тѣсномъ смыслѣ слова сторону дѣла, то нѣмецкая Hausindustrie или Verlagssystem, конечно, будетъ капиталистической формой производства—таковой и считаютъ ее нѣмецкіе ученые экономисты; если же смотрѣть только на техническую сторону дѣла (децентрализація производства), то эту же самую Hausindustrie можно подъ популярной фирмой кустарной промышленности побѣдоносно противопоставлять капиталистическому производству, какъ

это съ большой наивностью и самоувѣренностью дѣлаетъ г. К. Веберъ въ своей брошюрѣ „Нужды нашего народнаго хозяйства". (Спб. 1892).

Товарное хозяйство, т.-е. современное массовое производство товаровъ преимущественно на отдаленный и неопредѣленный рынокъ, во всякомъ случаѣ обнимаетъ болѣе широкій кругъ явленій, чѣмъ капиталистическое производство, понимая послѣднее въ смыслѣ экономически и технически централизованнаго крупнаго производства, съ обширнымъ примѣненіемъ основного капитала — машинъ, и значительнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, приходящихся на каждое предпріятіе. Капитализмъ въ послѣднемъ смыслѣ слова представляетъ только, выражаясь картинно, вершину товарнаго хозяйства. Какъ до сихъ поръ существуетъ ремесло, являющееся первою ступенью товарнаго производства и существенно отличающееся отъ современныхъ его формъ, такъ же точно рядомъ съ капиталистическимъ производствомъ sensu stricto существуютъ и другія формы массоваго товарнаго производства. Вытѣсненіе ихъ капитализмомъ зависитъ отъ конкретныхъ, техническихъ и экономическихъ условій; оно неизбѣжно, поскольку такія условія налицо. Если мы въ нашемъ анализѣ и нашей оцѣнкѣ окружающихъ экономическихъ явленій не стоимъ на объективной исторической точкѣ зрѣнія, то у насъ очень легко теряется вѣрная перспектива, и взаимное отношеніе разныхъ сторонъ экономической дѣйствительности представляется намъ совершенно неправильно. Отсюда — представленіе о западно-европейскомъ экономическомъ строѣ, какъ о какомъ-то уже вполнѣ однородномъ цѣломъ, какъ о чемъ-то въ родѣ собранія огромныхъ фабрикъ и копей съ небольшою кучкой капиталистовъ и массой наемныхъ рабочихъ. Капитализмъ въ узкомъ

смыслѣ слова — безспорно самая блестящая и потому наиболѣе замѣтная сторона товарнаго хозяйства и, благодаря этому, онъ такъ часто фигурируетъ, какъ pars pro toto. Но такое отождествленіе крупной промышленности съ товарнымъ хозяйствомъ вообще—ошибка, рождающая цѣлую массу другихъ[1]). Такъ, напр., иногда случается, что, отождествивъ капиталистическую форму производства съ товарнымъ хозяйствомъ вообще, отъ отсутствія первой заключаютъ къ отсутствію условій развитія всѣхъ формъ товарнаго производства вообще, или—не замѣчая, что капитализмъ есть часто, даже при современномъ развитіи путей сообщенія, болѣе поздняя ступень товарнаго хозяйства, отъ отсутствія или слабаго развитія капитализма въ данный моментъ заключаютъ къ невозможности или невѣроятности его широкаго развитія въ будущемъ. Первая ошибка дѣлается очень часто при обсужденіи аграрныхъ отношеній и намъ уже пришлось и еще придется съ ней считаться. Вторая лежитъ въ основѣ такихъ противоположеній, какъ то, въ которомъ капитализмъ, какъ „степень эксплоатаціи“, противопоставляется капитализму, какъ извѣстной „организаціи производства“. Тутъ забываются такія тривіальныя истины, какъ: „по Сенькѣ и шапка“, „всякому овощу свое время“, словомъ, что капитализмъ есть явленіе развивающееся, и его физіономія въ данный историческій моментъ тѣсно связана съ общимъ культурнымъ уровнемъ народа.

Очень широко понимается капитализмъ въ классическомъ его противопоставленіи соціализму. Подъ капитализмомъ тутъ разумѣется весь современный хозяй-

[1]) Марксъ самъ представлялъ себѣ процессъ превращенія *товарнаго* производства въ *товарно-капиталистическое*, быть можетъ, болѣе стремительнымъ и прямолинейнымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. (Ср. Капиталъ т. II, стр. 10—11, 72 русскаго перевода).

ственный строй, основанный на частной собственности на землю и орудія производства и опирающійся на принципъ экономической свободы; а соціализмъ мыслится, какъ такой соціально-экономическій порядокъ, въ которомъ осуществлены противоположныя начала: частной собственности на землю и орудія производства нѣтъ, самое производство обобществлено и распредѣленіе регулировано. Это противоположеніе законно и вполнѣ свободно отъ ошибокъ, присущихъ излюбленному у насъ противоположенію капитализма общинному строю, такъ какъ подъ соціализмомъ мы можемъ разумѣть только *идеальный строй*, тогда какъ „мірской укладъ" выдвигается съ претензіей на полную реальность. Соціализмъ реаленъ лишь постольку, поскольку онъ въ отрицательныхъ терминахъ воспроизводитъ капитализмъ. Такимъ образомъ, не только исторически, но и логически, соціализмъ—по крайней мѣрѣ, въ той его послѣдовательной формѣ, которая извѣстна подъ именемъ научнаго соціализма и составляетъ соціально-политическое credo западно-европейскаго рабочаго класса—своимъ бытіемъ обязанъ капитализму: безъ него онъ призракъ, лишенный плоти и крови. Изъ этого, однако, отнюдь не вытекаетъ, что западно-европейская трудящаяся масса не есть активный элементъ исторической жизни, какъ хотятъ насъ увѣрить нѣкоторые народники; въ указанной выше исторической связи сказывается только та зависимость идей отъ матеріальныхъ основъ жизни, которую такъ настойчиво игнорируютъ наши идеалисты, и та историческая преемственность различныхъ соціальныхъ формъ, съ которой никакъ не могутъ примириться люди, которымъ вообще чуждо всякое историческое мышленіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прогрессъ экономическій и прогрессъ соціальный.

Es war überhaupt fehlerhaft von der sog. Verteilung Wesens zu machen und den Hauptakzent auf sie zu legen. Die jedesmalige Verteilung der Konsumtionsmittel ist nur Folge der Productionsbedingungen selbst ....
Der Vulgärsozialismus. (und von ihm wieder ein Teil der Demokratie) hat es von den bürgerlichen Oekonomen übernommen die Distribution als von der Productionsweise unabhängig zu betrachten und zu behandeln ....
Nachdem das wirkliche Verhältniss längst klargelegt, warum wieder rückwärts-gehen? *Marx.*

I. Противопоставленіе національнаго богатства и народнаго благосостоянія. Его смыслъ у Маркса и у экономистовъ-романтиковъ. Отношеніе къ этому вопросу народничества и его реакціонная точка зрѣнія. Задачи критики экономическихъ основъ народничества.—II. Отношеніе между производствомъ и распредѣленіемъ по Марксу. Значеніе капитализма. — III. Точка зрѣнія Брентано и его учениковъ. Ея оцѣнка. Взаимодѣйствіе между экономическимъ и соціальнымъ прогрессомъ, прослѣживаемое Шульце-Геверницемъ на англійской хлопчатобумажной промышленности.—IV. Работа Лоша и ея главнѣйшіе выводы. Ихъ значеніе. —V. Постановка вопроса объ отношеніи между экономическимъ и соціальнымъ прогрессомъ въ американской литературѣ. Гентонъ и его «Принципы соціальной экономіи».—VI. Геркнеръ и его указанія на зависимость экономическаго прогресса отъ соціальной реформы. VII. Еще разъ значеніе капитализма. — XIII. Оцѣнка нѣкоторыхъ взглядовъ г. В. В. Глѣбъ Успенскій о крѣпости «соціально-бытовыхъ основъ».

I.

Марксу принадлежитъ извѣстное противопоставленіе національнаго богатства и народнаго благосостоянія — прогресса въ области производства и прогресса въ области распредѣленія. Марксъ видѣлъ въ

несоотвѣтствіи между способами производства и организаціей распредѣленія одно изъ тѣхъ противорѣчій капиталистическаго строя, отъ которыхъ ему суждено погибнуть. Впрочемъ, еще задолго до Маркса въ томъ же смыслѣ высказывался и *Сисмонди*, и многіе другіе писатели, даже буржуазный *Ж. Б. Сэй* заявилъ свое несогласіе съ односторонней точкой зрѣнія *Рикардо*. Но въ то время, какъ Сисмонди и всякаго сорта экономисты-реакціонеры считали необходимымъ и желательнымъ возвратъ къ прежнимъ формамъ и организаціямъ труда, Марксъ всегда всѣ свои надежды полагалъ на дальнѣйшее развитіе капиталистическаго строя: только послѣдній, по его мнѣнію, способенъ создать матеріальныя и психическія предпосылки новаго, болѣе справедливаго, общественнаго порядка. Нѣкоторыя мѣста у Маркса даютъ основаніе думать, что Марксъ представлялъ себѣ переходъ отъ капитализма къ новому общественному строю въ видѣ рѣзкаго паденія,—крушенія капитализма подъ тяжестью постоянно растущихъ въ немъ противорѣчій; но въ то же время Марксъ одинъ изъ первыхъ указалъ на соціально-культурное значеніе фабричнаго законодательства и постепеннаго экономическаго и политическаго объединенія трудящихся массъ. Съ тѣхъ поръ его послѣдователи неустанно боролись и борются за *реформы* въ интересахъ промышленнаго пролетаріата. Въ этой политикѣ заключается признаніе, что на почвѣ капиталистическаго строя существуетъ возможность частичнаго, постепеннаго улучшенія положенія рабочаго класса. Соціальныя реформы составляютъ звенья, связующія капитализмъ съ тѣмъ строемъ, который его смѣнитъ и—каковъ бы ни былъ политическій характеръ того заключительнаго звена, которое явится гранью между двумя обще-

ственно-экономическими формами—*одна форма исторически выростетъ изъ другой.* Поэтому-то Марксъ и его послѣдователи такъ враждебно относились ко всѣмъ западно-европейскимъ попыткамъ соціальной реформы назадъ: они видѣли въ нихъ не только палліативы, но прямо—*реакцію.* Даже, если бы они и считали дальнѣйшее ухудшеніе положенія рабочаго класса, при развитіи товарнаго хозяйства, неизбѣжнымъ, изъ духа всего ученія Маркса вытекаетъ, что только капитализмъ создаетъ матеріальныя въ узкомъ смыслѣ слова, т.-е. техническія предпосылки, безъ которыхъ коллективистическій строй невозможенъ, конечно, если исходить изъ реальныхъ *историческихъ* условій. Такова и была, повидимому, точка зрѣнія Маркса въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Въ нее впослѣдствіи былъ внесенъ важный коррективъ въ томъ смыслѣ, что вмѣсто пропасти, отдѣляющей капитализмъ отъ строя, долженствующаго его смѣнить, и теорія, и практика должны были признать цѣлый рядъ переходовъ. Въ данномъ случаѣ теорія слѣдовала за жизнью и ея развитіемъ.

Наша народническая литература подхватила противопоставленіе національнаго богатства и народнаго благосостоянія, прогресса экономическаго, производственнаго, и прогресса соціальнаго, прогресса распредѣленія. Въ силу своего гуманнаго, народолюбиваго характера, эта литература сразу рѣшила вопросъ въ пользу народнаго благосостоянія и, такъ какъ нѣкоторыя народно-экономическія формы (община, артель), повидимому, воплощали въ себѣ идеалъ экономическаго равенства и, такимъ образомъ, обезпечивали народное благосостояніе, а прогрессъ производства подъ вліяніемъ усиленнаго обмѣна отнюдь не обѣщалъ благопріятствовать этимъ

формамъ, устраняя ихъ экономическія и психическія основы, то народники, указывая на печальный опытъ Запада съ производственнымъ прогрессомъ, опирающимся на частную собственность и экономическую свободу, противопоставили товарному хозяйству — капитализму, такъ-называемое „народное производство“, гарантирующее народное благосостояніе, какъ общественно-экономическій идеалъ, за сохраненіе и дальнѣйшее развитіе котораго надлежитъ бороться русской интеллигенціи и русскому народу. Въ значительной мѣрѣ проникнутые самоновѣйшими, наирадикальнѣйшими западно-европейскими идеями, наши народники практически воспроизводили западно-европейскій экономическій романтизмъ и были, и остаются такими же реакціонерами въ экономической области—конечно, sans le savoir et le vouloir. Этотъ безсознательно-реакціонный характеръ народничества сказывался до сихъ поръ менѣе рѣзко, потому что та программа, съ которой оно выступило, по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ, гораздо меньше, чѣмъ программа западно-европейскаго экономическаго романтизма, опиралась на реальный, знакомый почти во всѣхъ его деталяхъ, экономическій строй, каковымъ былъ средневѣковый феодально-цеховой строй для экономическаго романтизма Запада. Для того, чтобы идеализировать и защищать этотъ строй, не нужно было въ такой степени обращаться къ чисто идеальнымъ, лишеннымъ всякихъ реальныхъ опорныхъ точекъ, построеніямъ, какъ для аналогичной операціи съ натуральнымъ или полунатуральнымъ хозяйствомъ, только-что освободившимся отъ своей исторической связи съ крѣпостнымъ правомъ. Отсюда извѣстная теоретическая близость нашего народничества съ западно-европейскимъ коллективизмомъ.

Убожество натуральнаго хозяйства пришлось прикрывать перьями, заимствованными — увы! — въ концѣ концовъ, отъ ненавистнаго капитализма, т.-е. отъ выросшаго въ его *исторической* школѣ соціально-политическаго міровоззрѣнія.

При такихъ обстоятельствахъ задачей критики экономическихъ основъ народничества является обосновать и — насколько подобныя положенія доказуемы — доказать слѣдующее:

1. Прогрессъ экономическій есть необходимое условіе прогресса соціальнаго; послѣдній исторически вытекаетъ изъ перваго, и на извѣстной ступени развитія между обоими процессами должно явиться и на самомъ дѣлѣ является органическое взаимодѣйствіе, взаимная обусловленность.

2. Поэтому вопросъ объ организаціи производства и степени производительности труда есть вопросъ, первенствующій надъ вопросомъ о распредѣленіи; при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, когда производительность народнаго труда и абсолютно, и относительно очень низка, первостепенное значеніе производственнаго момента сказывается особенно рѣзко.

Изъ этихъ двухъ положеній въ связи, во-1-хъ, съ эмпирически извѣстными условіями развитія народнаго хозяйства изъ формы натуральной въ форму товарную; во-2-хъ, съ конкретными условіями русскаго народнаго хозяйства вытекаетъ цѣлый рядъ теоретическихъ и практическихъ выводовъ, рѣзко противоположныхъ экономическимъ воззрѣніямъ и требованіямъ народничества. Первое положеніе мы освѣтимъ при помощи матеріала, заимствованнаго изъ западно-европейской и американской жизни и литературы. Обоснованіе второго поло-

женія введетъ насъ въ самую суть вопроса о судьбахъ капитализма въ Россіи, и разобраться въ этомъ вопросѣ намъ помогутъ всѣ предшествующія обобщенія.

II.

Противопоставленіе экономическаго прогресса современности ея соціальнымъ неустройствамъ имѣетъ, конечно, свои глубокія основанія. Это противопоставленіе составляетъ безсмертную заслугу всей критики капиталистическаго строя и возникшихъ на его почвѣ ученій, критики, вершиной которой является знаменитый трактатъ о капиталѣ. Но мы не должны никогда забывать выше уже отмѣченнаго рѣзкаго различія между — съ одной стороны—утопической и реакціонной критикой капитализма и — съ другой стороны — *той* критикой, представителемъ которой является Марксъ. Для первой капитализмъ—только печальное явленіе, результатъ человѣческихъ заблужденій и низостей, для второй — онъ необходимая фаза въ соціально-экономическомъ развитіи культурнаго человѣчества,—фаза, историческая миссія которой заключается въ созданіи матеріальныхъ и интеллектуальныхъ условій дальнѣйшаго прогресса. Изъ всей соціологической концепціи историческаго матеріализма вытекаетъ зависимость, существующая между прогрессомъ экономическимъ и прогрессомъ соціальнымъ.

Идея, что производство первенствуетъ надъ распредѣленіемъ, настолько проникаетъ все ученіе Маркса, что даже если бы она никогда не была имъ рѣзко формулирована, всякій читатель, усвоившій себѣ духъ великаго экономиста, долженъ былъ бы самъ вычитать ее изъ его сочиненій, на первомъ мѣстѣ—изъ трактата о капиталѣ. Но мы нарочно взяли эпиграфомъ къ настоящей главѣ за-

мѣчательныя слова, въ которыхъ мысль о первенствующемъ значенiи производства высказана Марксомъ съ ясностью, не допускающей никакихъ сомнѣнiй. *„Вообще было ошибочно носиться съ такъ-называемымъ распредѣленiемъ и главное значенiе придавать ему. Данное распредѣленiе средствъ потребленiя является только слѣдствiемъ самихъ условiй производства. . . . . Вульгарный соцiализмъ (а за нимъ и часть демократiи) заимствовали отъ буржуазныхъ экономистовъ взглядъ на распредѣленiе и отношенiе къ нему, какъ къ чему-то независимому отъ способа производства; съ этой точки зрѣнiя коллективизмъ сводится преимущественно къ вопросу о распредѣленiи. Теперь, послѣ того, какъ истинное соотношенiе между производствомъ и распредѣленiемъ давно выяснено, зачѣмъ идти назадъ?“* [1]).

Заслуга выясненiя истиннаго соотношенiя между производствомъ и распредѣленiемъ принадлежитъ именно Марксу. Несостоятельность капитализма и необходимость перехода къ иному экономическому порядку обусловливается съ этой точки зрѣнiя прежде всего чисто экономическими причинами: обобществленное производство не можетъ мириться съ индивидуалистическимъ, безпорядочнымъ распредѣленiемъ и потребленiемъ.

Но обобществленное производство создается именно капитализмомъ и въ этомъ (*но не только въ одномъ этомъ*) его громадное значенiе для экономическаго и соцiальнаго прогресса. Чѣмъ дальше развивается капитализмъ, тѣмъ очевиднѣе становится невозможность поддерживать колоссальное, въ полномъ смыслѣ слова обществен-

---

[1]) Эти слова заимствованы изъ замѣчанiй Маркса на т. н. «Готскую Програму», опубликованныхъ въ 1891 г.

ное, производство, тѣми *частнохозяйственными средствами,* которыя его, такъ сказать, породили. Болѣе или менѣе ясное сознаніе этого факта налагаетъ свой отпечатокъ на всю экономическую и соціально-политическую литературу послѣднихъ лѣтъ. Мысль, что экономическій прогрессъ, являясь необходимымъ условіемъ соціальной реформы, въ свою очередь, властно требуетъ ея,—эта мысль, въ настоящее время все настойчивѣе и настойчивѣе повторяемая въ экономической литературѣ, заключаетъ уже въ себѣ отрицаніе частнохозяйственныхъ принциповъ капиталистическаго строя въ пользу вызванныхъ къ жизни капитализмомъ же народнохозяйственныхъ принциповъ. Соціальный уровень трудящихся массъ всего выше безспорно въ тѣхъ странахъ, которыя всѣхъ дальше ушли по пути экономическаго прогресса (въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Австраліи, въ Англіи). Совпаденіе это, конечно, не случайное и оно разомъ бросаетъ свѣтъ на взаимодѣйствіе между прогрессомъ соціальнымъ и прогрессомъ экономическимъ. Этотъ фактъ даетъ обильную пищу для всякаго рода „гармонистовъ", которые пытаются найти несуществующую въ капиталистическомъ строѣ и потому недоказуемую гармонію интересовъ. Съ точки зрѣнія того пониманія соціально-экономической эволюціи, которое мы развивали на предшествующихъ страницахъ, эта зависимость вполнѣ понятна, но она ничуть не можетъ скрыть отъ насъ противорѣчій капиталистическаго строя. Попытаемся же теперь, пользуясь нѣкоторыми новѣйшими изслѣдованіями, исторически освѣтить указанную зависимость и ея отраженіе въ экономической и соціально-политической литературѣ.

III.

Намъ придется для этой цѣли пользоваться работами экономистовъ, отличающихся оптимизмомъ, котораго мы не раздѣляемъ. Таковы, напр., Брентано и его ученикъ Шульце-Геверницъ, представляющіе себѣ, что экономическій прогрессъ непосредственно приводитъ къ прогрессу соціальному, что послѣдній, такъ сказать, естественно, безъ всякой классовой борьбы и безъ всякихъ сознательныхъ усилій, направленныхъ на созданіе принципіально новой организаціи народнаго хозяйства выростаетъ на почвѣ перваго. Въ общемъ, это совершенно ничѣмъ не оправдываемый оптимизмъ, которымъ Брентано и его ученики, какъ представители оффиціальной исторической школы въ политической экономіи, заражены, подобно своимъ предшественникамъ, представителямъ исторической школы въ правовѣдѣніи. И подобно тому, какъ взгляду на органическое развитіе права была противопоставлена идея борьбы за право (Ihering), такъ ученію объ естественномъ и органическомъ ростѣ соціальнаго прогресса, можетъ и должно быть противопоставлено ученіе о борьбѣ за соціальный прогрессъ. „Техническое развитіе способовъ производства,—говоритъ Бернштейнъ—есть необходимый потенціальный факторъ (соціальнаго прогресса), но не исключительный, не такой факторъ, который дѣйствовалъ бы самопроизвольно, механически“.

Несмотря на оптимизмъ авторовъ, работы Брентано и брентанистовъ имѣютъ положительное значеніе: онѣ всегда даютъ довольно много фактическаго матеріала, онѣ проникнуты—въ противоположность произведеніямъ другихъ представителей исторической школы—безусловно

отрицательнымъ отношеніемъ къ устарѣлымъ экономическимъ формамъ и къ экономическому романтизму. Кромѣ того, Брентано и его школа, съ точки зрѣнія исторіи идей, представляютъ чрезвычайно поучительное зрѣлище: они являются, если можно такъ выразиться, отраженіемъ Маркса въ буржуазной экономической литературѣ. Брентано, который велъ такую ожесточенную и непривлекательную полемику съ Марксомъ [1]), можно сказать, почти всѣмъ обязанъ послѣднему. Шульце-Геверницъ удостоился даже отъ Шмоллера упрека въ матеріализмѣ [2]), и дѣйствительно, онъ, несмотря на всѣ старанія критически относиться къ марксизму, принужденъ повторять вещи, давно уже сказанныя Марксомъ и Энгельсомъ.

Совершенно правъ Шульце-Геверницъ, когда онъ, вполнѣ въ духѣ Маркса, переходъ отъ рабскаго труда къ свободному и отъ низкой оплаты наемнаго труда къ сравнительно высокой сводитъ къ *экономическимъ причинамъ*. „Всюду можетъ быть констатированъ тотъ фактъ, что, съ развитіемъ крупной промышленности, паденіе задѣльной платы сопровождается постояннымъ повышеніемъ дохода рабочаго. Чѣмъ объясняется это явленіе? Чтобы понять его, мы должны взглянуть на него, какъ на продолженіе того стародавняго процесса, который нѣкогда освободилъ трудъ отъ рабства. Несвободный работникъ, который работаетъ по внѣшнему принужденію, прикованъ къ жизненному минимуму; господинъ, понятно, тратилъ на него не больше того, что именно нужно для поддержанія и воспроизведенія труда. Мож-

[1]) Ср. его «Meine Polemik mit Karl Marx» (Berlin, 1890) и *Энгельса* «In Sachen Marx contra Brentano» (Hamburg 1891).

[2]) Въ рецензіи на «Grossbetrieb» въ его Jahrbuch (1893).

но считать доказаннымъ, что работникъ былъ эмансипированъ экономическимъ прогрессомъ. Рабу можно поручить только самыя грубыя орудія. Экономическій прогрессъ требуетъ растущаго интереса рабочаго къ труду въ цѣляхъ улучшенія его качества и повышенія его производительности, а это возможно только на почвѣ свободы. Такъ, первоначально въ интересахъ господина, возникаетъ изъ крѣпостнаго мастера свободный ремесленникъ, а изъ средневѣковаго помѣстья—городъ. Особенно ясно можно наблюдать этотъ процессъ въ области сельскохозяйственнаго производства, такъ какъ тутъ онъ обнаруживается только въ прошломъ и настоящемъ столѣтіи. Необходимость болѣе интенсивной обработки вынуждаетъ переходъ къ свободному наемному труду, который, будучи, повидимому, дороже рабскаго, на самомъ дѣлѣ, благодаря значительно большей производительности, дешевле" (Der Grossbetrieb, 59—60).

Въ средневѣковомъ ремеслѣ трудъ былъ свободенъ и пользовался почетомъ, но промышленность не была свободна, она была связана. Производство на міровой рынокъ создало совершенно новыя требованія: удешевленіе производства стало основнымъ принципомъ промышленности. „Рабочій же подъ давленіемъ возникающаго мірового рынка глубоко палъ съ занимаемой имъ прежде высоты. Закономъ его существованія снова сталъ жизненный минимумъ, надъ которымъ онъ, сдѣлавшись свободнымъ, нѣкогда, повидимому, окончательно поднялся. Рабочее время, прежде ограниченное обычаемъ и закономъ, лѣтомъ составлявшее двѣнадцать часовъ, зимой продолжавшееся до сумерекъ, было снова удлинено до возможныхъ предѣловъ. Этотъ процессъ можно явственно прослѣдить въ Англіи. До нашего столѣтія положеніе рабочаго (die Lebenshaltung des Arbeiters), рабочее время

и заработная плата были авторитативно опредѣлены. Если рабочій трехдневнымъ трудомъ зарабатывалъ достаточно для того, чтобы вести обычный образъ жизни, то остальные три дня въ недѣлю онъ ничего не дѣлалъ. Поэтому-то манчестерскіе купцы говорили А. Юнгу, что для нихъ выгоднѣе высокія цѣны на жизненные припасы, чѣмъ низкія, ибо только первыя вынуждаютъ рабочаго трудиться" (60—61). Однако, дальнѣйшій экономическій прогрессъ преобразовалъ физіономію значительной части англійскаго рабочаго населенія. Подъ давленіемъ конкурренціи необходимо было понизить стоимость производства и при помощи улучшенныхъ машинъ интензифицировать и сдѣлать болѣе производительнымъ трудъ рабочихъ. Для этого прежній, прикованный къ жизненному минимуму рабочій былъ негоденъ. „Единственное средство экономической побѣды состояло въ улучшеніи техники и въ уменьшеніи числа рабочихъ по отношенію къ производимому ими продукту. То и другое приводило къ постоянному пониженію задѣльной платы, что̀ являлось рѣшающимъ моментомъ въ соперничествѣ, а съ другой стороны—къ повышенію недѣльнаго заработка рабочихъ. Подобно тому, какъ рабамъ нельзя было дать въ руки хорошихъ орудій, точно также жалкому фабричному пролетаріату нельзя было довѣрить все болѣе и болѣе сложныя и цѣнныя машины; чтобы повысить быстроту веретенъ, увеличить число веретенъ, управляемыхъ однимъ рабочимъ, уменьшить число рабочихъ, приходящихся на прядильную фабрику данныхъ размѣровъ, необходимъ былъ работникъ, гораздо лучше поставленный въ матеріальномъ отношеніи . . . . . . Этотъ процессъ сопровождался психологическимъ метаморфозомъ рабочаго, аналогичнымъ тому, который создалъ современнаго предпринимателя. Подобно тому, какъ

предпріимчивость работодателя стремится теперь захватить весь міръ, являясь „ненасытимой“ съ точки зрѣнія прежняго общественнаго строя, такъ же точно падаютъ и прежнія границы хозяйственныхъ стремленій рабочаго. Его потребности, опредѣлявшіяся прежде обычаями, распространяются теперь на всѣ завоеванія культуры. Все зарабатываемое имъ сверхъ того, что потребно для голаго существованія, идетъ на то, чтобы улучшить его обстановку. Чтобы удовлетворить своимъ возросшимъ потребностямъ, онъ повышаетъ производительность своего труда. Въ силу этого, онъ послѣдній подпадаетъ подъ власть „закона наибольшей прибыли“, который захватилъ сперва купца, потомъ промышленнаго предпринимателя и создалъ современное общество. Лучшимъ рабочимъ на всемъ свѣтѣ является теперь тотъ, у котораго наивысшія потребности, какъ напр., рабочій въ хлопчатобумажномъ производствѣ Ловелля и Фалль-Ривера [1]), который превосходитъ всѣхъ своихъ товарищей по профессіи производительностью своего труда, но въ то же время и своими потребностями“ (64—66). Весь этотъ процессъ Шульце-Геверницъ прослѣживаетъ на исторіи англійской хлопчато-бумажной промышленности, въ особенности въ области пряденія.

Прогрессъ чисто производственный прекрасно иллюстрируется слѣдующей таблицей [2]).

Годы.	Рабочее время въ недѣлю часовъ.	Выработка въ недѣлю на каждое веретено въ hanks (моткахъ). 40s twist [3]).	60s twist [3]).	200s weft [3]).
1812. Англія . . .	74	12	10,5	4,5
1830. Англія . . .	69—70	16,50	15	5,4
1890. Англія . . .	59½	28—30	23,5	17—18
1867. Германія (по Кармаршу) .	76	21	18	въ Германіи не производится совсѣмъ.

[1]) Въ Сѣв. Америкѣ.

[2]) Schultze-Gaevernitz, l. c., 118.

[3]) Обозначеніе № и сорта пряжи.

Техническое превосходство англійской бумагопрядильной промышленности надъ ея соперниками обнаруживается также и въ томъ, что на 1.000 веретенъ въ Англіи (въ 80-хъ годахъ) приходится 3 (и даже меньше) рабочихъ (въ 1837 году приходилось 7), тогда какъ соотвѣтствующія цифры для Бомбея—25, для Италіи—13, Эльзаса—9,5, Германіи—8—9 [1882] [1]).

Удешевленіе производства, выражающееся въ пониженіи задѣльной платы и одновременное повышеніе годоваго заработка рабочаго видно изъ слѣдующей таблицы (l. c. 132).

Годы.	Производство пряжи на 1 рабочаго въ англійскихъ фунтахъ.	Стоимость фунта пряжи въ пенсахъ.	Средній годовой заработокъ работника. фунт. ст. и шиллингахъ.
1819—1821	968	6,4 d	26 ф. 13 ш.
1829—1831	1.546	4,2 »	27 » 6 »
1844—1846	2.754	2,3 »	28 » 12 »
1859—1861	3.671	2,1 »	32 » 10 »
1880—1882	5.520	1,9 »	44 » 4 »

Замѣчательны также успѣхи бумаготкацкой промышленности. Передъ Committee on manufactures 1834 фабриканты высказывались въ томъ смыслѣ, что *ручное* ткачество растетъ и должно расти, пока англійская торговля увеличивается. Въ особенности указывали на это фабриканты Болтона, который былъ тогда средоточіемъ ткацкаго промысла. Однако, не смотря на всѣ противоположныя пророчества, ручное бумажное ткачество къ нашему времени уже вымерло въ Англіи. «Не безъ трудностей отыскалъ я еще,—говоритъ Шульце-Геверницъ,—ручныхъ ткачей въ Ланкаширѣ, такъ какъ въ Манчестерѣ даже самые крупные торговцы ничего объ нихъ не знали» (136). Это почти все старики: самому молодому 50 лѣтъ. Они ткутъ постельныя одѣяла, старомодный товаръ, имѣющій опредѣленный, но узкій кругъ покупателей. 30 лѣтъ тому назадъ союзъ этихъ ручныхъ ткачей еще насчитывалъ 1.800 членовъ, теперь же ихъ только 50. Они твердо рѣшили быть послѣдними представителями своего промысла и никого не обучаютъ ему. Сыновья и внуки уже ходятъ на фабрику, гдѣ они получаютъ втрое больше, чѣмъ дѣды и отцы.

Санитарное положеніе ланкаширскихъ рабочихъ не имѣетъ ничего общаго съ *фабричнымъ вырожденіемъ*. «Пока машины только еще начинали свое существованіе, врачи и синія книги сообщали о специфическихъ фабричныхъ болѣзняхъ; въ настоящее время новыя прядильни Ольтама образцы гигіеничности. Легочная чахотка въ 30-хъ гг. часто

[1]) l. c. 121. Ср. также Böhmert статья Arbeitslohn въ H W. d. Staatswissenschaften I, 794.

встрѣчалась у прядильщиковъ, теперь она, какъ мнѣ сообщаетъ Dr. Niven, симпатизирующій рабочимъ medical officer of health въ Ольдгамѣ, среди прядильщиковъ встрѣчается рѣже, чѣмъ среди другихъ классовъ населенія Ольдгама».

Заработокъ ланкаширскихъ рабочихъ—какъ мы видѣли—значительно повысился по сравненію съ первой третью нашего столѣтія, а въ то же время цѣны на жизненные припасы понизились, и это даетъ рабочему возможность хорошо питаться. Хорошее питаніе и составляетъ матеріальную, физіологическую основу высокой производительности англійскаго фабричнаго труда.

«Англійскій рабочій (всякій-ли? П. С.) питается мясомъ и пшеничнымъ хлѣбомъ, тогда какъ главная пища нѣмецкаго фабричнаго рабочаго картофель. Если англійскій рабочій управляетъ вдвое и втрое большимъ числомъ машинъ, чѣмъ нѣмецкій, то онъ навѣрное и ѣстъ вдвое, либо втрое больше, конечно, не по массѣ, а по физіологической питательности» (182—183).

Шульце-Геверницъ указываетъ и на то обстоятельство, что англійскій рабочій имѣетъ для промышленности значеніе не только въ качествѣ производителя, но и въ качествѣ потребителя. „Въ то время, какъ развитіе крупной промышленности съ одной стороны увеличиваетъ количество продуктовъ, съ другой стороны оно создаетъ широкій рынокъ для нихъ. Это условіе ея собственнаго существованія; безъ этого развитіе крупной промышленности было бы только эпизодомъ и остановилось бы съ того момента, что непромышленные прежде народы развили свои собственныя индустріи. А такимъ образомъ каждый промышленный народъ прочно расширяетъ свой внутренній рынокъ снизу и завоевываетъ внѣшніе по мѣрѣ того, что другіе народы становятся промышленными, и потому способными потреблять (als andere Völker industriell und damit consumtionsfähig werden); такъ напр., Англія и Германія, обѣ—промышлен-

ныя страны, обоюдно являются другъ для друга важнѣйшими рынками“ (190—191).

Дѣло не совсѣмъ такъ просто и въ дѣйствительности указанный процессъ происходитъ не такъ гладко, какъ думаетъ нашъ оптимистъ. Этотъ процессъ представляетъ собой именно отрицаніе частнохозяйственныхъ принциповъ капитализма, признаніе того факта, что дальнѣйшее развитіе производства требуетъ реорганизаціи его на новыхъ началахъ и повышенія потребленія рабочаго населенія.

Какъ нарочно вскорѣ послѣ выхода книжки Шульце-Геверница въ Ланкаширской бумагопрядильной промышленности возникли крупныя несогласія между предпринимателями и рабочими,—несогласія, разразившіяся грандіознымъ Lockout'омъ, который продолжался пять мѣсяцевъ (съ ноября 1892 г. по мартъ 1893 г.) и обошелся предпринимателямъ въ 10 мил. франковъ, а рабочимъ въ 30. Исторія этого Lockout'а чрезвычайно поучительна, потому что она ярко рисуетъ анархическій характеръ капиталистическаго производства. Не смотря на чрезвычайно низкіе барыши фабрикантовъ и даже прямыя потери, въ 1892 г. въ Ланкаширѣ возникло 16 новыхъ крупныхъ акціонерныхъ бумагопрядилень. Въ результатѣ—перепроизводство и невозможно низкія цѣны на пряжу. Изъ этого положенія фабриканты не нашли лучшаго выхода, чѣмъ пониженіе заработной платы на 5 процентовъ. Когда рабочіе отказались согласиться на такое пониженіе, фабриканты учинили Lockout, и 6 ноября 15 милліоновъ веретенъ перестали работать. Рабочіе совершенно правильно указывали, что предприниматели сами виноваты въ перепроизводствѣ и, отвергая пониженіе заработной платы, соглашались на ограниченіе недѣльной работы 3—4 днями до тѣхъ поръ, пока запасы пряжи не будетъ распроданы и цѣны не повысятся. Въ то же время ланкаширскіе рабочіе, прежде завзятые противники законодательнаго установленія 8-час. рабочаго дня, рѣшительно высказались въ пользу этой мѣры. Стачки и Lockout'ы во всякомъ случаѣ опровергаютъ басню о гармоніи интересовъ, и если они и приводятъ къ соглашеніямъ, то вѣдь не надо забывать, что послѣднія представляютъ изъ себя *миръ послѣ войны* и затѣмъ,—что эти соглашенія, по скольку они имѣютъ дѣйствительно серьезное значеніе, подрываютъ самый принципъ частно-капиталистическаго строя. Послѣ ланкаширскаго Lockout'а, который, кстати сказать, все-таки окончился пониженіемъ заработной платы на 2,9 процента, предприниматели и рабочіе согласились, въ случаѣ открытія новыхъ рынковъ сбыта или но-

выхъ повышеній пошлинъ на пряжу, нитки и ткани, поручать 6-членному комитету (изъ представителей отъ обѣихъ сторонъ въ равномъ числѣ) обсужденіе вопросовъ, возникающихъ вслѣдствіе экстраординарнаго повышенія или пониженія спроса на товаръ. Такъ возникаетъ участіе рабочихъ въ управленіи производствомъ—быть можетъ, первый робкій шагъ на пути къ его обобществленію [1]).

Тамъ, гдѣ капитализмъ достигъ своего апогея, со стороны рабочихъ замѣчается совершенно явственная практическая тенденція къ урегулированію производства. Таковы стремленія рабочихъ въ англійской каменноугольной промышленности [ср. Auerbach. Die Ordnung des Arbeitsverhältnisses in d. Kohlengruben von Northum berland u. Durham (Schriften d. Vereines für Sozial politik XLV. Arbeitseinstellungen u. Fortbildung d. Arbeitsvertrages)]. Со стороны предпринимателей та же самая тенденція выражается въ *картеллированіи* предпріятій [2]). Путемъ картеллей совершается, по остроумному замѣчанію Шенланка (ср. его статью Der britische Kohlentrust. Sozialpolitisches Centralblatt III № 2), конверсія капитализма въ новую экономическую форму. О томъ, чтобы эта конверсія имѣла не только экономическій, но и соціальный смыслъ, долженъ позаботиться заинтересованный классъ.

Такъ съ разныхъ сторонъ подготовляется крушеніе

---

[1]) Факты о ланкаширскомъ Lockout'ѣ заимствованы изъ статьи «Der Lockout der englischen Baumwollspinner» etc. von Prof. Julius Wolf. Das Handels-Museum 1893, № 22. Объ отношеніи ланкаширскихъ рабочихъ къ 8-час. раб. дню см. Briefe aus England. Neue Zeit XI, 1. 313—314, статью Брентано въ Sozialpolitisches Centralblat I, 471—474, а также мелкія замѣтки тамъ-же II Iahrgang. Нужно замѣтить однако, что авторъ «Писемъ» въ Neue Zeit, въ противоположность Вольфу, который опирается на отчетъ коммиссіи щвейцарскаго Spinner-, Zwirner- u. Weberverein'a, говоритъ, что рабочіе вовсе не предлагали сокращенія недѣльной работы, а прямо требовали установленія 8-часового рабочаго дня.

[2]) О картелляхъ см. Schönlank in Brauns Archiv III 489 ff.

принципа свободной конкурренціи. Но это явленіе возможно только какъ результатъ опредѣленной эволюціи самого производства, и поэтому, повторяемъ, Шульце-Геверницъ правъ, что дальнѣйшій соціальный прогрессъ мыслимъ только на почвѣ капитализма и не мирится съ устарѣлыми народно-хозяйственными формами [1]). *Значеніе производственнаго прогресса для соціальнаго огромно и врядъ-ли можетъ быть преувеличено, если только помнить, что первый есть необходимое, но недостаточное условіе послѣдняго.*

Лошъ, авторъ замѣчательной книги „Nationale Production und nationale Berufsgliederung“ (Leipzig 1891), все содержаніе которой говоритъ о необходимости—въ интересахъ какъ самого производства, такъ и распредѣленія—коренной реформы современнаго хозяйственнаго строя, правильно замѣчаетъ, что каждое, даже самое, повидимому, незначительное улучшеніе въ техникѣ производства тотчасъ открываетъ слѣдующія возможности: 1) увеличеніе дохода того лица, которое примѣняетъ данное улучшеніе, т.-е., другими словами, предпринимательской прибыли; 2) повышеніе заработной платы; 3) пониженіе цѣны продукта; 4) сокращеніе рабочаго времени (72). Въ каждомъ данномъ случаѣ могутъ наступить либо одно, либо два, либо три, либо даже всѣ четыре указанныхъ слѣдствія. Лошъ забываетъ только сказать, что въ современномъ капиталистическомъ строѣ техническія улучшенія часто дѣлаютъ излишними очень

---

[1]) Эта мысль развивается Шульце-Геверницемъ въ статьѣ, озаглавленной: «Экономическій прогрессъ—необходимое условіе соціальной реформы» (Brauns Archiv für soz. Gesetzgebung etc. V Band 1892 1—26). Тутъ авторъ самъ замѣчаетъ, что на этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и Марксъ.

значительное число рабочихъ и, лишая послѣднихъ заработка, повергаютъ ихъ въ нищету. Съ нашей точки зрѣнія важно, однако, что та идея, которая поставлена Шульце-Геверницемъ во главу угла и которая съ намѣченными нами выше ограниченіями должна быть признана основой прогрессивнаго пониманія экономическихъ явленій, проникаетъ и всю работу Лоша. „Превосходство на міровомъ рынкѣ, сокращеніе рабочаго времени, высокая заработная плата—всѣ эти явленія имѣютъ одинъ общій источникъ: техническое совершенство производства данныхъ товаровъ“ (22). Лошъ въ своей книгѣ задался мыслью показать, что *только планомѣрная организація народнаго хозяйства* Германіи позволитъ должнымъ образомъ воспользоваться производительными силами страны и населенія; а такая организація можетъ быть построена только на почвѣ технически-раціональнаго, совершеннаго производства. Авторъ вычисляетъ дѣйствительное и технически возможное національное производство и приходитъ къ такому выводу: въ изслѣдованныхъ имъ отрасляхъ германскаго національнаго производства занято, круглымъ числомъ, 10.930.000 человѣкъ, изъ которыхъ при условіи технически-раціональнаго производства 2.420.000 человѣкъ (тоже круглымъ числомъ) оказываются излишними (266). Отсюда вытекаютъ и дальнѣйшіе выводы, которые сводятся къ тому, что при общемъ условіи—технически-раціональномъ производствѣ — становится возможнымъ проведеніе слѣдующихъ реформъ: или 1) среднее рабочее время можетъ быть сокращено съ 12 часовъ до 9,3 ч. безъ уменьшенія числа и качества производимыхъ продуктовъ, или 2) при сохраненіи существующаго рабочаго времени масса производимыхъ въ національномъ хозяйствѣ продуктовъ (т. е.

національный доходъ) можетъ быть увеличенъ на 29%, или 3) для 11 милліоновъ рабочихъ можетъ быть установленъ 10-часовой рабочій день, и при этомъ заработная плата можетъ быть даже нѣсколько повышена.

Конечно, цифры Лоша не могутъ претендовать на какую-либо точность: это скорѣе примѣрныя цифровыя иллюстраціи, чѣмъ статистическія цифры въ строгомъ смыслѣ слова (см. рецензію Зомбарта въ Conrads Jahrbücher für Nationalökonomie u. Statistik 1892, Dritte Folge. Dritter Band 5-tes Heft 757). Но здѣсь не мѣсто вдаваться въ критику этихъ цифръ и практическихъ предложеній автора, который является рѣшительнымъ защитникомъ *національныхъ картеллей, организованныхъ на народнохозяйственныхъ, а не частнохозяйственныхъ началахъ*. Для насъ работа Лоша важна прежде всего какъ „признакъ времени“: съ одной стороны она отрицаетъ частнохозяйственные принципы капитализма, съ другой же стороны рѣзко подчеркиваетъ значеніе производственнаго прогресса. Заслуга Лоша — какъ указалъ его рецензентъ (l. c. 754—755)—состоитъ именно въ томъ, что онъ подчеркнулъ значеніе производственнаго вопроса и показалъ неразрывную связь между производствомъ и распредѣленіемъ.

V.

Экономическая литература всегда отражаетъ дѣйствительную жизнь и съ этой точки зрѣнія затронутыя нами новѣйшія работы даютъ больше, чѣмъ просто мнѣнія ихъ авторовъ. Съ этой же точки зрѣнія особенно поучительна американская экономическая литература, въ которой, соотвѣтственно высокому техническому уровню сѣверо-американскаго производства, ученіе

о взаимодѣйствіи экономическаго и соціальнаго прогресса и въ частности о „дешевизнѣ" хорошо оплачиваемаго труда рабочихъ было, быть можетъ, всего рѣзче формулировано [1]). И тутъ мы, конечно, встрѣчаемся съ непомѣрнымъ оптимизмомъ, игнорирующимъ противорѣчія капиталистическаго строя.

Переворотъ въ техническихъ условіяхъ производства

---

[1]) Однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ пропагандистовъ этой идеи является J. Schoenhof въ своихъ сочиненіяхъ «The Economy of high wages New-York 1892. «Wages and trade» (на рус. языкъ переведено подъ названіемъ «Экономическое міровоззрѣніе демократовъ Соединенныхъ Штатовъ». Спб. 1892). «Высокая заработная плата,—говоритъ Schoenhof,—это значитъ—улучшенная пища и житье въ довольствѣ, и въ ней-то кроется дѣйствительный источникъ энергіи и силы американскаго рабочаго» (Эк. міровоз. 55). «Въ нашъ вѣкъ »прогрессъ» рѣшительно и безповоротно перешелъ на сторону рабочихъ классовъ. И Америка представляетъ всѣ условія для достиженія общественнаго идеала; отъ рабочихъ классовъ зависитъ воспользоваться ими. Мы думаемъ только, что цѣль ихъ нельзя достигнуть немедленно, по заранѣе намѣченному теоретическому плану (?). Общественный организмъ не поддается леченію «быстро дѣйствующихъ пилюль». Въ нѣдрахъ самого организма таятся цѣлительныя силы; онѣ требуютъ отъ общества и его представителей лишь удаленія препятствій на пути ихъ свободнаго развитія (?). Присматриваясь ближе къ ходу современнаго экономическаго прогресса, мы видимъ, съ одной стороны—паденіе размѣра прибыли на капиталъ, а съ другой стороны, повышеніе заработной платы. И побѣда все болѣе и болѣе склоняется на сторону рабочихъ классовъ» (тамъ же 33). Авторъ тутъ совершенно неправильно приводитъ въ связь повышеніе заработной платы съ паденіемъ процента на капиталъ, который отождествляется имъ съ прибылью (ср. объ этомъ А. И. Скворцовъ. Прибыль и процентъ. Юридич. Вѣстникъ, 1890. № 1 и его же «Вліяніе парового транспорта» и т. д. стр. 149 и сл.). Высокая заработная плата вовсе не обусловливаетъ непремѣнно низкой прибыли. Дѣло въ томъ, что заработная плата можетъ быть высока по своей покупательной силѣ и въ тоже время поглощать гораздо меньшую долю продукта, чѣмъ менѣе высокая заработная плата. Отчасти это и доказывается данными самого Шенгофа (ср. The economy of high wages, p. 220).

Конечно, не случайно, что теорія «рабочаго фонда» нашла себѣ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ въ лицѣ американцевъ Джорджа и Уокера. Ср. объ этомъ обстоятельную статью г. Герценштейна «Ученіе о фондѣ рабочей платы». «Русская Мысль», 1890. № 7.

нигдѣ не совершился такъ быстро и въ такихъ необыкновенно обширныхъ размѣрахъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ Сарторіусъ ф.-Вальтерсгаузенъ (Die nordam. Gewerkschaften etc. VIII — IX). Указавъ на то, какъ на континентѣ Западной Европы во многихъ мѣстахъ сохранились еще первобытные способы производства и передвиженія товаровъ и даже натуральное хозяйство, онъ продолжаетъ: „все это совершенно неизвѣстно въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ все рѣшительно носитъ современный характеръ (Dort ist alles durch und durch modern). И это вполнѣ понятно. Большая часть поселеній основаны лишь въ настоящемъ столѣтіи и наибольшая часть сельскохозяйственной площади стала обрабатываться лишь въ послѣднія 30 лѣтъ. Тутъ не было нужды устранять старыя привычки и предразсудки и потому во всемъ люди держались самаго новаго, которое здѣсь было въ то же время самымъ лучшимъ. И разъ что народное хозяйство стало на такой путь, каждое новое улучшеніе могло легко вытѣснить прежнее. Къ тому же, къ повышенію техники побуждало постоянно то обстоятельство, что заработная плата была высока. А потому замѣна человѣческой рабочей силы капиталомъ была всегда весьма желательна. Отсюда вытекаетъ, что въ Америкѣ всѣ соціально-экономическія явленія, связанныя съ преобразованіемъ производства, должны были быстрѣе слѣдовать одно за другимъ и принять болѣе крупные размѣры чѣмъ у насъ. Если тотъ переходный процессъ, который въ настоящее время происходитъ въ области общественныхъ явленій, сравнивать съ прорѣзываніемъ зубовъ у ребенка, то можно сказать, что въ Сѣверной Америкѣ онъ носитъ острый, а въ Европѣ хроническій характеръ. Въ то время, какъ у насъ много-

численныя явленія затемняютъ соціальныя послѣдствія технической революціи, сѣверо-американскіе факты говорятъ совершенно ясно, и люди различныхъ партій, навѣрное, не станутъ искать сущности рабочаго вопроса въ различныхъ вещахъ. Поэтому, изученіе американской жизни можно было бы у насъ рекомендовать лицамъ, занимающимся текущей политикой (unseren Tagespolitikern), и тогда бы не пришлось больше слышать, что отпаденіе отъ церкви и „культуркампфъ" породили соціалдемократію" (X). Основныя черты сѣверо-американскаго хозяйственнаго строя можно формулировать такъ: колоніальный характеръ [1]) и рядомъ съ этимъ—необыкновенное развитіе техники производства и обмѣна. Эти черты налагаютъ рѣзкій отпечатокъ на американскую экономическую литературу. Кромѣ Генри Джорджа, болѣе или менѣе извѣстнаго русской публикѣ и упомянутаго выше Шенгофа, характернымъ образчикомъ экономическаго „американизма" является Гентонъ (Gunton). Это—въ своемъ родѣ очень послѣдовательный представитель экономическаго матеріализма; и, какъ англійская классическая политическая экономія есть рефлексъ растущаго на англійской почвѣ капитализма, такъ Гентонъ отражаетъ въ своихъ произведеніяхъ гораздо болѣе культурный американскій капитализмъ. Ученіе Гентона интересно для насъ потому, что въ немъ положеніе о зависимости соціальнаго прогресса отъ прогресса производственнаго занимаетъ центральное мѣсто.

Въ предисловіи къ своему главному сочиненію: Principles of social economics inductively considered and practically applied with criticisms on current theories 1892

[1]) Слабая населенность страны, отсутствіе всякихъ задерживающихъ общественное развитіе учрежденій, традицій и т. п.

(New-York. London G. P. Putnam's Sons) Гентонъ въ чисто матеріалистическомъ духѣ объясняетъ ошибки англійской политической экономіи и основанной на ея принципахъ экономической политики. Они естественное слѣдствіе того, что ученіе англійской экономіи выросло на почвѣ „условій ручнаго труда XVII и XVIII-го столѣтій, которыя не имѣютъ почти ничего общаго съ условіями фабричнаго производства XIX столѣтія" [1]). Рикардо провозгласилъ положеніе, что заработная плата можетъ повышаться только на счетъ прибыли, и отсюда—въ интересахъ экономическаго прогресса, который требуетъ дешевизны продуктовъ—вытекала необходимость дешеваго труда. „Во дни ручного труда и маленькихъ фабрикъ (small factories) когда потребленіе высшихъ и среднихъ классовъ доставляло достаточный сбытъ, политика, требующая дешеваго труда, могла съ успѣхомъ приносить высокіе барыши". Но успѣхи производства создали его крупныя формы, „которыя были призваны революціонировать экономическую структуру общества. Вслѣдствіе того, что эти крупныя предпріятія требовали для своего процвѣтанія болѣе обширнаго рынка, чѣмъ тотъ, который имъ могъ доставить даже самый сильный ростъ потребленія высшихъ и среднихъ классовъ, обычныя потребности массъ сдѣлались впервые необходимой основой промышленнаго процвѣтанія. Такимъ образомъ *потребности массъ должны быть основой изученія экономическихъ явленій будущаго и опредѣлять собой экономическую политику* [2]). Адамъ Смитъ и его послѣдователи просмотрѣли эти перемѣны въ промышленномъ

---

[1]) Эта мысль очень близка къ тому, что высказываютъ Schultze-Gävernitz: Grossbetrieb и Brentano: Ueber d. Verhältniss von Arbeitslohn z. Arbeitszeit и Arbeitsleistung (2-te Aufl. Leipzig 1893).

[2]) Курсивъ автора.

строѣ; ихъ концепція промышленной эволюціи была слишкомъ узкой и дѣлала ихъ неспособными предвосхитить развитіе экономическихъ отношеній, а ихъ чисто „товарная“ точка зрѣнія мѣшала имъ наблюдать это развитіе. Они понимали важность фабричнаго производства, какъ средства удешевленія хозяйственныхъ благъ, но они не видѣли экономической важности въ томъ, чтобы человѣкъ сталъ дороже (but they did not see the economic importance of making man dear). Упустивъ изъ виду значеніе рабочаго, какъ великаго фактора для рынка, потребительная сила котораго должна быть увеличена, они продолжали разсматривать рабочаго только какъ производительную силу, издержки на которую должны быть понижены — по теоріи, которую Милль формулируетъ въ положеніи, что „прибыль зависитъ отъ заработной платы, повышаясь съ ея паденіемъ и понижаясь съ ея повышеніемъ“. Такъ, благодаря стараніямъ приспособить дофабричныя теоріи (antefactory theories) къ фабричнымъ условіямъ, политическая экономія сдѣлалась и въ теченіи трехъ четвертей нашего столѣтія оставалась евангеліемъ дешеваго труда и врагомъ соціальнаго прогресса“. Политическая экономія должна перемѣнить свою точку зрѣнія: за исходный пунктъ своихъ наблюденій и разсужденій она должна взять не „товары“, а „людей“, работника. „Вмѣсто системы „товарной“ экономіи, которая оправдываетъ деградацію человѣка, какъ средство удешевленія хозяйственныхъ благъ, мы получимъ тогда систему соціальной экономіи, которая показываетъ, что наиболѣе дѣйствительныя средства увеличенія промышленнаго благосостоянія общества на почвѣ самой точной справедливости слѣдуетъ искать въ тѣхъ воздѣйствіяхъ, которыя могутъ развивать потребности и подымать соціальный уровень

и характеръ народныхъ массъ". Для того, чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ недоразумѣній, мы сейчасъ же считаемъ нужнымъ замѣтить, что Гентонъ рѣшительный противникъ соціализма [1]). Но это не мѣшаетъ ему отчетливо видѣть и формулировать основное противорѣчіе капиталистическаго строя и рѣзко подчеркивать новые народнохозяйственные принципы, выросшіе на его почвѣ. Мы уже замѣтили, что Гентонъ послѣдовательный матеріалистъ, и конечно, то значеніе, которое онъ приписываетъ производственному прогрессу, вытекаетъ необходимо—какъ у Маркса и Энгельса—изъ общей матеріалистической концепціи. „Естественный порядокъ соціальнаго прогресса—читаемъ мы въ его „*Wealth and progress*". [New-York 1891, p. 378, Summary and conclusions]—ведетъ отъ прогресса матеріальнаго къ прогрессу соціальному, интеллектуальному и моральному; такимъ образомъ, экономическія явленія представляютъ почву для этическихъ, а не наоборотъ—этическія для экономическихъ (the natural order of social progress is from the material to the social, intellectual and moral, making economics the basis of ethics and not ethics the basis of economics). Въ немногихъ словахъ, экономическое положеніе массъ (industrial condition of the masses) составляетъ фундаментъ (subsoil) для всѣхъ соціальныхъ, политическихъ и моральныхъ учрежденій" [2]).

---

[1]) У него свои собственныя теоріи заработной платы и прибыли, не имѣющія ничего общаго съ рикардо-марксовскими взглядами и основанныя на отрицаніи фундаментальнаго положенія классической политической экономіи о стремленіи прибыли къ одному уровню. Neither uniform cost of production nor a uniform rate of profit exists in any cvilized country (Social economics 258).

[2]) Та же мысль развивается въ Principles of s. ec. (16—the natural order of social progress) и иллюстрируется историческими примѣрами и объясненіями, подчасъ весьма наивными и, такъ сказать, слишкомъ несложными (27—(0 Chapters IV—VII).

„Благосостояніе рабочихъ классовъ—говоритъ Гентонъ—не можетъ быть увеличено ни путемъ уменьшенія доли другихъ классовъ, ни вообще какимъ-либо способомъ перераспредѣленія богатства, а только путемъ увеличенія общей массы, производимыхъ благъ". Но далѣе онъ сейчасъ же замѣчаетъ: „Никакое распредѣленіе богатствъ, которое не стоитъ въ неразрывной связи съ процессомъ производства, не можетъ быть справедливымъ и экономичнымъ" (W. a. p. 378) [1]). Слѣдовательно, справедливое распредѣленіе, опирающееся на раціональное производство, *можетъ* быть экономичнымъ. Самъ Гентонъ, указывая на то, что капитализмъ, обобществляя производство, можетъ à la longue существовать и имѣетъ смыслъ только при условіи широкаго потребленія народныхъ массъ, этимъ самымъ невольно признаетъ экономическую важность распредѣленія. И, на самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ соображеній приводитъ къ выводу, что реформы въ области распредѣленія, *если только онѣ находятся „въ неразрывной связи съ процессомъ производства"*, являются и справедливыми и, что еще болѣе важно, *экономичными*.

VI.

Эта идея положена въ основу маленькаго, но замѣчательнаго—опять-таки всего болѣе какъ „признакъ времени"—трактата Геркнера о „соціальной реформѣ какъ необходимомъ условіи экономическаго прогресса" (Heinrich Herkner. Die sociale Reform als Gebot des wirtschaftlichen Fortschrittes. Leipzig, 1891).

Геркнеръ не безъ основанія упрекаетъ новѣйшихъ

---

1) Ср. также «Soc. econ.» 177.

экономистовъ въ томъ, что они, увлекшись этической точкой зрѣнія, пренебрегли чисто экономическимъ обоснованіемъ соціальной реформы, которое вполнѣ возможно и безусловно необходимо. Его собственная аргументація сводится къ слѣдующимъ разсужденіямъ.

Чрезвычайно неравномѣрное распредѣленіе равносильно слабой покупательной (потребительной) способности народныхъ массъ. А такъ какъ всякое производство должно опираться на чье-либо потребленіе, то неравномѣрнымъ распредѣленіемъ доходовъ въ данной странѣ и обусловливается или низкое развитіе ея производства, или же необходимость для него опираться на внѣшніе рынки. Послѣднее обстоятельство, когда оно вызывается слабою покупательною способностью внутренняго рынка, а не есть просто результатъ вполнѣ естественнаго роста производства вслѣдствіе международнаго раздѣленія труда, ведетъ—при все усиливающейся и усиливающейся конкурренціи промышленныхъ странъ—къ переполненію міроваго рынка товарами. Отсюда хроническій „промышленный кризисъ", сущность котораго сводится къ несоотвѣтствію между производствомъ и его цѣлью и основой — потребленіемъ [1]). Производство не можетъ расширяться на счетъ внутренняго рынка, такъ какъ покупательная сила народной массы слишкомъ недостаточна, а въ то же время на внѣшнихъ рынкахъ царитъ безпощадная конкурренція. Поэтому избытокъ капитала идетъ не на расширеніе производства, которое ничего хорошаго не обѣщаетъ, а помѣщается въ иностранныя обязательства, что опять таки приводитъ—

---

[1]) Читатель, знакомый съ экономической литературой, замѣтитъ, конечно, что въ этомъ разсужденіи Геркнеръ повторяетъ Сисмонди и Родбертуса. Мы не считаемъ этой теоріи безусловно правильной и исчерпывающей вопросъ.

послѣ кратковременнаго оживленія экспорта — къ его ослабленію, т.-е. къ промышленной „депрессіи". Таково современное положеніе германскаго народнаго хозяйства. „Мы не можемъ не признать, — говоритъ Геркнеръ, — что мы развили у себя гипертрофію вывоза и капитализаціи" (79)[1]). Это ненормальное развитіе вывоза, являясь результатомъ неравномѣрнаго распредѣленія дохода (т.-е. прежде всего низкой заработной платы во всѣхъ ея формахъ), въ свою очередь, оказывается факторомъ, замедляющимъ соціальную реформу. Дѣло въ томъ, что противъ демократической соціальной политики постоянно выдвигается указаніе на „конкурренцію на всемірномъ рынкѣ". „Такимъ образомъ мы находимся въ ужасномъ положеніи: мы должны искать экспорта отчасти потому, что внутри страны покупательная сила населенія недостаточно развита, а въ то же время мы не можемъ стремиться къ повышенію этой покупательной силы путемъ соціальныхъ реформъ, ибо, въ противномъ случаѣ, при болѣе высокой заработной платѣ наша промышленность будетъ не въ состояніи выдерживать международное соперничество[2]) и выброситъ на мостовую тысячи рабочихъ!" (81). Несоотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ отражается крайне невыгодно и на чисто технической сторонѣ дѣла. „Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что, благодаря этому обстоятельству, страдаетъ очень сильно развитіе нашей хозяйственной техники, что мы именно вслѣдствіе неудовлетворительнаго распредѣленія дохода не достигли той

[1]) Подъ капитализаціей въ данномъ случаѣ разумѣется помѣщеніе капитала въ иностранныхъ бумагахъ. П. С.

[2]) Это разсужденіе о невыгодности высокой заработной платы съ точки зрѣнія конкурренціи на міровомъ рынкѣ игнорируетъ необходимую связь между высотой заработной платы и интенсивностью труда, и Геркнеръ, конечно, не раздѣляетъ выражаемаго въ немъ взгляда.

ступени технически-хозяйственной организаціи, которая была бы возможна по современному состоянію техники и нашему богатству капиталами. Незначительный доходъ, получаемый нашимъ рабочимъ населеніемъ, есть во всякомъ случаѣ *одна изъ самыхъ важныхъ причинъ столь широкаго*, именно въ Германіи, *распространенія отсталыхъ формъ производства*[1]). Домашняя[2]) промышленность, мелкій промыселъ, предпріятія, работающія съ несовершенными машинами и съ недостаточнымъ раздѣленіемъ труда удерживаются гораздо дольше, чѣмъ это могло бы оправдываться по существу дѣла" (81). Геркнеръ указываетъ при этомъ на то, что необыкновенное развитіе промышленной техники въ Америкѣ не есть случайное явленіе, что оно находится въ необходимой причинной связи съ распредѣленіемъ національнаго дохода, болѣе равномѣрнымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Конечно, прибавимъ отъ себя, не случайно также то обстоятельство, что сѣверо-американецъ Гентонъ развиваетъ теорію предпочтительности внутренняго рынка передъ внѣшнимъ, на чемъ мы еще остановимся ниже. Все это показываетъ, что между технико-экономическимъ и соціальнымъ прогрессомъ существуетъ тѣсное взаимодѣйствіе: одинъ требуетъ другого.

„Какъ въ концѣ прошлаго и въ теченіи нынѣшняго столѣтія—говоритъ Геркнеръ—феодализмъ и цеховой строй пали вслѣдствіе того, что они сдѣлались препятствіемъ для нашего экономическаго развитія, такъ же точно дни современной организаціи труда (Arbeitsverhältniss) и современнаго мало затронутаго соціальными реформами процесса распредѣленія сочтены. Эпоха безграничнаго laissez faire

[1]) Курсивъ всюду нашъ.

[2]) Западно-европейская кустарная промышленность. П. С.

съ его результатами имѣла, быть можетъ, свое историческое оправданіе, теперь она его больше не имѣетъ, теперь дальнѣйшее сохраненіе этихъ принциповъ означаетъ не только застой, но прямо „регрессъ“ (85). Мы вовсе не желаемъ ни идеализировать капиталистическій строй, ни быть его адвокатомъ, но историческая справедливость требуетъ указать, что крайне неравномѣрное распредѣленіе, задерживающее экономическій прогрессъ, не создано капитализмомъ: оно перешло къ нему по наслѣдству отъ той эпохи или, вѣрнѣе, отъ тѣхъ эпохъ хозяйственнаго быта, когда, по увѣреніямъ экономистовъ-романтиковъ всѣхъ странъ и временъ, текли молочныя рѣчи въ кисельныхъ берегахъ. Капитализму же принадлежитъ та историческая заслуга, что онъ на фундаментѣ неравномѣрнаго распредѣленія создалъ производство, не мирящееся съ этой неравномѣрностью и во имя своего существованія ее отрицающее.

VII.

Подведемъ теперь итоги всему тому, что развивалось нами до сихъ поръ въ этой и, отчасти, въ предшествующей главахъ. Распредѣленіе, являясь тѣсно связаннымъ съ производствомъ и зависимымъ отъ него, можетъ прогрессировать въ направленіи бо̀льшаго равенства и большей полноты удовлетворенія человѣческихъ потребностей, только опираясь на раціональное производство. Развитіе товарнаго производства, вытекая изъ роста человѣческихъ потребностей, есть необходимое условіе дальнѣйшаго экономическаго и общекультурнаго прогресса; только товарное производство создаетъ настоящее общественное или народное хозяйство; оно повышаетъ производительность труда и поднимаетъ ее на

такую ступень, достиженіе которой немыслимо при натуральномъ хозяйствѣ. Капитализмъ, являясь вершиной товарнаго производства, обобществляетъ не только производство, но и производителя; онъ дѣлаетъ и человѣка настоящимъ соціальнымъ существомъ, связывая индивидуальное существованіе тысячью нитей со всѣмъ общественнымъ организмомъ.

Массовое производство вынуждено искать опоры въ массовомъ потребленіи; экономическій прогрессъ требуетъ соціальной реформы. Тотъ же экономическій прогрессъ организуетъ народныя массы и на каждомъ шагу учитъ ихъ сознательно относиться къ условіямъ своего существованія. Тутъ мы видимъ, такъ сказать, соціально-психическіе результаты экономическаго прогресса, сами становящіеся, въ свою очередь, факторомъ и экономическаго, и соціальнаго прогресса. Эта сторона западно-европейской жизни достаточно извѣстна.

Но нѣкоторые народники, конечно, будутъ отрицать высокую культурную роль новѣйшихъ экономическихъ формъ; такъ поступаетъ г. В. В. въ своей послѣдней книгѣ „Наши направленія" (гл. III, въ особ. стр. 138—139). Для него, напротивъ, „соціальная организація Россіи (въ противоположность капиталистическому строю) представляетъ хорошую почву для развитія въ массѣ населенія психическихъ свойствъ, облегчающихъ процессъ приспособленія общественныхъ формъ къ потребностямъ человѣка, путемъ самодѣятельности этой самой массы, путемъ такъ-называемаго коллективнаго творчества. Положеніе самостоятельнаго хозяина развиваетъ въ земледѣльцѣ инициативу и способность разрѣшенія различныхъ практическихъ затрудненій. Необходимость согласованія своей дѣятельности съ интересами и тре-

бованіями сообщественниковъ ведетъ къ развитію въ населеніи способности къ соціальному, такъ сказать, взаимоприспособленію. Ограниченіе игры личнаго интереса необходимостью подчиненія его интересу другого, идеѣ общей пользы—какъ результатъ общиннаго владѣнія землей — способствуетъ образованію психическаго типа съ задатками высокихъ альтруистическихъ чертъ. Непосредственное участіе всѣхъ членовъ общества въ разрѣшеніи множества весьма существенныхъ для интересовъ каждаго мірскихъ дѣлъ, причемъ въ народѣ замѣчается стремленіе разрѣшать спорные вопросы не путемъ образованія въ пользу извѣстнаго мнѣнія достаточнаго большинства, а, по возможности, примиреніемъ требованій всѣхъ заинтересованныхъ лицъ— служитъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для развитія способности къ солидарной дѣятельности. Совокупнымъ вліяніемъ перечисленныхъ обстоятельствъ въ русскомъ народѣ создается психологически подготовленная почва не для стадныхъ дѣйствій подъ руководствомъ вожака, а для самостоятельнаго соціальнаго творчества, путемъ работы коллективной мысли, каковое обстоятельство обезпечиваетъ практичность, оригинальность и разносторонность результатовъ этого творчества, а слѣдовательно и возможность развитія въ будущемъ высокихъ соціально-бытовыхъ формъ“ (141—143). Эти слова представляются намъ горькой насмѣшкой надъ русской жизнью. Но теперь насъ занимаетъ оцѣнка не ея, а капиталистическаго строя. Наши русскіе критики этого строя, повидимому, совершенно не понимаютъ, что ихъ критика и лежащіе въ ея основѣ идеалы стоятъ въ неразрывной исторической связи съ капитализмомъ и ему обязаны своимъ бытіемъ. Между тѣмъ, на Западѣ связь

современнаго соціальнаго движенія—слабымъ рефлексомъ котораго являются и всѣ самобытныя разсужденія о соціальной справедливости — со всей организаціей народнаго хозяйства (формами производства и т. д.), на Западѣ *эта связь* прекрасно понимается не только марксистами, а всѣми, кто сколько-нибудь добросовѣстно относится къ происходящимъ на ихъ глазахъ явленіямъ. Профессоръ Вѣнскаго университета фонъ-Филипповичъ выражаетъ это пониманіе въ слѣдующихъ словахъ: „Въ существующемъ въ настоящее время противорѣчіи между тѣмъ, что можетъ дать сама по себѣ производственная техника, и фактическимъ культурнымъ развитіемъ скрываются тѣ силы, посредствомъ которыхъ соціализмъ господствуетъ надъ массами. Не шумъ и не громкія слова, съ которыми соціализмъ выступаетъ въ народныхъ собраніяхъ, не испорченность нравовъ и не агитаціонныя преувеличенія въ требованіи практическаго осуществленія идей свободы и равенства завоевываютъ ему сердца. Не послѣдовательное проведеніе демократическихъ идей, не призывъ къ моральнымъ чувствамъ и справедливости, а единственно только связь съ экономическимъ прогрессомъ нашего столѣтія придаетъ современному соціальному движенію дѣйствительно глубокое значеніе, его духовнымъ вождямъ—ясность воли, ихъ словамъ, обращеннымъ къ массамъ, убѣдительность аргументаціи, а самимъ массамъ—твердую точку опоры въ ихъ требованіяхъ. Экономическій прогрессъ собираетъ и организуетъ массы рабочихъ въ фабрикахъ и городахъ и тѣмъ создаетъ основу для политическаго представительства“ и т. д. (Wirtschaftlicher Fortschritt u. Kulturentwicklung. Freiburg in B. 1892 .44—45). Вотъ какъ разсуждаютъ люди, понимающіе огромное значеніе матеріальныхъ

условій жизни въ процессѣ соціальнаго творчества. Но, вѣдь, съ точки зрѣнія г. В. В. организаціи, созданныя западно-европейскимъ рабочимъ классомъ—роль ихъ въ настоящее время достаточно выяснена—являются, повидимому, продуктами коллективнаго творчества буржуазіи! Мы въ противность автору „Нашихъ направленій“ думаемъ, что при созданіи продуктовъ соціальнаго творчества западно-европейскаго трудящагося населенія сознаніе и активность присутствовали въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ при созданіи и разложеніи нашей общины. Но, конечно, у разныхъ людей разныя и представленія о сознательности и активности. Разсужденіямъ г. В. В. объ условіяхъ, „лишающихъ пролетарія возможности активно участвовать въ созданіи общественныхъ формъ въ настоящемъ“ и „вмѣстѣ съ тѣмъ воспитывающихъ его для подчиненной роли въ будущемъ“ (141), мы можемъ противопоставить слова Шмоллера, писателя строго консервативнаго, сказанныя имъ на послѣднемъ собраніи Verein'a für Socialpolitik:

«Wir sehen wohl alle oder fast alle in der heutigen Arbeiterbewegung, auch in der Socialdemokratie, nicht wie so viele der Besitzenden bloss ein Unglück, eine Unbequemlichkeit, etwas, das man nur zu bekämpfen habe. Nein, diese Bewegung ist uns eine notwendige historicshe Folge unserer geistigen und wirtschaftlichen Entwickelung: die allgemeine Schulbildung, die Presse, die notwendige demokratische Färbung aller heutigen Staatseinrichtungen, die Wunder der heutigen Technik und des heutigen Verkehrs haben die unteren Klassen aus dem Schlummer gedankenlosen Hindämmerns erweckt; sie sind erwacht, sie fordern mit Recht ein gewisses Mass von politischem Einfluss, eine Berücksichtigung ihrer Interessen, eine grössere Teilnahme an den wirtschaftlichen und geistigen Gütern unserer Kultur. Sie wollen, und an gewissen Stellen mit Recht, in selbstbewusster Aktion als Gleichberechtigte teilnehmen am Staats- und Wirtschaftsleben. In all dem sehe ich wenigstens und wohl die meisten von uns kein Unglück, im Gegenteil einen ungeheuren Fortschritt, in der That eine Weltwende, den Beginn einer neuen grossen Epoche der Weltgeschichte». (Verhandlungen der am 20 u. 21 März 1893 in Berlin abgehaltenen Generalversammlung d. Vereines f. Socialpolitik. Leipzig, 1893, 4).

Въ этихъ словахъ *прусскаго консерватора* прекрасно подчеркнута *активность трудящихся массъ, какъ результатъ экономическаго прогресса, какъ результатъ всей капиталистической цивилизаціи.*

Достоинства пресловутой соціальной организаціи превосходно освѣщаетъ Глѣбъ Успенскій: „Тайна эта, поистинѣ, огромная и, думаю я, заключается въ томъ, что огромнѣйшая масса русскаго народа до тѣхъ поръ и терпѣлива, и могуча въ несчастіяхъ, до тѣхъ поръ молода душою, мужественно сильна и дѣтски кротка; словомъ, народъ, который держитъ на своихъ плечахъ всѣхъ и вся—народъ, который мы любимъ, къ которому идемъ за исцѣленіемъ душевныхъ мукъ—до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ власть земли, покуда въ самомъ корнѣ его существованія лежитъ невозможность ослушанія ея повелѣній, покуда они властвуютъ надъ его умомъ, совѣстью, покуда они наполняютъ все его существованіе". „Стройность сельскохозяйственныхъ земледѣльческихъ идеаловъ безпощадно разрушается такъ-называемой цивилизаціей. До освобожденія крестьянъ нашъ народъ не имѣлъ съ этой язвой никакого (?) дѣла; онъ стоялъ къ ней спиной, устремляя взоръ единственно на помѣщичій амбаръ, для пополненія котораго изощрялъ свою природную приспособительную способность. Теперь же, когда онъ, обернувшись къ амбару спиной, сталъ къ цивилизаціи лицомъ, дѣло его, его міросозерцаніе, общественныя и частныя отношенія—все это очутилось въ большой опасности". „Бѣды цивилизаціи несутъ къ намъ такія, повидимому, ничтожныя вещи, которыя въ сравненіи съ плугомъ то же, что папироска съ Александровской колонной. Какая-нибудь керосиновая лампа

или самый скверный линючій „ситчикъ“—и тѣ, не смотря на свою явную ничтожность, тѣмъ не менѣе наносятъ неисцѣлимый вредъ порядкамъ и идеаламъ, основаннымъ и вытекающимъ изъ условій земледѣльческаго труда. Керосиновая лампа уничтожаетъ лучину, выкуриваетъ вонъ изъ избы всю поэтическую сторону лучинушки, удлиняетъ вечеръ и, слѣдовательно, прибавляетъ нѣсколько праздныхъ часовъ, которые и употребляются на перекоры между бабами, главной причиной раздѣла и упадка хозяйства“. „Вліяніе цивилизаціи отражается на простодушномъ поселянинѣ рѣшительно при самомъ ничтожнѣйшемъ прикосновеніи. Буквально „прикосновеніе“, одно только легкое касаніе—и тысячелѣтнія идеальныя постройки превращаются въ щепки“. (Сочиненія, т. II (1889), 556, 557, 558).

Трудно было лучше, болѣе выпукло указать *стихійность и безсознательность* того соціально-психическаго строя, которымъ такъ восхищаются гг. народники, чѣмъ сдѣлалъ это Глѣбъ Успенскій. Въ приведенныхъ нами мѣстахъ характерно также признаніе, что столь изумительная „соціальная организація“ вытекаетъ изъ всей матеріальной обстановки и съ гибелью одной погибнетъ и другая. Матеріалистъ Успенскій [1]) прекрасно опровергаетъ идеалиста г. В. В. „Возможность развитія въ будущемъ высокихъ соціально - бытовыхъ формъ“ и разрушительное дѣйствіе на идеальныя постройки линючаго ситчика—въ этомъ простомъ сопоставленіи заключается цѣлая убійственная критика народническихъ широковѣщаній. Микрокосмомъ „соціальной организаціи“, восхваляемой г. В. В., является та деревня въ

[1]) Мы знаемъ, конечно, что и Успенскій, къ сожалѣнію, только на половину матеріалистъ

Можайскомъ уѣздѣ, которой, по сообщенію г. Погожева, „современная распущенность крестьянскихъ нравовъ“—результатъ фабричной цивилизаціи—не „коснулась... благодаря тому, что она съ трехъ сторонъ окружена Москвой-рѣкой, а овраги и отсутствіе прямой проѣзжей дороги дѣлаютъ затруднительнымъ сообщеніе съ этой деревней“ (Сборникъ стат. свѣд. по Моск. губ. Отд. санит. стат., т. III, вып. VI, стр. 16). Судьба „соціально-бытовыхъ основъ“ всероссійскаго макрокосма опредѣляется тѣми же матеріальными факторами, отъ отсутствія или наличности которыхъ зависитъ сохраненіе или разрушеніе „устоевъ“ каждой отдѣльной заброшенной среди топей и болотъ деревушки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Народничество, какъ экономическое міровоззрѣніе.

I. Народничество—какъ идеализація натуральнаго хозяйства и примитивной экономической самостоятельности. Формула г. Михайловскаго и ея критика.—II. Образчики народническаго пониманія экономическихъ явленій. Кн. Васильчиковъ и г. Головачевъ.—III. Игнорированіе производственнаго момента.—Г. Соколовскій и Златовратскій.—IV. Идеализація народнаго экономическаго строя въ «теоріи среднихъ потребностей» г. Щербины. Критическія замѣчанія объ этой теоріи.

I.

Въ предшествующихъ двухъ главахъ мы пытались выяснить нашу точку зрѣнія на экономическую эволюцію; при этомъ мы не могли не касаться экономическихъ взглядовъ нѣкоторыхъ народниковъ. Настоящая глава должна только собрать воедино уже отмѣченныя и прибавить нѣкоторыя опущенныя черты экономическаго міровоззрѣнія народничества. Его можно въ краткой формулѣ охарактеризовать, какъ *идеализацію и возведеніе въ идеалъ натуральнаго земледѣльческаго хозяйства и при-*

митивной экономической самостоятельности. Народничество идеализируетъ существующія экономическія явленія этого рода; созданныя такимъ путемъ представленія разукрашиваются чисто теоретическими, абстрактными элементами, заимствованными изъ западно-европейской литературы, и затѣмъ возводятся въ идеалъ и норму.

Такая характеристика народничества, думается намъ, вполнѣ удовлетворительно объясняетъ и всѣ частности этого міровоззрѣнія. Кромѣ того, она объясняетъ и его глубокіе историческіе корни, и его огромный общественный смыслъ. Народничество есть отживающій экономическій строй, возведенный въ цѣлую соціально-политическую систему. Народники—идеологи натуральнаго хозяйства и первобытнаго равенства.

Для того, чтобы дать своему идеалу стройную теоретическую формулу, народничество, въ лицѣ своего лучшаго мыслителя, придумало остроумное различеніе между „типомъ" и „степенью" развитія. Натуральное хозяйство и принадлежность производителю средствъ производства это—тотъ „типъ развитія", который нужно только поднять на высшую ступень для того, чтобы осуществить теоретическій, абстрактный идеалъ справедливаго соціальнаго строя.

Формулой г. Михайловскаго воспользовался, между прочимъ, и г. В. В.: въ „Судьбахъ капитализма" онъ говоритъ о борьбѣ крестьянъ за „высшій типъ общественно-экономическаго прогресса",—борьбѣ, побѣда въ которой была куплена пониженіемъ степени развитія (стр. 290). Очевидно, если назвать данное экономическое явленіе „типомъ" развитія и помѣстить типъ не въ тотъ теоретическій шкапчикъ, въ которомъ находится „степень", а въ другой, то дѣло сдѣлано, теоретиче-

ское *обоснованіе* дано. Мы, къ сожалѣнію, можемъ противопоставить ему только факты экономической исторіи и дѣйствительности, которые краснорѣчиво говорятъ о тождествѣ типа со степенью, о томъ, что даннымъ типомъ производства характеризуется данная ступень народнаго хозяйства. „Степень развитія" безъ типа присутствуетъ только въ мозгу писателя-идеалиста и есть одна изъ многихъ логическихъ возможностей, являющихся *историческими* невозможностями.

Формула, отдѣляющая „типъ развитія" отъ степени, отворачивается отъ историческихъ фактовъ и пытается навязать въ качествѣ идеала нѣчто такое, что не имѣетъ корней въ экономической эволюціи. Всѣ выводы относительно будущаго, сдѣланные Марксомъ изъ капиталистическаго процесса, теряютъ всякій смыслъ и всякое обаяніе съ того момента, что экономическая самостоятельность производителя признается за идеалъ. Общественная форма труда можетъ выроcти только на почвѣ отрицанія такой экономической самостоятельности. Кромѣ того, „исторически невозможно, чтобы низшая ступень экономическаго развитія разрѣшила бы тѣ загадки и конфликты, которые возникли и могли возникнуть только на болѣе высокой стадіи развитія. Всѣ возникшія до товарнаго производства и индивидуальнаго обмѣна формы родовой общины [1]) имѣютъ ту общую черту съ будущимъ... общественнымъ порядкомъ, что извѣстныя вещи, средства производства находятся въ общемъ обладаніи и общемъ пользованіи данныхъ группъ. Эта одна общая черта не дѣлаетъ низшую общественную форму способ-

[1]) Энгельсъ смотритъ на современную русскую общину (по поводу которой онъ и ставитъ общій вопросъ) какъ на остатокъ первобытной родовой общины. Этотъ взглядъ, по моему мнѣнію, не выдерживаетъ критики.

ной развить изъ себя будущій общественный порядокъ, кровное дѣтище и конечный продуктъ капитализма. У каждой данной экономической формаціи есть свои собственныя, въ ней самой рождающіяся задачи, которыя она должна разрѣшить; стремиться къ разрѣшенію задачъ иной, совершенно чуждой формаціи было бы абсолютной нелѣпостью“ (Энгельсъ. Сборникъ его мелкихъ статей. Berlin, 1894, 65—66).

II.

Отводя центральное мѣсто экономической самостоятельности производителя, народники должны были неизбѣжно приходить къ очень страннымъ взглядамъ на современное экономическое положеніе Европы и къ не менѣе страннымъ проектамъ всеобщаго благополучія. Для примѣра возьмемъ покойнаго князя *А. И. Васильчикова* [1]) и его критика въ „Отечественныхъ Запискахъ“ *А. А. Головачева*. Первый, въ знаменитомъ введеніи къ „Землевладѣнію и земледѣлію“, приходитъ къ выводу, что „народныя смуты, волнующія современныя общества, имѣютъ свой корень въ *беззёмельномъ состояніи большей части народовъ*“ (курсивъ автора. З. и з. Изд. второе, т. 1, стр. IV). Авторъ нисколько не задумывается надъ тѣмъ, возможна ли была бы при „поголовномъ надѣлѣ“ современная организація производства и современная густота населенія, напр., Англіи. На этотъ вопросъ трудно дать иной отвѣтъ, кромѣ отрицательнаго. Для осуществленія того равенства, которое предносилось Васильчикову, нужно было бы сократить населеніе Англіи, быть можетъ, на цѣлую половину. Это одно указаніе, какъ

[1]) Какъ *курьезъ* слѣдуетъ отмѣтить, что г. —онъ до сихъ поръ называетъ Васильчикова либеральнымъ экономистомъ (Очерки нашего пореф. хозяйства, стр. 76).

мнѣ кажется, прекрасно освѣщаетъ полную несостоятельность того экономическаго мышленія, которое разсматриваетъ *организацію распредѣленія* независимо отъ *организаціи производства*. А вся народническая литература страдаетъ этимъ грѣхомъ. Такъ, критикъ кн. Васильчикова г. Головачевъ [1]), понимая, что „поголовный надѣлъ", т.-е. поголовное занятіе земледѣліемъ можетъ привести къ возвращенію въ полуварварское состояніе, въ то же время выставляетъ положеніе, что „въ густо населенныхъ странахъ, богатыхъ капиталами, устройство дешеваго кредита для рабочаго люда представляетъ тотъ же выходъ изъ критическаго положенія, какъ и поголовный надѣлъ землею въ странахъ, относительно мало населенныхъ" (стр. 12). „При такомъ порядкѣ, быть можетъ, не развились бы у насъ фабрики, эксплуатирующія рабочаго и удовлетворяющія утонченнымъ потребностямъ ничтожнаго меньшинства (sic!), но зато развились бы ремесла, способныя (!) удовлетворять неприхотливымъ вкусамъ громаднаго большинства, которому, такимъ образомъ (!) жизнь обходилась бы гораздо дешевле" (стр. 25). Вотъ къ какимъ изумительнымъ экономическимъ объясненіямъ и проектамъ приводитъ игнорированіе вопросовъ производства. Если бы фабричное производство удовлетворяло потребностямъ ничтожнаго меньшинства [2]), то оно не могло бы существовать, какъ массовое, а, если бы ремесленное производство было дешевле фабричнаго, то, конечно, первое побивало бы второе, а не наоборотъ. Мы говоримъ эти элементарныя

[1]) «Отечественныя Записки», т. CCXXXIV. Отд. II, стр. 1—51.

[2]) Этотъ взглядъ на фабрику имѣлъ raison d'être въ XVII и XVIII вв., когда, дѣйствительно, на фабрикахъ производились по преимуществу предметы роскоши; ср. Bücher, ст. Gewerbe въ HW. der Staatswiss.

вещи для тѣхъ читателей, которые потребуютъ объясненія нашихъ восклицательныхъ знаковъ.

III.

Такъ, изъ общей физіономіи народничества съ логической и исторической необходимостью, вытекаютъ и частныя его черты. Мы только-что отмѣтили одну изъ наиболѣе характерныхъ и важнѣйшихъ особенностей этого экономическаго міросозерцанія—игнорированіе производственнаго момента, доходящее у не связанныхъ никакими экономическими соображеніями *беллетристовъ-народниковъ* до полнаго презрѣнія къ производству и даже отрицанія всякой хозяйственности.

Эта черта *съ исторической* точки зрѣнія вполнѣ понятна. Вникнуть въ вопросы производства значило бы понять несостоятельность того экономическаго строя, который такъ дорогъ народничеству, въ защитѣ и идеализаціи котораго весь общественный смыслъ этого направленія. На двухъ экономистахъ-народникахъ мы уже констатировали эту особенность народническаго экономическаго міросозерцанія. Не можемъ не привести еще одного по-истинѣ классическаго образчика: „Мелкое хозяйство,—говоритъ П. А. Соколовскій („Сѣверный Вѣстникъ" 1886, № 3, „Упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ при общинномъ землевладѣніи", стр. 38),—управляется совершенно иными законами, чѣмъ крупное... крестьянинъ преслѣдуетъ иныя цѣли, чѣмъ крупный землевладѣлецъ. Выгоды производства, стоящія на первомъ планѣ у послѣдняго, для крестьянина имѣютъ второстепенное значеніе. Земледѣліе обезпечиваетъ ему вѣрнѣе всякаго другого вида труда необходимые продукты потребленія и онъ будетъ вести его, хотя бы оно не давало никакого дохода, а достав-

ляло бы (только?) средства къ прокормленію семьи и скота. Минимумъ сельскохозяйственнаго участка, на какомъ можно вести хозяйство, съ точки зрѣнія крестьянина, опредѣляется не рабочею способностью его семьи и ея рабочаго скота, а минимумомъ потребностей той или другого. Въ тѣхъ случаяхъ, когда часть этихъ потребностей можетъ удовлетвориться заработкомъ въ мѣстныхъ отхожихъ промыслахъ, минимумъ сельскохозяйственнаго участка понижается еще далѣе. Вотъ почему возможны самостоятельныя крестьянскія хозяйства, не дающія никакого чистаго дохода, не поглощающія ни силъ семьи, ни рабочей способности скота. Обиліе и стойкость этихъ хозяйствъ служитъ, конечно, показателемъ не благосостоянія, а лишь стремленія ихъ владѣльцевъ къ самостоятельности. Съ точки зрѣнія ученія о національномъ богатствѣ, эти хозяйства составляютъ нелѣпость и экономистъ классической школы будетъ совершенно правъ въ своемъ осужденіи ихъ. Онѣ не дадутъ избытка для вывоза и удовлетворенія высшихъ національныхъ цѣлей, такъ какъ всѣ ихъ продукты поглощаются самими производителями; онъ будетъ правъ, доказывая, что уничтоженіе мелкихъ хозяйствъ и замѣна ихъ крупными хозяйствами поведетъ къ увеличенію чистаго дохода страны уже вслѣдствіе одного сокращенія въ количествѣ труда и издержекъ на живой инвентарь. Все это такъ: пусть они не даютъ избытковъ для высшихъ цѣлей въ такомъ количествѣ, какіе даны были бы крупной культурой, но при ихъ существованіи обезпечивается удовлетвореніе первыхъ потребностей народа и половина населенія не превращается въ пролетаріевъ. Въ этомъ смыслъ мелкихъ хозяйствъ и ихъ оправданіе".

Относясь такимъ образомъ къ производству, народ-

ники забываютъ, что при господствѣ натуральнаго хозяйства и полномъ экономическомъ равенствѣ *производству* принадлежитъ рѣшающее значеніе. Да и вообще, чѣмъ больше сохраняется натуральное хозяйство, тѣмъ, очевидно, важнѣе вопросы производства.

Но такъ какъ народническому идеалу нельзя, безъ извращенія фактовъ, приписать высокаго производства, то добросовѣстнымъ народникамъ, конечно, приходится махнуть рукой на производство вообще, для того чтобы отстоять своего главнаго *идола—экономическую самостоятельность производителя*. Лишь бы спасти ее, они соглашаются даже на „первыя потребности“. Какая разница по сравненію съ американскими экономистами, для которыхъ ростъ потребностей—причина соціальнаго прогресса, наибольшая высота ихъ—соціально-экономическій идеалъ!

До чего можетъ доходить у народниковъ отрицаніе производства и хозяйственности можно видѣть на Златовратскомъ. Въ своихъ „Деревенскихъ будняхъ“ (Собраніе сочиненій, т. I, стр. 341 и сл.) онъ въ главѣ 13-й прямо противопоставляетъ общинный духъ хозяйственности и дѣлаетъ слѣдующее очень характерное замѣчаніе:

„Какой либералъ не защищаетъ нынче общину? у кого изъ нихъ она постоянно не на языкѣ? Но если бы вы вникли въ то содержаніе, которое они вкладываютъ въ общину, вы отшатнулись бы отъ нихъ, какъ отъ злѣйшихъ враговъ ея. Понятно, что они ловятъ рыбу въ мутной водѣ полемики. Главнымъ источникомъ этой „мутной воды“ именно и служитъ то характерное и широкое понятіе, которое выражаетъ русскій мужикъ словами: „хозяинъ“, „хозяйствовать“, „хозяйственный крестьянинъ“ (стр. 435).

IV.

Что народническая литература идеализируетъ „народный экономическій строй"—это можно было бы подтвердить цѣлой хрестоматіей изъ произведеній народниковъ-экономистовъ и беллетристовъ (хотя и у тѣхъ и у другихъ есть шедевры реализма и трезваго отношенія къ дѣйствительности). Изумительныя вещи въ этомъ отношеніи, т.-е. въ смыслѣ идеализаціи „бытовыхъ основъ", можно найти, напр., въ извѣстной книжкѣ Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи" (С.-Петербургъ, 1869 г.). Тутъ авторъ, между прочимъ, договаривается до того, что, благодаря общинному землевладѣнію, „нашъ крестьянинъ достигъ того, о чемъ напрасно вздыхаютъ и американецъ, и англичанинъ, и всякій земледѣлецъ, достаточно умный, чтобы понимать неудовлетворительность мелкой собственности" (стр. 482). На почвѣ такой же идеализаціи выросла цѣлая, обставленная даже статистическими доказательствами, „теорія среднихъ потребностей". Эта теорія, принадлежащая воронежскому статистику г. Щербинѣ, по словамъ ея автора, „указываетъ на коренное различіе народнаго и капиталистическаго типовъ производства въ пользу представителей труда въ первомъ случаѣ" (Щербина, „Крестьянское хозяйство по Острогожскому уѣзду". Воронежъ. 1887 г., стр. 454). „На основаніи закона среднихъ потребностей, получается совершенно иная формула производства, чѣмъ какая выработана западно-европейскою наукою для капиталистическаго производства. Съ точки зрѣнія послѣдней, развитіе производства совершается путемъ накопленія прибавочныхъ цѣнностей при томъ непремѣнномъ условіи, что на долю представителей труда приходится

обыкновенно лишь столько матеріальныхъ средствъ, сколько требуется для удовлетворенія minimum'а потребностей рабочаго населенія. Съ точки зрѣнія закона среднихъ потребностей, развитіе крестьянскихъ производительныхъ процессовъ совершается также путемъ накопленія прибавочныхъ цѣнностей, но при иномъ уже условіи, состоящемъ въ потребленіи рабочимъ населеніемъ такого количества матеріальныхъ средствъ, которое позволило бы удовлетвореніе среднихъ потребностей при постоянной тенденціи ихъ къ развитію" (стр. 452).

Почтенный статистикъ, которому русская наука обязана не одной цѣнной работой о русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, изложивъ законъ среднихъ потребностей, говоритъ, что „не лишне будетъ указать на широкое научное значеніе открытаго нами закона,—значеніе, имѣющее ближайшее отношеніе къ основнымъ вопросамъ политической экономіи" (стр. 452). Дѣйствительно, этотъ законъ или, вѣрнѣе, фактъ, на который указываетъ въ своей теоріи г. Щербина, имѣетъ огромное значеніе. Дѣло въ томъ, что „законъ среднихъ потребностей" повторяетъ то общеизвѣстное положеніе политической экономіи, что благосостояніе и размноженіе населенія опредѣляется доступными ему средствами существованія (1-ый законъ Мальтуса). *Только это и ничего больше—говорятъ тѣ факты, которыми г. Щербина обосновываетъ и иллюстрируетъ свою теорію.* Мы можемъ подтвердить наше мнѣніе рядомъ цитатъ изъ самого г. Щербины. „Чѣмъ меньше въ извѣстной группѣ (у извѣстной группы?) земли, тѣмъ больше въ ней хозяйствъ, недостаточно удовлетворяющихъ свои потребности, и наоборотъ". „Несомнѣнно, что въ беззеземельной и малоземельной группахъ хозяйства среднія величины, характерныя для опре-

дѣленія закона среднихъ потребностей, имѣютъ тенденцію къ уменьшенію, а въ группахъ многоземельныхъ— къ увеличенію" (447). „Законъ среднихъ потребностей допускаетъ... существованіе только опредѣленнаго количества населенія, разъ у этого населенія нѣтъ надлежащихъ средствъ для поддержанія потребностей на извѣстномъ среднемъ уровнѣ и въ этомъ заключается роковая сторона вліянія закона на жизнь" (449). „Регулирующая роль этого закона, приводящая къ извѣстному уровню среднія потребности, среднюю семью и среднее хозяйство, выражается, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ среднемъ естественномъ приростѣ всего населенія и въ средней прибыли или убыли населенія наличнаго" (451). Дальше г. Щербины въ идеализаціи народнаго производства трудно итти: о превосходствѣ этого производства надъ капиталистическимъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, по мнѣнію воронежскаго статистика, даже 1-ый законъ Мальтуса. „Народное производство" въ данномъ случаѣ означаетъ просто хозяйство безъ приложенія наемнаго труда. Что при такой организаціи хозяйства „прибавочная стоимость" остается въ рукахъ производителя— это безспорно. Но, если при этомъ производительность труда низка (въ области обрабатывающей промышленности это, безспорно, общее правило для мелкаго децентрализованнаго производства), то соціальный уровень трудящейся массы будетъ, несмотря на „народный" характеръ производства или, точнѣе, благодаря ему, ниже, чѣмъ при капиталистическомъ производствѣ. Превосходство народнаго производства надъ капиталистическимъ можетъ, такимъ образомъ, оказаться въ дѣйствительности очень сомнительнымъ. Что положеніе безземельнаго пролетарія можетъ быть много лучше положенія самостоя-

тельнаго земледѣльца или ремесленника-кустаря, этого наши народники не въ состояніи понять именно потому, что они упускаютъ изъ виду производственный моментъ и его соціальное значеніе.

Кромѣ того, они очень часто игнорируетъ то обстоятельство, что разъ народное хозяйство встало на путь товарнаго производства, то и самый типъ мелкаго самостоятельнаго земледѣлія неизбѣжно измѣняется. Мелкій земледѣлецъ дифференцируется: развивается съ одной стороны „экономически крѣпкое“ крестьянство, съ дургой—крестьянство пролетарскаго типа. Черты народнаго производства соединяются съ капиталистическими въ одну картину, надъ которой явственно значится надпись: чумазый идетъ.

Вообще же самое словосочетаніе „народное производство“ въ томъ смыслѣ, какъ его употребляютъ гг. народники, не отвѣчаетъ никакому реальному историческому порядку. У насъ въ Россіи до 1861 г. „народное производство“ было тѣсно связано съ крѣпостнымъ строемъ, а затѣмъ послѣ 1861 г. ускореннымъ темпомъ происходило развитіе товарнаго хозяйства, которое не могло не искажать чистоты народнаго производства, и народникамъ принадлежитъ та безспорная заслуга, что они постоянно указывали на „тлетворное“ вліяніе товарнаго хозяйства, не понимая, однако, его исторической неизбѣжности. Но въ тоже время весь споръ объ экономическомъ развитіи Россіи былъ, какъ мы покажемъ ниже, въ значительной мѣрѣ затемненъ именно туманнымъ по своему смыслу терминомъ „народное производство“, терминомъ, которымъ гг. народники положительно злоупотребляли.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи.

Все предшествующее изложеніе дало намъ извѣстныя теоретическія точки опоры для обсужденія вопроса, которымъ мы займемся въ этой главѣ, — объ экономическомъ развитіи Россіи. Конечно, мы не можемъ здѣсь предложить читателямъ обстоятельнаго изслѣдованія этого обширнаго вопроса. Для уясненія нашихъ собственныхъ взглядовъ, мы должны поневолѣ ограничиться общими чертами и основными точками зрѣнія. Рядомъ съ этимъ будетъ итти критика чужихъ взглядовъ, по возможности не вдающаяся въ детали, а, наоборотъ, выдвигающая на первый планъ основныя разногласія.

I.

Нѣсколько замѣчаній о письмѣ Маркса къ г. Михайловскому.

Вопросъ объ экономическомъ развитіи Россіи имѣетъ уже свою любопытную литературную исторію, въ которой первенствующее значеніе принадлежитъ 4 „литературнымъ фактамъ“:

1) Статьѣ г. *Михайловскаго* „Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго“ (1877), 2) письму *К. Маркса* къ г. Михайловскому („Юрид. Вѣстн.“ 1888 г. № 10, 3) книгѣ г. *В. В.* „Судьбы капитализма въ Россіи“ (1882) и 4) книгѣ г. *Н.—она.* „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“ (1893).

Мы уже отмѣтили выше неправильное пониманіе г. Михайловскимъ сущности соціологическаго ученія Маркса. Это непониманіе не ускользнуло, конечно, отъ самого Маркса и онъ въ очень рѣзкой формѣ указалъ

на него. „*Ему* (г. Михайловскому) *непремѣнно надо преобразовать мой очеркъ происхожденія капитализма въ Западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія, въ теорію, которой фатально должны подчиниться всѣ народы, каковы бы ни были историческія условія, въ которыхъ они находятся, чтобы въ концѣ-концовъ придти къ такому экономическому строю, который обезпечиваетъ наибольшую свободу проявленія производительныхъ способностей общественнаго труда и всестороннее развитіе человѣка*" („Юридич. Вѣстн." 1888, № 10, 266—267).

Теперь гг. народники всѣхъ сортовъ ссылаются на письмо Маркса, въ которомъ онъ, будто-бы, опровергъ какихъ-то миѳическихъ марксистовъ. Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что Марксъ опровергъ только непонимающихъ его народниковъ?

Но что же такое сказалъ Марксъ въ своемъ письмѣ объ экономическомъ развитіи Россіи, что̀ будто бы изобличаетъ „неоригинальность", „интеллектуальное безсиліе" и т. д. и т. д. нашихъ никому неизвѣстныхъ русскихъ марксистовъ, то бишь псевдо- или неомарксистовъ [1]).

„Если Россія стремится стать націей капиталистической, по образцу западно-европейскихъ націй, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда—она не достигнетъ этого, не преобразовавъ доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ этого приведенная на лоно капитали-

[1]) Г. В. В. не потрудился или не могъ указать ни одного литературнаго произведенія этихъ «псевдомарксистовъ» alias «соціалбуржуевъ». И на самомъ дѣлѣ условія русской литературы и притомъ не внѣшнія, а *внутреннія* условія ея таковы, что это направленіе, на опроверженіе котораго употребляется изрядное количество страницъ, не имѣло никогда *никакой* возможности высказаться.

стическаго строя, она подпадетъ подъ власть безжалостныхъ законовъ, какъ и всякая другая, не посвященная (profane) нація" (l. c. 272—273).

Это было написано во второй половинѣ 70-хъ гг. Съ тѣхъ поръ въ Россіи продолжали строиться *желѣзныя дороги*, съ тѣхъ поръ мы пережили продолжительный періодъ энергичной *протекціонной политики* и—параллельно съ этимъ—всѣмъ извѣстный *хронический*, къ 1891 г. страшно обострившійся, *кризисъ крестьянскаго хозяйства;* съ тѣхъ поръ интеллектуальный уровень массъ, хотя и поднялся мѣстами, (благодаря земской школѣ), но не настолько, чтобы оправдывать какія-нибудь широкія надежды. „Разрушительная работа капиталистическаго процесса въ Россіи, какъ и всюду, обгоняетъ его созидательную работу" и хотя эта разрушительная работа далеко еще не закончена, она сдѣлала очень много. Условный періодъ Маркса долженъ быть превращенъ въ винословный: не „если", а „такъ какъ Россія стремится" и т. д.—то она уже подпала подъ власть „безжалостныхъ законовъ" и т. д. Съ того момента, что обнаружилось превосходство желѣзныхъ дорогъ, въ качествѣ фактора соціально-экономической эволюціи, надъ критически мыслящей интеллигенціей и даже—увы!—надъ общиной,—съ этихъ поръ продолжать споръ объ экономическомъ развитіи Россіи, опираясь на письмо Маркса, не имѣетъ ни малѣйшаго смысла [1]). Но тѣмъ не менѣе

---

[1]) См. статью Энгельса, помѣщенную въ только-что вышедшемъ и уже цитированномъ нами выше сборникѣ его мелкихъ этюдовъ, гдѣ авторъ также говоритъ о коренной перемѣнѣ всѣхъ условій русской жизни съ 1877 года и затѣмъ указываетъ на особенности того историческаго момента, къ которому относится письмо Маркса къ г. Михайловскому, особенности, обусловившія и самое содержаніе (не только тонъ) этого письма.

г. В. В. упрекаетъ все тѣхъ же никому неизвѣстныхъ марксистовъ въ томъ, что они прилагаютъ къ Россіи „конкретную формулу Маркса“ и совершенно справедливо замѣчаетъ, что „настоящій послѣдователь ученія Маркса долженъ взять абстрактныя положенія его теоріи капитализма и, поставивъ ихъ въ обстановку русской дѣйствительности, вывести конкретную формулу развитія капитализма въ нашей странѣ“ [1]). Къ сожалѣнію, этотъ упрекъ и этотъ совѣтъ могутъ быть цѣликомъ возвращены обратно по адресу отправителямъ, „несомнѣннымъ марксистамъ“ и пр. Для нихъ, дѣйствительно, Марксъ, его сочиненія и его теорія, повидимому, упразднили всякую потребность иного отношенія къ конкретнымъ экономическимъ фактамъ, кромѣ подведенія ихъ подъ разъ уже найденную мѣрку, которая такимъ образомъ становится шаблономъ.

Теорія Маркса имѣетъ огромное значеніе для пониманія экономическаго развитія Россіи, но гг. „несомнѣнные марксисты“, конечно, преувеличиваютъ зависимость „псевдомарксистскаго“ пониманія этой эволюціи отъ конкретной формулы Маркса. Несчастье псевдо-марксистовъ, конечно, въ томъ, что они знакомы съ идеями Маркса и, потому, какъ марксисты, хотя и подложные, они формулируютъ историческій процессъ въ терминахъ этого писателя; но если запасъ ихъ экономическихъ знаній не исчерпывается его идеями, то они могутъ дать своему пониманію даннаго эволюціоннаго процесса и другое обоснованіе; формулировать его, напр., въ терминахъ Листа, подкрѣпивъ соображеніями изъ Рошера. Конечно, они при этомъ изъ огня упрековъ въ рабскомъ отношеніи къ конкретной

[1]) Наши направленія, стр. 137.

формулѣ Маркса, попадутъ въ полымя обвиненій въ „соціалбуржуазности“ и пользованіи буржуазными авторитетами. Но мы не смущаемся этимъ: всѣ мнѣнія, всѣ взгляды хороши, если только они... вѣрны. Тотъ же самый процессъ, который интересовалъ *Листа* съ точки зрѣнія развитія „національной промышленности“, передъ Марксомъ являлся какъ процессъ соціальной эволюціи, какъ развитіе капитализма. Оба автора, именно благодаря различію ихъ точекъ зрѣнія, прекрасно дополняютъ другъ друга.

II.

Характеръ перенаселенія въ земледѣльческой Россіи.

Выше мы указали на ту установленную Листомъ (вполнѣ въ духѣ историческаго изученія) эмпирическую зависимость, которая существуетъ между хозяйственнымъ строемъ данной территоріи и ея емкостью по отношенію къ населенію. Развитіе раздѣленія труда, отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, словомъ, современное *товарное производство* съ его техническими и экономическими особенностями увеличиваетъ эту емкость. Обмѣнъ проявляетъ такое дѣйствіе не только путемъ полной, технической и экономической, реорганизаціи производства, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда и техника производства остается на прежней ступени, и натуральное хозяйство удерживаетъ, въ общей экономіи населенія, прежнюю доминирующую роль. Но въ этомъ случаѣ послѣ короткаго оживленія совершенно неизбѣжно наступаетъ „перенаселеніе“; въ немъ, однако, товарное производство если и виновато, то только 1) какъ *возбудитель*, 2) какъ усложняющій моментъ. Безъ возбужденія, полученнаго отъ товарнаго производства, перенаселеніе на-

ступило бы, но только, по всей вѣроятности, нѣсколько позже; при полномъ экономическомъ равенствѣ въ началѣ процесса и отсутствіи обмѣна—предположеніе совершенно фиктивное—борьба между сильнымъ и слабымъ происходила бы въ иныхъ формахъ, „хозяйственный эгоизмъ“ не былъ бы такъ сильно напряженъ; если же экономическое равенство поддерживалось бы искусственно, то тяжелыя послѣдствія перенаселенія были бы только разложены на все населеніе. Самое же перенаселеніе при только - что указанныхъ условіяхъ хотя и можетъ усложняться въ сильной степени такими моментами, какъ проникновеніе денежнаго хозяйства, распредѣленіе поземельной собственности, податное бремя, лежащее на народныхъ массахъ, экономическая борьба между сильными и слабыми, но по своему существу отнюдь не тождественно съ капиталистическимъ перенаселеніемъ въ смыслѣ Маркса, тѣсно связаннымъ съ прогрессомъ техники [1]).

Такой некапиталистическій, характеръ носитъ и то перенаселеніе, которымъ характеризуется переживаемый земледѣльческой Россіей кризисъ. Кромѣ того, въ этомъ кризисѣ „отдѣленіе обработывающей промышленности отъ земледѣлія“, въ противность утвержденіямъ г. Ник. —она, играетъ совершенно подчиненную роль, представляя явленіе *вторичнаго порядка.* Обоснованію этихъ положеній мы предпошлемъ небольшое историческое отступленіе.

---

[1]) Въ сущности наше возраженіе г. Н. —ону въ данномъ пунктѣ вполнѣ совпадаетъ съ общимъ возраженіемъ Ф. А. Ланге противъ теоріи относительнаго перенаселенія Маркса. Возраженіе это (Рабочій вопросъ, русск. перев., стр. 154 и сл.) на мой взглядъ совершенно правильно указываетъ, что капитализмъ развивается на почвѣ перенаселенія въ смыслѣ Мальтуса. Контръ-возраженія Зибера противъ Ланге

III.

Къ исторіи русскаго населенія и народнаго хозяйства въ XIX в. до 1861 г.

Для выясненія нашего пониманія экономическихъ явленій современности, необходимо дать нѣсколько историческихъ справокъ о населеніи Россіи въ XIX в. въ связи съ экономическимъ положеніемъ крестьянства до реформы 1861 года. Замѣтимъ, что новѣйшая экономическая исторія Россіи очень мало разработана и, въ частности, исторія хозяйственнаго быта русскаго крестьянства именно въ XIX в. не явилась до сихъ поръ предметомъ ни одного цѣльнаго научнаго изслѣдованія, вродѣ замѣчательной работы В. И. Семевскаго о крестьянахъ въ царствованіе Екатерины II.

По Герману и Арсеньеву естественный приростъ населенія въ Россіи составлялъ съ 1762 по 1782 г. 30% (ежегодный приростъ *1,5%*), съ 1782 по 1796—15% (ежегодный приростъ *1,07%*), съ 1796 по 1815—25% (ежегодный приростъ *1,3%*), съ 1815 по 1834—22 (ежегодный приростъ *1,15%* [1]). Горловъ указываетъ, что въ Англіи и Пруссіи приращеніе населенія за послѣдній періодъ, для котораго русскія данныя отличаются достовѣрностью, было значительнѣе.

Населеніе, стало быть, въ общемъ размножалось вовсе не быстро.

Въ центральной области (губерніи Ярославская, Костромская, Владимірская, Нижегородская, Пензенская, Тамбовская, Воронежская, Курская, Орловская, Казанская, Московская, Тульская, Рязанская) за 56 лѣтъ, *1790 — 1846*, населеніе, по приводимымъ Арсеньевымъ даннымъ размножалось всего энергичнѣе въ Воронежской губ., гдѣ оно болѣе чѣмъ *удвоилось*, и въ Тамбовской и Тульской губ. (возростаніе на 90%).

(Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ, стр. 597—598) неясны и неубѣдительны. Теорія населенія Маркса дополняетъ, но не опровергаетъ теоріи Мальтуса—таково наше мнѣніе.

[1]) Горловъ. Обозрѣніе экономической статистики Россіи. Спб. 1849, стр. 49—51.

„Въ губерніяхъ Владимірской и Калужской,—замѣчаетъ Арсеньевъ,—приращеніе въ населеніи оказывается скудное, только на 30%; доказательство того, что *страны хлѣбопашественныя благопріятнѣе для успѣховъ народонаселенія*". Конечно, подчеркнутыя нами слова представляютъ выводъ совершенно невѣрный въ той общей формѣ, въ которой онъ высказанъ; но самый фактъ чрезвычайно характеренъ для примитивныхъ формъ народнаго хозяйства, гдѣ размноженіе стоитъ въ непосредственной зависимости отъ естественнаго плодородія, зависимости, которую можно, такъ сказать, осязать руками.

Обѣ названныя, малоплодородныя, губерніи высылали и тогда значительное количество людей на *отхожіе промыслы*, которые суть ни болѣе, ни менѣе, какъ *замаскированная эмиграція*, и не могутъ не понижать естественнаго прироста населенія [1]); внѣземледѣльческіе промыслы развивались, сравнительно, медленно: рынокъ росъ медленно, такъ какъ огромная часть страны, вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія, почти совсѣмъ не была еще вовлечена въ сферу мѣнового хозяйства.

Въ общемъ же ростъ населенія за весь этотъ періодъ носитъ тотъ характеръ, который a priori можно предположить *на основаніи закона соотвѣтствія между размноженіемъ населенія и средствами существованія*,— закона, выступающаго тутъ съ явственностью, всегда ха-

---

[1]) Ср. изслѣдованія врача Д. И. Жбанкова: 1) Вліяніе отхож. зараб. на движеніе народонаселенія Костромской губ. по даннымъ 1866—1883. Кострома 1887. 2) Вліяніе отхожихъ зараб. на движеніе населенія въ Солигаличскомъ уѣздѣ. Сборникъ Сочиненій по Суд. Медицинѣ, Спб. 1885. т. I. 3) Къ вопросу о плодовитости замужнихъ женщинъ. Вліяніе отхожихъ зараб. Врачъ, 1886, № 39. 4) О городскихъ отхожихъ зараб. въ Солигаличскомъ уѣздѣ Костромской губ. Юридическій Вѣстникъ 1890, № 9.

рактеризующей простыя явленія: *чѣмъ шире земельный просторъ и чѣмъ выше естественное плодородіе земли, тѣмъ больше естественный приростъ населенія.* Туда, гдѣ очень много хорошей земли, стремятся и переселенцы.

О Саратовской губерніи, которая въ то время обнимала также Николаевскій и Новоузенскій уѣзды Самарской губерніи и Царевскій уѣздъ Астраханской губ., Арсеньевъ («Статистическіе очерки Россіи», 1848) пишетъ: «Ежегодно цѣлыя тысячи новыхъ переселенцевъ изъ разныхъ малоземельныхъ губерній ищутъ и находятъ себѣ здѣсь удобныя селитьбы» (367).

Старое слово *малоземеліе* есть только общежитейскій терминъ для того явленія, которое наука называетъ перенаселеніемъ (Uebervölkerung, overpopulation).

О 13-ти внутреннихъ губерніяхъ Арсеньевъ въ 1848 г. (н. с.) говоритъ, что «многія изъ нихъ уже теперь должны считаться губерніями малоземельными, несмотря на видимую обширность нѣкоторыхъ изъ нихъ».

Такимъ образомъ, при данныхъ условіяхъ техники производства и слабомъ развитіи обмѣна, (а оба эти момента находятся между собой въ тѣсной связи), *значительная часть страны была насыщена населеніемъ.* Это обстоятельство, и затѣмъ неблагопріятныя условія, въ которыя, благодаря крѣпостному праву, была поставлена почти половина сельскаго населенія, выразились слабымъ приростомъ всего населенія за время между 8-й (1836) и 10-й (1858) ревизіей и убылью крѣпостного населенія за тотъ же періодъ.

За 20-ти-лѣтній періодъ, съ 1838 по 1858 годъ общее мужское населеніе Европейской Россіи увеличилось почти на $4^1/_2$ мил. или на 18%; среднее ежегодное приращеніе, стало быть, составляло только 0,9%, т.-е. было ниже, чѣмъ за все время съ 1762 г. (Тройницкій. «О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи». Спб. 1858, стр. 32).

Въ то же время изъ сравненія результатовъ 8-й и 10-й ревизій „обнаруживается замѣчательное явленіе, что числовой составъ крѣпостного населенія остался почти не-

подвижнымъ и даже уменьшился, въ теченіе 22-хъ лѣтъ (т.-е. со времени производства 8-й до окончанія 10-й ревизіи). Отъ 8-й до 9-й ревизіи этотъ составъ уменьшился весьма ощутительно, что слѣдуетъ приписать, отчасти, обращенію въ государственные крестьяне, въ этотъ промежутокъ времени, значительнаго числа крестьянъ, принадлежавшихъ прежде иновѣрческому духовенству въ Западномъ краѣ (по указу 1841 года декабря 25-го) и крестьянъ однодворческихъ, въ томъ же краѣ (по указу 1847 года января 23-го); отъ 9-й до 10-й ревизіи итогъ крѣпостного населенія нѣсколько увеличился, но не дошелъ до того размѣра, въ какомъ онъ былъ при заключеніи 8-й переписи, въ 1836 году. По 10-й ревизіи, сравнительно съ 8-ю, оказывается уменьшеніе около 250.000 душъ обоего пола, или почти на $1^1/_{10}$ процента. Между тѣмъ, въ тотъ же 22-хъ-лѣтній періодъ времени общее народонаселеніе Имперіи (не включая Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, равно какъ и не входящихъ въ перепись регулярныхъ войскъ и киргизовъ оренбургскаго вѣдомства), по сравненію итоговъ 8-й и 10-й ревизій, возрасло отъ 53.600.000 до 62.600.000 душъ обоего пола, т.-е. увеличилось на девять милліоновъ душъ обоего пола, или на $18^8/_{10}$ процентовъ; въ средней сложности, годовая прибыль была въ $^3/_4$ процента. Очевидный, такимъ образомъ, застой или даже уменьшеніе численнаго состава крѣпостного сословія въ Россіи, въ то время, какъ другія сословія увеличивались въ своей числительности, не можетъ не обратить на себя особеннаго вниманія" (*Тройницкій.* „Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи". Спб. 1861 г.). Въ только-что цитированной работѣ 1861 г., такъ же какъ и въ выше указанной статьѣ 1858 г. „О числѣ

крѣпостныхъ людей въ Россіи", высказывается, что „главною причиною этого явленія слѣдуетъ считать особенное вліяніе на крѣпостное населеніе отбыванія въ натурѣ рекрутской повинности". „Во всякомъ случаѣ, уменьшеніе состава крѣпостнаго населенія объясняется, главнымъ образомъ, перечисленіемъ части этого населенія въ другія сословія" („Крѣпостное населеніе въ Россіи", стр. 55—56). Однако, авторъ, въ 1858 г. еще ограничившійся этимъ выводомъ, въ 1861 г.—когда *освобожденіе крестьянъ*, а не одно только „улучшеніе быта" ихъ было *безповоротно рѣшено*, замѣчаетъ тотчасъ же: „но, если такое перечисленіе и принять главною, то едва-ли его можно признать единственною причиною указываемаго нами явленія. Нѣтъ сомнѣнія, что и условія естественнаго приращенія въ этой части народонаселенія, т.-е. заключеніе браковъ (въ крѣпостномъ сословіи не свободныхъ), рождаемость и смертность находятся въ положеніи менѣе выгодномъ и менѣе правильномъ, нежели въ другихъ сословіяхъ государства; нельзя не предположить, что весь экономическій бытъ крѣпостного сословія находится въ ненормальномъ положеніи" (стр. 56).

Гораздо энергичнѣе высказались другіе авторы, писавшіе объ этомъ вопросѣ въ то же время: проф. Н. Х. Бунге (статья: „Измѣненія сословнаго состава населенія Россіи въ промежуткахъ времени между 7 и 8, 8 и 9 ревизіями". Экономическій Указатель 1857 г., стр. 1021—1030), проф. И. Горловъ („Начала политической экономіи" Спб. 1859, т. I гл. 6, § 17, стр. 153—155) и авторъ статьи „Статистическія замѣтки о крѣпостномъ сословіи" („Библіотека для чтенія" 1859, январь). Послѣдніе два автора прямо отвергаютъ правильность объясненія, даннаго Тройницкимъ и весьма убѣдительными

разсчетами доказываютъ, что это объясненіе несостоятельно; Бунге же, который писалъ до появленія статьи Тройницкаго, говоритъ, что убыль въ числѣ помѣщичьихъ крестьянъ „мы, кажется, можемъ приписать упадку благосостоянія, потому что убыль произошла ни отъ обращенія крестьянъ въ казенное вѣдомство, ни отъ отпущенія на волю“.

Мы остановились на фактѣ уменьшенія числа крѣпостного населенія передъ освобожденіемъ, потому что онъ—по нашему мнѣнію—бросаетъ яркій свѣтъ на экономическое положеніе Россіи въ ту эпоху. Значительная часть страны была, какъ это ни звучитъ странно, насыщена населеніемъ при данныхъ технико-экономическихъ и соціально-юридическихъ условіяхъ: послѣднія были прямо неблагопріятны для сколько-нибудь быстраго размноженія почти 40% всего населенія. Если мы взглянемъ на таблицу прироста населенія съ 1838 по 1851 г., которую даетъ Н. Х. Бунге въ цитированной выше статьѣ, то мы увидимъ, что наименьшій приростъ или даже убыль имѣютъ губерніи не съ рѣзко промышленнымъ характеромъ, не Московская, Владимірская, Костромская, Ярославская, а или такія малоплодородныя губерніи съ слабымъ развитіемъ промышленности, какъ Псковская, Могилевская и др. сѣверозападныя губ., или сравнительно густо населенныя чисто земледѣльческія губ., какъ Тульская, Полтавская; даже Орловская и Рязанская, Тамбовская, Харьковская, Курская стоятъ по приросту населенія позади „промышленныхъ“ губерній.

„Отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія“, т.-е. общественное, національное раздѣленіе труда существовало и въ дореформенную эпоху, ибо безъ него былъ бы невозможенъ тотъ безспорный фактъ, что

часть Европейской Россіи и въ то время имѣла постоянный дефицитъ въ хлѣбѣ, который она покрывала продажей продуктовъ неземледѣльческаго труда, кустарной и фабричной промышленности.

Землевладѣлецъ Пензенской губ. Сабуровъ въ 1842 г. пишетъ: „хлѣбъ, скотъ, пеньку и т. д. ...намъ некуда было бы дѣвать безъ Сѣверной полосы. Если бы Сѣверная полоса прекратила требованія на эти предметы только на 2 года, то Южная и Средняя полоса, по денежнымъ своимъ оборотамъ, отшатнулась бы стремительно на сто лѣтъ назадъ“ (Отеч. Записки 1842, № 7. Записки Пензенскаго земледѣльца) [1].

Пути сообщенія были плохи и *только потому* обмѣнъ былъ *слабъ*, но онъ былъ достаточенъ для того, чтобы на его почвѣ выросла очень значительная кустарная промышленность, отчасти послужившая фундаментомъ для нынѣ существующей и существовавшей уже въ первую половину XIX в. въ болѣе скромныхъ размѣрахъ фабричной промышленности, отчасти сохранившаяся до сихъ поръ въ прежнихъ формахъ, прежнихъ—по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія производства. Промышленный характеръ значительной части Россіи обозначился уже очень давно и *развитіе производства* съ тѣхъ поръ находилось и находится въ прямой зависимости отъ *условій обмѣна*. „Пришлое населеніе,—говоритъ Ключевскій („Боярская дума древней Руси“. Изданіе 2, стр. 88), занимавшее эти полосы (центральную Великороссію), было земледѣльческое; но въ каждой изъ нихъ была какая-нибудь мѣстная, природная осо-

[1]) Цитата заимствована изъ книги *А. Ушинскаго* «О значеніи мануфактурной промышленности въ Россіи и объ охранной системѣ» и т. д. Спб. 1858, ч. I, стр. 38—39.

бенность, открывалось какое-нибудь угодье, разработка котораго, служа подспорьемъ къ скудному хлѣбопашеству на верхне-волжскомъ суглинкѣ, становилась основаніемъ экономическаго быта всего географическаго округа, сообщала ему особый промышленный типъ. Такъ возникли разнообразные мѣстные промыслы бортниковъ, огородниковъ, садовниковъ, рыболововъ, звѣрогоновъ, лыкодеровъ и т. п. Эти промыслы издавна составляли характеристическую особенность центральной Великороссіи и только съ недавняго времени стали падать подъ давленіемъ фабричной централизаціи промышленности". Сбытъ кустарныхъ произведеній, сначала мѣстный, дѣлается постепенно все шире и шире, а расширеніемъ сбыта характеризуется и обусловливается, какъ мы знаемъ, развитіе общественнаго раздѣленія труда. Но при плохомъ состояніи путей сообщенія для сбыта громоздкихъ земледѣльческихъ продуктовъ хлѣбородныхъ губерній поставлены были очень тѣсныя границы и это слабое развитіе обмѣна вмѣстѣ съ самымъ фактомъ крѣпостного права тормазило размноженіе населенія въ Европейской Россіи.

О земельномъ просторѣ у помѣщичьихъ крестьянъ того времени не можетъ быть, вообще говоря, и рѣчи, хотя, конечно, малоземелье чувствовалось тогда меньше и недостатокъ неполевыхъ угодій не давилъ еще крестьянъ. Помѣщичьи крестьяне не только отбывали барщину или платили оброкъ, но они несли также государственные сборы [1]), для платежа которыхъ добывать деньги имъ въ то время

[1]) Покойный *Янсонъ* былъ, конечно, совершенно неправъ, когда утверждалъ, что при крѣпостномъ правѣ помѣщикъ платилъ за крестьянъ подати (Опытъ стат. изслѣд. о кр. над. Изд. 2-е. Спб. 1881, стр. 73). Помѣщикъ только отвѣчалъ за исправное поступленіе податей.

было еще труднѣе, чѣмъ теперь. Увеличеніе числа помѣщичьихъ крестьянъ и въ особенности увеличеніе числа самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ [1]) не представляло за извѣстными предѣлами никакой выгоды для помѣщика, спѣшимъ оговориться—тамъ, гдѣ крестьяне не состояли на оброкѣ, который въ общемъ и преимущественно падалъ на рабочую силу и доходъ не земледѣльческіе, а промысловые. Между двумя составными частями всей владѣльческой земли—одной, отдаваемой крестьянамъ на ихъ собственное прокормленіе, и другой, обрабатываемой крестьянами для помѣщика, должно было существовать извѣстное опредѣленное соотношеніе, при данныхъ экономическихъ условіяхъ наиболѣе раціональное. За извѣстными границами увеличеніе крестьянской земли на счетъ помѣщичьей представлялось бы просто убыточнымъ, тѣмъ болѣе, что при тогдашнихъ условіяхъ сбыта самое увеличеніе производства могло быть, съ точки зрѣнія полученія наибольшаго дохода, невыгоднымъ, такъ какъ вело бы къ паденію цѣнъ. Такимъ образомъ, самая организація крѣпостного земледѣльческаго хозяйства, которое являлось для помѣщиковъ по преимуществу денежнымъ, для крестьянъ по преимуществу натуральнымъ, не могла за извѣстными предѣлами содѣйствовать размноженію населенія, а наоборотъ, требовала его стаціонарнаго состоянія. Это положеніе, какъ мы увидимъ дальше, было радикальнымъ образомъ измѣнено проникновеніемъ товарнаго производства на обширный рынокъ, что явилось

---

[1]) Помѣщики «строго запрещаютъ раздѣлы семействъ, столь пагубные для благосостоянія крестьянъ и вредныя для хозяйства самихъ помѣщиковъ» (*Яковъ Соловьевъ*. «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губ.». Москва, 1855, стр. 199).

результатомъ проведенія желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ специфическихъ причинъ, вытекавшихъ изъ крѣпостного права, крестьянъ не могли не угнетать общіе экономическіе недуги тогдашней Россіи. Мы только что, указали, что помѣщичьи крестьяне, оброчные и издѣльные, уплачивали за себя казенныя денежныя повинности, и прежде всего для покрытія ихъ они нуждались въ деньгахъ. А въ то же время и крестьяне, и помѣщики хлѣбородныхъ губерній очень сильно и, вѣроятно, еще сильнѣе чѣмъ теперь, страдали отъ перепроизводства хлѣба и паденія хлѣбныхъ цѣнъ, которое при жалкомъ состояніи путей сообщенія являлось необходимымъ результатомъ всякаго обильнаго урожая.

О Тамбовской губ. Арсеньевъ въ 1848 г. пишетъ («Статистическіе очерки Россіи», стр. 423): «Въ настоящее время и при настоящемъ положеніи края даже самые обильные урожаи становятся бѣдою для жителей; цѣны на хлѣбъ тогда упадаютъ такъ низко, что крестьяне не могутъ выручить столько денегъ, чтобы уплатить оброкъ и повинности». «Причины маловыгодности земледѣлія въ Воронежской губерніи тѣ же, что и въ Тамбовской, т.-е. затруднительность сообщеній, недостатокъ сбыта или малое требованіе на хлѣбъ и вслѣдствіе того малоцѣнность хлѣба печальная для поселянъ» (тамъ же, стр. 424 и 425). «Затруднительность сбыта причиною того, что цѣны на хлѣбъ бываютъ, по большей части, низки низки и нерѣдко при большомъ урожаѣ крестьянинъ не въ состояніи уплатить всѣхъ повинностей; отъ того Курская губ. обременена издавна огромными недоимками, въ убытокъ казнѣ и къ большому отягощенію поселянъ» (тамъ же, стр. 432, о Рязанской губ. тамъ же, стр. 451).

Вопросъ о колебаніяхъ хлѣбныхъ цѣнъ въ дореформенное время создалъ, какъ извѣстно, цѣлую литературу, въ которой съ публицистической точки зрѣнія первое мѣсто принадлежитъ знаменитой статьѣ Заблоцкаго-Десятовскаго, помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1847 г. (содержаніе ея изложено у В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ“, томъ II, стр. 331—334). Объ этомъ же вопросѣ подробно трактуетъ и Тенгоборскій въ своихъ „Etudes sur les forces productives de

la Russie". Tome premier. Paris. 1852 p. 394 sq. (ср. такъ же статью „Тридцатые—сороковые годы" въ „Экономическомъ Журналѣ" за 1891 г., № 8—9).

Денежныхъ повинностей въ пользу государства и господъ—этого одного клина, вбиваемаго въ натурально-хозяйственную среду, было бы достаточно для того, чтобы усилить примитивныя экономическія неравенства, всюду существующія. Вообще же можно сказать—и въ подтвержденіе привесть рядъ ссылокъ изъ разнаго рода источниковъ—что ни помѣщичье, ни государственное крестьянство не являлось въ эпоху крѣпостного права экономически-однородной средой, хотя, конечно, и фискальные, и помѣщичьи интересы требовали извѣстнаго равенства.

Одинъ новѣйшій изслѣдователь говоритъ: «На практикѣ, и въ самый моментъ отвода надѣловъ по уставнымъ грамотамъ и владѣннымъ записямъ, полнаго равенства между отдѣльными домохозяевами не было. Каждый дворъ участвовалъ въ общемъ надѣлѣ, и въ дореформенное время, не вполнѣ соотвѣтственно числу наличныхъ въ немъ работниковъ. Но окружныя управленія и въ особенности помѣщики слѣдили за тѣмъ, чтобы равенство въ пользованіи отдѣльныхъ семей землею, по возможности, не нарушалось. Вотъ почему общіе передѣлы крестьянской земли до 60-хъ годовъ происходили гораздо чаще, чѣмъ въ настоящее время; въ большинствѣ частныхъ имѣній они повторялись изъ года въ годъ» (Головинъ. «Русскій Вѣстникъ», т. CLXV, стр. 415—416).

Экономическія преимущества государственныхъ крестьянъ передъ помѣщичьими не созданы реформой: они цѣликомъ взяты изъ дореформенной эпохи.

«Если перевести работу ихъ (помѣщичьихъ крестьянъ) въ пользу помѣщиковъ на наличныя деньги, по цѣнамъ, существующимъ въ этомъ краѣ, то по нашему приблизительному разсчету,—говоритъ изслѣдователь дореформенной *Екатеринославской* губерніи капитанъ Павловичъ,—каждое семейство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ платило около 100 руб. сер. болѣе, чѣмъ семейство крестьянъ государственныхъ» (Мат. для географіи и статистики Россіи, собр. офицерами генер. штаба. Екат. губ. Спб. 1862 г., стр. 177). По разсчету Я. Соловьева (l. c. 215 и 220) въ *Смоленской* губ. приходилось повинностей на душу государственныхъ крестьянъ 5 р. 65¾ к., а на душу помѣщичьихъ 13 руб. Помѣщичьи крестьяне платили обыкновенно казенныя подати и за себя, и за дворовыхъ.

IV.

Нѣсколько замѣчаній объ освобожденіи крестьянъ.

Въ нашемъ обществѣ и нашей литературѣ весьма распространенъ идеалистическій взглядъ на освобожденіе крестьянъ. Нисколько не желая умалять значеніе этого великаго законодательнаго акта, мы, тѣмъ не менѣе, должны заявить, что вовсе не раздѣляемъ его идеалистическаго пониманія.

Не вдаваясь въ подробную мотивировку нашего взгляда, укажемъ только, что освобожденіе крестьянъ вытекло прежде всего изъ матеріальныхъ потребностей *государства*; крѣпостное право было несовмѣстимо съ дальнѣйшимъ экономическимъ развитіемъ страны, а такого развитія требовали непосредственные интересы государства („казны"), въ значительной мѣрѣ опредѣлявшіеся и опредѣляющіеся его международнымъ положеніемъ. Для того, чтобы получать больше доходовъ, нужно было оживить экономическую дѣятельность народа и самое могущественное средство для такого оживленія представляли улучшенные пути сообщеній и въ частности желѣзныя дороги [1]). А ясно, что постройка ихъ была или вполнѣ невозможна въ крѣпостной Россіи, или же неизбѣжно дала бы толчокъ къ крайне нежелательному для государства активному народному движенію противъ крѣпостнаго права. Съ другой стороны, финансовая часть эмансипаціи—выкупъ былъ бы совершенно неосуществимъ безъ развитія улучшенныхъ путей сообщенія, а *иначе какъ въ формѣ выкупа реформа не могла бы состояться*.

[1]) Нечего, кажется, напоминать и о томъ обстоятельствѣ, что и жизнь, и наука одинаково краснорѣчиво говорили о низкой производительности крѣпостного труда.

Были и другіе чисто матеріальные факторы, принуждавшіе государство къ коренной реформѣ соціально-экономическаго строя. Достаточно указать, что значеніе одного изъ нихъ вполнѣ ясно сознавалось и было подчеркнуто императоромъ въ знаменитыхъ словахъ объ отмѣнѣ крѣпостного права „сверху“ [1]). Нашимъ пониманіемъ вовсе не отрицается огромная роль идеальныхъ факторовъ вообще и въ частности въ данной реформѣ; этимъ факторамъ отводится только настоящее мѣсто, благодаря чему ихъ значеніе является не „чудомъ“, а вполнѣ естественнымъ, исторически необходимымъ явленіемъ.

Въ нашей литературѣ, кромѣ того, перѣдко встрѣчается противоположеніе, съ одной стороны, русскаго освобожденія крестьянъ западно-европейскому, съ другой стороны Положенія 19-го февраля всему послѣдующему законодательству. Первое противоположеніе основано на незнакомствѣ съ исторіей западно-европейскаго аграрнаго строя,—незнакомствѣ, которое выражается въ совершенно невѣрномъ (въ столь общей формѣ) утвержденіи, что въ Западной Европѣ крестьяне были освобождены безъ земли или, другими словами, обезземелены законодательнымъ путемъ [2]); второе—вытекаетъ просто изъ игнорированія всѣмъ извѣстныхъ историческихъ фактовъ. Тѣ же, кто подобно автору „Очер-

---

[1]) Ср. напр. Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб. 1882 г., стр. 8—11.

[2]) На это указывали уже г. Кейсслеръ въ своемъ большомъ изслѣдованіи объ общинѣ (Zur Geschichte u. Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland, III, S. 297, Anm.) и г. Слонимскій въ своихъ статьяхъ въ В. Е., напр. въ статьѣ «Либералы и либерализмъ въ Зап. Европѣ» (1883, № 1), противъ которой полемизируетъ Южовъ въ «Основахъ нар—ва» ч. I, стр. 450 и сл.

ковъ нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства", говорятъ, что „Положеніе 19-го февраля было лебединой пѣснью стараго процесса производства" (натуральнаго хозяйства на основѣ крѣпостного права? П. С.); и что „послѣ него не было ни одного законодательнаго акта, имѣющаго цѣлью развитіе крестьянъ, какъ производителей: вся послѣдующая государственно-хозяйственная дѣятельность была направлена въ совершенно противоположную сторону"—совсѣмъ напрасно одѣваютъ въ пышныя словеса тотъ простой фактъ, что уничтожить личную (юридическую) зависимость крестьянъ и въ то же время, не давъ имъ земли, поставить ихъ въ полную экономическую зависимость отъ прежнихъ господъ, конечно, было и въ эпоху реформы крѣпостнической утопіей. Все, что можно было сдѣлать для землевладѣльцевъ, государство сдѣлало и внесло въ Положеніе.

Это прекрасно понималъ Н. О. Лобачевскій, писатель, котораго, въ виду трезвости его взглядовъ, мы даже не рѣшаемся назвать народникомъ. «Изученіе «Положенія 19 февраля» показало,—говоритъ Лобачевскій,—что оно слагалось далеко не подъ вліяніемъ однѣхъ освободительныхъ идей. Въ самомъ дѣлѣ, земля давалась крестьянству за деньги—оказалось, что во всей сѣверной нечерноземной полосѣ Россіи выкупная цѣнность земли далеко превышала дѣйствительную ея цѣнность; первая оказалась настолько выше послѣдней, что помѣщики отказались отъ дополнительнаго платежа и произвели надѣленіе крестьянъ тотчасъ послѣ обнародованія «Положенія». Стало быть, здѣсь земля обошлась слишкомъ дорого и высокіе выкупные платежи не могли остаться безъ вліянія на бытъ крестьянства. Въ черноземной полосѣ выкупъ былъ болѣе согласованъ съ дѣйствительною стоимостью земли. Но здѣсь оказалась другая бѣда. въ значительномъ числѣ случаевъ размѣръ надѣла не могъ обезпечить землевладѣльца; оказалось далѣе до 600.000 крестьянъ, поземельный надѣлъ которыхъ колеблется около одной десятины на ревизскую душу. Говорить-ли о томъ, что выкупъ зависѣлъ отъ землевладѣльцевъ, что при уменьшенныхъ надѣлахъ первыя десятины надѣла оцѣнивались выше, чѣмъ тѣ, которыя оставались у помѣщика, результатомъ чего явилась ежегодная переплата крестьянъ болѣе 2 милліоновъ рублей только въ 14 губерніяхъ? [Одинъ изъ новыхъ нашихъ оптимистовъ (Ходскій) «Отечественныя Записки» т. CCLXVI, отд. II, стр. 169—170].

„Форма процесса производства,—говоритъ г. —онъ,— выработанная многими вѣками хозяйственной дѣятельности Россіи и получившая недавно въ крестьянскомъ „Положеніи“ санкцію закона, форма, въ которой орудія производства принадлежатъ самимъ производителямъ, стала въ противорѣчіе съ новой формой процесса производства, въ которой орудіе труда ни подъ какимъ видомъ не должно принадлежать производителю“. Эти разсужденія представляютъ странную попытку вложить свои собственные идеалы въ цѣлый экономическій строй, совершенно непричастный этимъ идеаламъ и въ законодательный актъ, который можетъ быть признанъ классическимъ примѣромъ компромисса разныхъ интересовъ. Мы весьма сомнѣваемся, чтобы такое толкованіе историческихъ фактовъ было плодотворно въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ. Это тотъ же слащавый оптимизмъ, который Н. О. Лобачевскій ставилъ въ упрекъ г. Ходскому, только по отношенію не къ настоящему, а къ прошлому.

V.

Развитіе нашего народнаго хозяйства послѣ реформы. Нѣсколько замѣчаній объ эволюціи земледѣлія.

Въ исторіи населенія послѣ паденія крѣпостного права мы видимъ ту же основную черту, что и до освобожденія. Энергія размноженія въ общемъ стоитъ въ прямой зависимости отъ земельнаго простора и земельнаго надѣла (см. прил. I). Это совершенно убѣдительно доказывается данными какъ Центральнаго Статистическаго Комитета, такъ и земской статистики. Да *оно и не можетъ быть иначе при условіи натуральнаго*, „самопотребительскаго“, по выраженію г. Голубева, хозяйства, служащаго прежде всего для непо-

средственнаго удовлетворенія нуждъ самого производителя. Если это хозяйство даетъ дефицитъ, то онъ долженъ тотчасъ отражаться, выражаясь въ терминахъ Мальтуса, и „превентивно", и „репрессивно" на населеніи. Дефицитъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ дѣйствуетъ, кромѣ того, какъ задерживающій размноженіе факторъ черезъ посредство отхожихъ промысловъ тамъ, гдѣ они отвлекаютъ на значительную часть года крупную долю взрослаго мужского населенія.

Освобожденіе крестьянъ, независимо отъ его *чисто экономическаго значенія* и др. сопутствовавшихъ ему и слѣдовавшихъ за нимъ хозяйственныхъ перемѣнъ, должно было по своимъ психическимъ воздѣйствіямъ поднять энергію размноженія. Дѣйствительно, мы видимъ, что—какъ говоритъ *П. П. Семеновъ* (Конская перепись 1882 г., стр. XXVI)—„бывшее крѣпостное населеніе, вовсе не приroставшее въ теченіе нынѣшняго вѣка до 1861 г. (какъ это ясно доказываетъ сравненіе ревизій VII, VIII, IX и X), послѣ 1861 года стало приростать съ неимовѣрной (?) быстротой"... И это явленіе, конечно, всего болѣе обусловливается тѣмъ фактомъ, что товарное производство, проникнувъ, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, широкой волной въ прежнюю, по преимуществу, натурально-хозяйственную среду, повысило емкость территоріи по отношенію къ населенію и стимулировало размноженіе. Съ того момента, что и цѣны на земледѣльческіе продукты повысились, и возможность ихъ сбыта расширилась, для помѣщиковъ стало выгоднымъ расширять свое производство. Еще болѣе удобнымъ и выгоднымъ было для нихъ переуступать свое право на расширеніе производства крестьянамъ, сдавая имъ земли въ аренду. Такимъ образомъ, пищевая площадь, доступная крестьянству, т.-е. его средства суще-

ствованія увеличивались и въ то же время доходы помѣщиковъ расли. Но рядомъ съ этимъ шло размноженіе народонаселенія и дробленіе хозяйствъ, опережавшее первое. „Еще сильнѣе, чѣмъ населеніе, возрасло число дворовъ, вслѣдствіе дѣлежей, которые прежде были неестественно сдерживаемы крѣпостнымъ правомъ; земля же, разъ подѣленная на душевые участки, распредѣленные между дворами по числу ревизскихъ въ нихъ душъ, въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ почти не передѣлялась и только дробилась между дѣлившимися дворами, такъ что многіе изъ нихъ утеряли возможность вести самостоятельно свое хозяйство" (Семеновъ, тамъ же). Техника же хозяйства, которое у крестьянъ не переставала быть по преимуществу натуральнымъ, почти не прогрессировала, въ значительной мѣрѣ именно потому, что хозяйство оставалось натуральнымъ. И вотъ передъ нами—картина натурально-хозяйственнаго перенаселенія, осложненнаго товарно-хозяйственными моментами и другими важными чертами, унаслѣдованными отъ соціальнаго строя крѣпостной эпохи. Но забудемъ о существованіи помѣщичьихъ хозяйствъ, которыя брали себѣ львиную долю продукта, производимаго на ихъ землѣ, и представимъ себѣ, что всѣ земли еще до освобожденія принадлежали крестьянамъ. Тогда натурально-хозяйственное перенаселеніе — и притомъ въ чистомъ видѣ—наступило бы почти навѣрное еще раньше и привело бы къ переселеніямъ и ихъ суррогату—отхожимъ промысламъ. *Совершенно безспорно, что въ настоящее время никакая ликвидація частныхъ хозяйствъ въ пользу крестьянскаго, не можетъ устранить перенаселенія значительной части Россіи* въ смыслѣ избытка рабочихъ рукъ и мѣстами даже въ смыслѣ избытка ртовъ отно-

сительно пищи, производимой на данной площади [1]). И даже если уничтоженіе избыточнаго населенія путемъ указанной ликвидаціи было бы достижимо и послѣдняя была бы возможна, то это, при условіи сохраненія и укрѣпленія натуральнаго хозяйства, отбросило бы насъ только на нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, а затѣмъ мы вернулись бы преблагополучно къ той точкѣ, на которой находимся теперь. Вопросъ о подъемѣ всего народнаго производства стоялъ бы передъ нами въ еще большей наготѣ. Оставалось бы или переселяться, „бѣжать прочь отъ самого себя", по удачному выраженію г. Маркова [2]), или реорганизовать все народное хозяйство [3]).

---

[1]) Выводы г. *Короленко* по этому вопросу въ его работѣ «Вольнонаемный трудъ» и т. д. (С. х. и ст. свѣд. по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ. В. V. Спб. 1892. Изд. Деп. Земледѣлія и Сельской Промышленности), конечно, не могутъ считаться статистическими, но, тѣмъ не менѣе они сохраняютъ свое значеніе и констатируемый нами фактъ—огромнаго избытка рабочихъ рукъ въ центральной черноземной полосѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ Елецкомъ уѣздѣ, по словамъ гг. *Бехтѣева* и *Хвостова*, «если бы даже скупить изъ частнаго владѣнія всѣ земли и распредѣлить ихъ между крестьянами», то все таки «окажется излишекъ въ 6.670 работникахъ, нуждающихся въ постороннихъ отъ земледѣлія заработкахъ» (Экономическое положеніе крестьянъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Отд. оттискъ изъ Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XVII, вып. 3-й, стр. отд. отт. 10).

[2]) «Русская Рѣчь», февраль, 1882, ст. «Обѣтованныя земли», стр. 282. Г. Южаковъ въ 1884 г. («Вѣстникъ Европы», іюль, ст.: «Задачи земледѣльческой (?) политики», стр. 391) остроумно замѣтилъ, что «нельзя себѣ представить болѣе несчастной идеи, какъ рѣшать наши экономическія затрудненія путемъ бѣгства къ башкирамъ и калмыкамъ».

[3]) Сохраненіе и укрѣпленіе натуральнаго хозяйства, на нашъ взглядъ, впрочемъ, совершенно немыслимо, и потому мы убѣждены, что повышеніе благосостоянія крестьянскаго населенія чисто земледѣльческой Россіи—какъ результатъ аграрной реформы—неизбѣжно привело бы къ пышному разцвѣту капитализма въ промышленной Россіи, такъ какъ равнялось бы открытію новаго, широкаго рынка для ея продуктовъ; такимъ образомъ, оно явилось бы могущественнымъ факторомъ въ дѣлѣ реорганизаціи всего народнаго хозяйства.

Какимъ же образомъ, на какихъ началахъ *можетъ* быть реорганизовано наше народное хозяйство? Мы нарочно подчеркиваемъ слово *можетъ* для того, чтобы сразу устранить изъ нашихъ разсужденій утопическіе элементы. Къ такимъ безусловно утопическимъ элементамъ мы причисляемъ то „обобществленіе труда", о которомъ, на послѣднихъ страницахъ своей книги, трактуетъ г. Николай —онъ, „несомнѣнный марксистъ", по аттестаціи г. В. В. Удивительно: Марксъ такъ много сдѣлалъ для выясненія несостоятельности утопизма и въ этомъ одна изъ главнѣйшихъ заслугъ великаго экономиста, и вотъ являются марксисты, которые, подъ прикрытіемъ его авторитета, преподносятъ самыя невѣроятныя утопіи. Обобществленіе труда, „опирающееся на матеріальныя условія производства, унаслѣдованныя нами отъ нашего историческаго прошлаго" [1]) и осуществляемое современнымъ государствомъ, это—утопія, ничего общаго не имѣющая съ соціологическими идеями Маркса. Куда дѣлось у нашего „несомнѣннаго марксиста" ученіе Маркса о государствѣ и классовой борьбѣ, которое въ общемъ соціологическомъ міровоззрѣніи Маркса занимаетъ, конечно, не менѣе важное мѣсто, чѣмъ теорія прибавочной стоимости?.. Мы считаемъ всякаго рода утопіи, какъ бы онѣ ни были симпатичны по своему содержанію, вредными съ того момента, что онѣ выдаются за нѣчто реальное. Онѣ заволакиваютъ глаза и не позволяютъ ясно видѣть и оцѣнивать окружающія насъ явленія и соотвѣтственно этому дѣйствовать. Спѣшу ого-

[1]) Тутъ авторъ имѣетъ въ виду общину и экономическую самостоятельность производителя. Мы думаемъ, что не менѣе важнымъ матеріальнымъ условіемъ, унаслѣдованнымъ нами отъ нашего историческаго прошлаго, является *существующее распредѣленіе поземельной собственности*.

ворится: утопій я нисколько не смѣшиваю съ широкими идеалами. Безъ послѣднихъ немыслима никакая истинно прогрессивная работа: первыя ставятъ на мѣсто реальныхъ точекъ опоры субъективныя усмотрѣнія и упованія.

Теперь возвратимся снова къ нашей темѣ. Въ настоящей работѣ для нась прежде всего важно указать не то, что, по нашему мнѣнію, должно быть, а то, къ чему сводится реальный процессъ экономической эволюціи, намѣтить его господствующую тенденцію.

Мы можемъ избавить себя отъ всякаго доказательства того положенія, что наше крестьянство въ его цѣломъ, какъ землевладѣлецъ, имѣетъ хроническій дефицитъ, который оно должно покрывать арендой частновладѣльческой земли и разнаго рода заработками [1]). Въ такія условія русскія трудящіяся массы поставлены своимъ историческимъ прошлымъ, и въ нихъ *капитализмъ* совершенно не причемъ. Но, и принанимая частновладѣльческую землю, и работая въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, наше крестьянство производитъ такъ мало, что при первомъ же неурожаѣ у значительной части его *долженъ* оказаться крупный продовольственный дефицитъ. Этотъ дефицитъ существуетъ *всегда*: дѣло въ томъ, что говорить о крестьянствѣ, какъ о цѣломъ, нельзя, и главный недостатокъ разсужденій г. Голубева въ его замѣчательныхъ статьяхъ состоитъ именно въ томъ, что онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ этой фикціи.

Во всякомъ случаѣ, недостаточное производство—*ос-*

---

[1]) Ср. работы г. Голубева въ «Юридич. Вѣстникѣ». 1892 г. № 10. «Къ вопросу о причинахъ экономическаго упадка сельскаго населенія и помѣщичьяго хозяйства» и въ «Русской Мысли» «Подать и народное хозяйство» (1893, V—VII) и статью г. Маресса «Пища народныхъ массъ въ Россіи» (тамъ же X—XI).

новной, доминирующій фактъ нашего народнаго хозяйства, являющійся прямымъ наслѣдіемъ прославленной эпохи народнаго производства. Поэтому, увеличеніе производительности земледѣльческаго труда прямо выгодно и благодѣтельно для русскаго крестьянства. То, что говоритъ г. Николай —онъ на этотъ счетъ (Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства, стр. 264—266) въ значительной мѣрѣ основано на недоразумѣніи. Тотъ русскій крестьянинъ, на котораго современный кризисъ обрушился всей своей тяжестью и для котораго онъ выразился прежде всего въ болѣе частомъ, чѣмъ прежде, недоѣданіи, этотъ крестьянинъ производитъ хлѣбъ для того, чтобы потреблять его, а нехватающее количество пищи покупаетъ на заработанныя деньги. Когда же онъ самъ продаетъ хлѣбъ, то это, въ сущности, не продажа, а чрезвычайно тягостная залоговая операція [1]). Еще до г. Голубева этотъ фактъ былъ статистически освѣщенъ земскими статистиками (напр., въ работѣ г. Щербины и въ трудахъ Казанской экспедиціи). Путемъ опросовъ избранныхъ домохозяевъ отдѣльныхъ селеній Воронежскаго уѣзда было констатировано, что среди государственныхъ крестьянъ 52%,

[1]) «При отсутствіи кредита и одностороннемъ направленіи сельскохозяйственнаго производства, — говорилъ г. Щербина еще въ 1884 г. (Сб. стат. свѣд. по Воронежской губ., т. I, Воронежскій уѣздъ, стр. 193—194)—хлѣбъ служитъ въ такихъ случаяхъ своего рода деньгами, на которыя можно вымѣнять извѣстное количество бумажекъ и серебра. Когда же минетъ спеціальная нужда въ этихъ послѣднихъ, хлѣбъ теряетъ этотъ характеръ и удерживаетъ за собой одни лишь свойства потребительной цѣнности. Въ это время онъ покупается для продовольствія, берется въ займы и пр. Само собой понятно, что хозяйства, прибѣгающія къ такой двойной мѣнѣ—сначала хлѣба на деньги, а затѣмъ денегъ на хлѣбъ, находятся въ положеніи балансирующихъ хозяйствъ на той точкѣ, за которою начинается окончательное ихъ паденіе».

а среди собственниковъ 59°/₀ всѣхъ семей ежегодно прикупаютъ хлѣбъ. Важно указаніе воронежскихъ статистиковъ на экономическіе признаки, совпадающіе съ прикупкой хлѣба *на продовольствіе*. Безлошадные дворы, „по отзывамъ крестьянъ, прикупаютъ хлѣбъ на продовольствіе круглый годъ". А располагающіе только одной рабочей лошадью „большей частью также прикупаютъ хлѣбъ, разумѣется не въ теченіе всего года, а только временами" (l. c. 196). Эти двѣ группы въ Воронежскомъ уѣздѣ составляли 33,1°/₀ всѣхъ хозяйствъ [1]), а въ 5-ти губерніяхъ трехпольнаго чернозема (Черниговской, Воронежской, Полтавской, Саратовской, Курской), по сводкѣ г. П. Скворцова, хозяйства безъ рабочаго скота и съ 1 штукой рабочаго скота составляютъ 50,4°/₀ общаго числа (Юридич. Вѣстникъ 1891 г., т. VIII. Итоги крестьянскаго хозяйства на

[1]) Вопросъ о прикупномъ хлѣбѣ разработанъ г. Щербиной особенно обстоятельно во 2-мъ вып. II тома Сб. ст. свѣд. по Воронежской губ. (Крестьянское хозяйство по Острогожскому уѣзду. Воронежъ 1887, глава XIII стр. 290—304), (Хлѣбное продовольствіе). Тамъ мы находимъ слѣдующую табличку (стр. 291), которая подтвердила выводъ болѣе ранняго (не подворнаго изслѣдованія) въ Воронежскомъ уѣздѣ.

Обозначенія группъ.	°/₀ хозяйствъ, покупавшихъ хлѣбъ. Госуд. крестьяне.	Бывшіе помѣщ.	Всего по уѣзду.
Безземельные	62,9	63,1	63,0
Имѣющіе до 5 дес. на 1 дв.	53,1	67,0	64,2
» отъ 5 до 15 дес. на 1 дв.	59,0	66,5	61,3
» » 15 » 25 » » 1 »	48,5	12,0	48,3
» свыше 25 дес. на 1 дв.	36,6	—	36,6
Всѣ группы	54,3	66,0	58,1

Составитель сборника по Мценскому у. (Орловской губ.) признаетъ «группу крестьянъ, прикупающихъ хлѣбъ и покупающихъ его круглый годъ, равною, по крайней мѣрѣ, половинѣ домохозяевъ изъ общаго числа ихъ въ уѣздѣ» (стр. 67).

южномъ трехпольномъ черноземѣ. Стр. 158). Такимъ образомъ, мы могли бы предположить, что 40 — 50% всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ чисто-земледѣльческихъ губерній прикупаютъ хлѣбъ на продовольствіе. Но, если даже мы приме́мъ число такихъ хозяйствъ равнымъ числу безлошадныхъ, т. е., 25% общаго числа дворовъ, то для нихъ увеличеніе производительности ихъ труда, хотя бы сопровождаемое паденіемъ мѣновой цѣнности и цѣны хлѣба, будетъ во всякомъ случаѣ выгодно.

Но аргументація г. Николая —она независимо отъ этого не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, онъ забываетъ, что повышеніе производительности земледѣльческаго труда возможно только путемъ измѣненій въ *техникѣ* и *въ системѣ* хозяйства или полеводства. Затѣмъ соображенія нашего автора, что „каждое увеличеніе производительности земледѣльческаго труда, происшедшее у насъ, будетъ приближать на міровомъ рынкѣ стоимость нашего продукта въ стоимости средней общественно-необходимой. Мы перестанемъ продавать нашъ продуктъ ниже нашей общественной стоимости. Наши конкурренты лишатся возможности пользоваться своимъ привилегированнымъ положеніемъ и будутъ принуждены понизить цѣну на свои продукты. Такъ что увеличеніе производительности земледѣльческаго труда произведетъ то, что оно только и можетъ произвести на стоимость товара: оно понизитъ его стоимость, а слѣдовательно и цѣну“ (265 стр.)—и эти соображенія далеко не такъ доказательны, какъ они могутъ показаться на первый взглядъ. Для того, чтобы наши конкурренты вынуждены были „понизить цѣну на свои продукты“, производительность нашего земледѣльческаго труда—*если стоять на почвѣ теоріи Маркса и оставить въ сторонѣ возможность переполненія рынка то-*

варомъ, т.-е. избытокъ предложенія надъ спросомъ, явленіе, которое въ области земледѣлія можетъ чаще, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности, компенсироваться противоположнымъ случаемъ—должна обогнать производительность земледѣльческаго труда нашихъ конкуррентовъ и притомъ имѣть доминирующее значеніе на международномъ рынкѣ. Если же наша производительность будетъ нѣсколько отставать (что самое вѣроятное) отъ „общественно-необходимаго труда" или стоять съ нимъ на одномъ уровнѣ, то тѣ послѣдствія, которыя пророчитъ г. —онъ, не наступятъ: мы будемъ только имѣть больше продукта и продавать его по прежней цѣнѣ; нашъ доходъ въ натурѣ и въ деньгахъ возрастетъ.

Вообще г. Николай —онъ напрасно такъ боится увеличенія производительности земледѣльческаго труда. Происходитъ это у него оттого, что онъ, какъ мы только что указали выше, повидимому, иначе и не можетъ представить себѣ прогресса сельскаго хозяйства, какъ въ видѣ все бóльшаго и бóльшаго вытѣсненія живого труда машинами, словомъ, въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ дѣйствительно развивалось экстенсивное земледѣліе въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, и не такъ рѣзко и у насъ въ Новороссіи. Между тѣмъ, это только опредѣленная фаза эволюціи, которую нельзя возводить въ законъ развитія [1]).

Эта ошибка г. Н. —она стоитъ въ связи съ дру-

---

[1]) Въ противоположную крайность впала англійская политическая экономія (Мальтусъ, Рикардо, Сеніоръ), установившая, какъ незыблемое, положеніе о прогрессивномъ упадкѣ производительности земледѣльческаго труда (4-й законъ Сеніора, см. его Political Economy 5-th Edition 26).

гой—со смѣшеніемъ интенсивности труда съ его производительностью (стр. 206). Авторъ „Очерковъ“ просмотрѣлъ, такимъ образомъ, одну изъ самыхъ блестящихъ теоретическихъ заслугъ Маркса. Интенсивностью труда, по Марксу называется степень затраты рабочей энергіи въ единицу времени; производительность же труда измѣряется количествомъ единицъ продукта, производимыхъ въ единицу времени. Интенсивность труда лежитъ въ человѣкѣ, есть выраженіе его физіологической затраты, производительность лежитъ, такъ-сказать, внѣ человѣка и подъемъ ея есть результатъ раціональной утилизаціи силъ природы и ихъ сочетанія съ трудомъ человѣка. Если интенсивность и производительность растутъ въ одинаковой мѣрѣ, цѣнность продукта—*по теоріи Маркса*—не можетъ упасть [1]).

Г. Каблуковъ въ своемъ выше уже указанномъ сочиненіи „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“ пытался доказать, что капиталистическая организація земледѣлія въ развитомъ капиталистическомъ строѣ à la longue невозможна. Г. —онъ, очевидно, смотритъ иначе на тотъ же самый вопросъ, но и тотъ и другой рѣшительно утверждаютъ, что отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія приводитъ къ ухудшенію положенія земледѣльческихъ классовъ. Поскольку это положеніе указываетъ на трудность, на болѣзненный, если можно такъ выразиться, характеръ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному—противъ него нельзя спорить. Но г. —онъ связываетъ фактъ ухудшенія поло-

---

[1]) Интенсивность труда и интенсивность хозяйства, конечно, не одно и тоже (ср. Скворцовъ. Вліяніе и т. д. стр. 487, прим.). Но, чѣмъ интенсивнѣе трудъ, тѣмъ выше цѣнность производимаго въ единицу времени продукта и тѣмъ выше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, доходъ, получаемый съ единицы площади.

женія сельскаго населенія съ ростомъ производительности труда, которая, какъ мы только-что указали, смѣшивается имъ съ интенсивностью. Отсюда именно — непониманіе эволюціи сельскаго хозяйства у этого автора. Онъ не понимаетъ, что прочное повышеніе производительности земледѣлія требуетъ въ то же время повышенія его интенсивности — *въ смыслѣ увеличенія затраты труда и капитала на единицу пространства.* И если, какъ уже было указано выше, невѣрно знаменитое положеніе англійской политической экономіи, что повышеніе интенсивности земледѣлія сопровождается всегда пониженіемъ его производительности [1]), то еще менѣе возможно принять мнѣніе г. —она, что ростъ производительности въ земледѣліи имѣетъ тенденцію постоянно понижать мѣновую цѣнность получаемыхъ съ данной площади продуктовъ, т.-е. доходъ земледѣльца. Это положеніе было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, если бы ростъ производительности могъ совершаться независимо отъ повышенія интенсивности хозяйства и роста интенсивности труда земледѣльца, но эта возможность болѣе чѣмъ проблематична и противорѣчитъ эмпирическимъ даннымъ. При оцѣнкѣ вліянія повышенія интенсивности на доходъ земледѣльца, въ особенности важна работоинтензивность, т.-е. затрата труда, такъ какъ она цѣликомъ входитъ въ стоимость производства [2]).

---

[1]) Ср. въ особенности превосходныя замѣчанія А. И. Скворцова въ его книгѣ «Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство», стр. 126—235, 425—434.

[2]) Скворцовъ, Вліяніе и т. д. стр. 132—133. Работы А. И. Скворцова могутъ служить образцомъ строго научнаго развитія нѣкоторыхъ основныхъ положеній экономической теоріи Маркса и въ этомъ отношеніи представляютъ unicum не только въ русской, но и вообще во всей экономической литературѣ—если не считать весьма неудачной попытки

Если ростъ производительности не превышаетъ роста работоинтенсивности, то цѣнность продукта и доходъ земледѣльца не мѣняется. Если американскій фермеръ, до тѣхъ поръ сѣявшій все пшеницу и пшеницу, переходитъ къ смѣшанному хозяйству (mixed farming), то и работоинтенсивность и капиталоинтенсивность его хозяйства увеличивается. Онъ сокращаетъ площадь пшеничныхъ посѣвовъ и начинаетъ производить болѣе цѣнный продуктъ, въ который вложено и больше труда— скотъ, пшеницу же продолжаетъ производить не дороже, а быть можетъ, и дешевле прежняго. Доходъ нашего фермера долженъ увеличиться, въ особенности въ томъ случаѣ, если, какъ и слѣдуетъ предполагать при такомъ хозяйствѣ, ему мало или совсѣмъ не приходится обращаться къ дорого стоющему наемному труду.

Поднятіе же интензивности труда, сопровождаемое повышеніемъ его производительности—первое безъ второго не имѣетъ, конечно, смысла—увеличиваетъ доходъ (ренту) хозяйства, повышая норму прибавочной стоимости. И тутъ надо имѣть въ виду одну для вопроса о будущности крестьянскаго хозяйства важную сторону: „поднятіе интенсивности труда гораздо легче въ мелкихъ, чѣмъ въ крупныхъ хозяйствахъ. И чѣмъ менѣе приложимы машины, вынуждающія увеличеніе интенсивности труда, какъ это имѣетъ мѣсто въ хозяйствахъ съ преобладаніемъ скотоводства, тѣмъ болѣе должна существовать наклонность къ измельчанію хозяйствъ“ (Скворцовъ, Вліяніе и т. д. стр. 669). Замѣтимъ еще, что г. —онъ разсматриваетъ все время

К. Шмидта «Die Durchschnittsprofitrate bei Marx» (Stuttgart. 1889). Покойный Н. И. Зиберъ, несмотря на свою изумительную эрудицію, не сдѣлалъ существенныхъ дополненій къ теоріи Маркса.

нашего крестьянина какъ простого рабочаго, тогда какъ по той *теоріи*, которой онъ слѣдуетъ, крестьянинъ, въ силу своего положенія самостоятельнаго земледѣльца, по крайней мѣрѣ поскольку онъ обрабатываетъ *свою землю*, получаетъ одинъ нераздѣльный доходъ, въ который входятъ и заработная плата, и прибыль, и, наконецъ, рента.

Сдѣланныя нами замѣчанія, въ основу которыхъ положены результаты замѣчательной работы Скворцова, достаточно показываютъ, на сколько поверхностно отнесся г. —онъ къ выясненію эволюціи сельскаго хозяйства—*съ точки зрѣнія теоріи Маркса.*

Недостаточная производительность крестьянскаго хозяйства всей и въ особенности чисто земледѣльческой Россіи указываетъ и путь экономическаго развитія. Земледѣльческая производительность должна быть повышена. А это можетъ произойти только на почвѣ дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія *всего народнаго хозяйства*, т.-е. при условіи прогресса обрабатывающей промышленности. Дальнѣйшее развитіе раздѣленія труда, „отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія“ по терминологіи г. Н.—она, словомъ, формула экономической эволюціи, данная *Листомъ* (см. гл. III), есть формула экономическаго развитія Россіи.

Взглядъ, высказываемый нами, не представляетъ ничего новаго. Онъ былъ раньше не разъ формулированъ и въ терминахъ Маркса, и въ терминахъ Листа; онъ опирается на историческіе прецеденты и не требуетъ нисколько вѣры въ чудеса. Поэтому-то естественно на *противникахъ* этого взгляда всегда лежало onus probandi, и мы, критикуя и опровергая ихъ воззрѣнія, тѣмъ самымъ обосновываемъ нашъ собственный взглядъ.

Попытаемся теперь разобраться въ конкретныхъ условіяхъ эволюціи новаго народно-хозяйственнаго строя. Для этого мы должны прежде всего коснуться вопроса о вытѣсненіи въ области земледѣлія натуральнаго хозяйства мѣновымъ и о соціальныхъ послѣдствіяхъ этого процесса.

VI.

Проникновеніе мѣнового хозяйства, дифференціація крестьянства и нивеллирующая роль технической нераціональности крестьянскаго хозяйства.

Въ сферѣ сельскаго хозяйства первое 20-лѣтіе послѣ освобожденія характеризуется повышеніемъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты и расширеніемъ товарнаго ихъ производства. Нашъ хлѣбный экспортъ растетъ быстро и въ общемъ (если брать трехлѣтніе періоды) съ замѣчательнымъ постоянствомъ въ теченіе 70-хъ годовъ; къ этому же времени относится констатированное [1]) въ черноземныхъ губерніяхъ и уѣздахъ *расширеніе* запашекъ, являющееся всюду результатомъ проведенія желѣзныхъ дорогъ и возможности сбыта. Г. Ник. —онъ на основаніи цыфръ, опубликованныхъ Департаментомъ Земледѣлія и Сельской Промышленности [2]), вывелъ, что результатомъ такого развитія сельскаго хозяйства въ его товарной формѣ было ухудшеніе народнаго потребленія. Быть можетъ и даже *весьма вѣроятно*, что такое ухудшеніе произошло на самомъ дѣлѣ. Экономическія условія *массы* крестьянства были и тогда, неблестящіе, хотя конечно

[1]) Прежде всего въ матеріалахъ Валуевской коммиссіи.

[2]) Сборникъ свѣдѣній по Департаменту Земледѣлія и Сельской Промышленности. Вып. 2-й. Спб. 1880.

лучше, чѣмъ теперь. Но, къ сожалѣнію, весьма вѣроятное само по себѣ положеніе г. Ник. —она основано на незаслуживающихъ довѣрія цыфрахъ: онѣ заимствованы изъ губернаторскихъ отчетовъ [1]). Не надо забывать, что только съ 1884 г., когда была опубликована работа Центральнаго Статистическаго Комитета о распредѣленіи земель по угодьямъ и культурамъ въ 1881 г., мы имѣемъ статистическую основу для опредѣленія урожая [2]). Недовѣріе къ цыфрамъ, легшимъ въ основу вывода г. —она, будучи вполнѣ законнымъ уже въ виду ихъ происхожденія, еще болѣе увеличивается именно тѣмъ ихъ характеромъ, который г. —онъ особенно рѣзко подчеркиваетъ (стр. 32). Стаціонарное состояніе производства при расширеніи запашекъ, при увеличеніи желѣзнодорожной сѣти на 86%, маловѣроятно. Слѣдуетъ, кромѣ того, обратить вниманіе на хронологію и географію желѣзно-

---

[1]) Уже составители Военно-статист. Сборн. 1871 г. принуждены были признать, что по отдѣльнымъ губ. эти данныя приводятъ къ несообразнымъ выводамъ (стр. 248—249). Не могу не обратить также вниманія на то, что и относительно періода 1851—1872 г. Бліохъ пришелъ къ выводу, аналогичному выводу г. —она. «Изъ сравненія количествъ увеличенія посѣва зерноваго хлѣба въ Россіи за 21 годъ (съ 1851 по 1871 г.) съ увеличеніемъ, за тотъ же періодъ времени народонаселенія, видно, что увеличеніе посѣва весьма незначительно и едва доходитъ до 6,4%, между тѣмъ какъ увеличеніе народонаселенія за то же время достигаетъ 25%. Посему, естественно возбуждается вопросъ, насколько достовѣрны данныя относительно посѣва. Если принять, что цыфры эти вѣрны, и обратить вниманіе на усиленный вывозъ, то въ такомъ случаѣ единственнымъ (?) объясненіемъ можетъ служить постоянное возвышеніе количествъ сбора». («Вліяніе желѣзн. дорогъ на экономическое состояніе Россіи». Спб. 1878, т. II, стр. 16). Такимъ образомъ, то явленіе, которое для 70-хъ гг. пытается доказать г. —онъ и которое для 80-хъ гг. не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію (Марессъ, Р. М. 1893, X), — если вѣрить губернаторскимъ отчетамъ—характерно и для предшествующаго двадцатилѣтія.

[2]) Статистическій временникъ, серія III, вып. 4.

дорожной сѣти. Если мы взглянемъ на приложенную къ вып. 2-му Статист. Сборника М—ва Путей Сообщеній (Спб. 1878) „карту желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для общаго пользованія, съ указаніемъ времени этого открытія" (съ 1838 г. по 1877 г.), то мы увидимъ, что постройка желѣзныхъ дорогъ, которыя могли стимулировать и дѣйствительно стимулировали производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ и, на первомъ мѣстѣ, зерна, относится почти исключительно ко времени съ 1868 г. по 1877 г. Конечно, вліяніе желѣзной дороги сказывается не только въ первый годъ послѣ ея открытія и даже не только въ первые годы, но это соображеніе можетъ лишь усилить недовѣріе къ тѣмъ цыфрамъ, на которыхъ построилъ свой выводъ г. Ник. —онъ [1]).

Какъ бы то ни было, мы имѣемъ основаніе думать, что отъ вторженія товарнаго производства выиграли по преимуществу землевладѣльцы и зажиточные крестьяне. Дифференціація въ средѣ крестьянскаго населенія должна была увеличиться, и къ этой эпохѣ относятся первые ея успѣхи. Процессъ этотъ происходилъ всего рѣзче тамъ, гдѣ товарному производству было гдѣ разгуляться, напр., въ Самарской губ. и въ Новороссіи. Г. Головинъ въ 1883 г., на основаніи данныхъ сенаторской ревизіи, пишетъ: „Едва минуло двадцать лѣтъ со времени освобожденія — и въ общинахъ Саратовской и Самарской губ. нѣтъ уже слѣда того равенства, которое составляетъ основную черту об-

[1]) Одновременно съ г. Ник. —ономъ къ такому же выводу пришелъ покойный Ю. Э. Янсонъ въ «Сравнит. Статистикѣ» (II, 464—465), но и онъ былъ вынужденъ указать (I. с. 417), что уменьшеніе сбора въ черноземныхъ губ. произошло, несмотря на расширеніе запашекъ.

щиннаго устройства; съ одной стороны, рѣзко выдѣляются такіе дворы, хозяйства которыхъ далеко переходятъ за предѣлы крестьянскаго и зачастую даже граничатъ съ крупнымъ землевладѣніемъ, съ другой—размножается число дворовъ, совершенно бросившихъ хозяйство... И Саратовская, и Самарская губ. принадлежатъ къ тѣмъ немногимъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія, число лошадей за послѣднія 20 лѣтъ увеличилось. Вотъ почему размноженіе безлошадныхъ дворовъ въ этихъ губерніяхъ особенно знаменательно. Оно доказываетъ, что приростъ лошадей исключительно падаетъ на болѣе зажиточные дворы... Вездѣ повторяется одно и то же: прогрессъ замѣтенъ только въ ростѣ отдѣльныхъ домохозяйствъ, далеко опережающихъ остальныя, а община въ цѣломъ составѣ не выказываетъ жизненной силы... Не смотря на полное равенство (?) условій, въ какія были поставлены отдѣльные крестьяне при изданіи Положенія, естественное теченіе жизни успѣло въ двадцать лѣтъ ниспровергнуть это равенство. Несомнѣнно, что дальнѣйшій ходъ дѣла еще усилитъ возникающую рознь. Можно этому радоваться, можно это и оплакивать, но самаго факта отрицать нельзя... У насъ обыкновенно приводятъ отдѣльные факты и затѣмъ обобщаютъ ихъ на цѣлое крестьянское сословіе, какъ будто они въ равной степени относятся ко всѣмъ его членамъ. Если бѣдность равносильна увеличенію сельскаго пролетаріата, то совершенно правы тѣ, кто утверждаетъ, что наше крестьянство приходитъ въ упадокъ; но, въ свою очередь, не менѣе правы и тѣ, кто ссылается на развитіе благосостоянія отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, и утверждаетъ вслѣдствіе этого, что наши крестьяне богатѣютъ. Подвести итоги этимъ про-

тиворѣчащимъ фактамъ нѣтъ возможности, такъ какъ обогащеніе однихъ нисколько не помогаетъ нищетѣ другихъ" („Крестьянское землевладѣніе въ двухъ низовыхъ губерніяхъ". „Русскій Вѣстникъ". T. CLXV, 416—418).

Въ цитированной нами выше запискѣ гг. *Бехтѣева* и *Хвостова* прямо говорится: „Казалось бы, что проведеніе желѣзныхъ дорогъ, перерѣзавшихъ Елецкій уѣздъ въ трехъ направленіяхъ, должно было поднять общее благосостояніе. На дѣлѣ поднялось только благосостояніе зажиточной и многоземельной части крестьянства, имѣющей средства нанимать еще землю на сторонѣ и продающей хлѣбъ по высшей, противъ прежняго, цѣнѣ" (l. c. 4).

Возражая г. Ленскому, г. Е. Марковъ (самъ землевладѣлецъ Щигровскаго уѣзда, Курской губ.) въ 1882 г. (цит. выше статья въ „Русской Рѣчи", стр. 247) замѣтилъ, что „вообще въ черноземной полосѣ аренда земель служитъ до такой степени общимъ и вѣрнымъ признакомъ зажиточности крестьянъ, что развѣ только въ шутку кто-нибудь могъ разсказать г. Ленскому о гибельности этого выгоднаго промысла, за который иногда идетъ *чистый бой* [1]) между состязателями крестьянами". „Истощенные... бѣдняки" уже потому не могутъ „окончательно разориться" арендами, что имъ, къ великому сожалѣнію, *никто не отдаетъ земель въ аренду*, по простой причинѣ ихъ бѣдности" [2]) и т. д. „Причина, препятствующая крестьянскимъ обществамъ арендовать земли въ цѣломъ своемъ составѣ—указывалъ В. И.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Курсивъ г. Маркова. Иронія г. Маркова совершенно неумѣстна и борьба за аренду, конечно, должна была имѣть трагическій исходъ для слабой стороны.

Орловъ еще въ 1880 г. (Сб. стат. свѣд. по Тамб. губ. Борисоглѣбскій уѣздъ. Отд. II, стр. 66)—заключается въ развивающейся все болѣе и болѣе розни между отдѣльными единицами, отдѣльными домохозяевами, входящими въ составъ общества, а самая эта рознь является результатомъ имущественной неравномѣрности отдѣльныхъ дворовъ, проявляющейся все съ большей силою" и т. д.

Послѣдующія земскія статистическія изслѣдованія съ полной ясностью раскрыли этотъ знаменательный фактъ дифференціаціи крестьянскаго населенія. Интересующихся мы отсылаемъ къ подлиннымъ земскимъ сборникамъ и сводным работамъ, изъ которыхъ по данному вопросу первое мѣсто принадлежитъ статьямъ г. П. Скворцова [1]) и образцовой монографіи В. Е. Постникова [2]).

Въ борьбѣ за аренду земель не могли не побѣждать болѣе сильные экономически элементы. Чѣмъ больше имѣетъ крестьянское хозяйство собственной надѣльной земли, тѣмъ болѣе при прочихъ равныхъ условіяхъ арендуетъ оно на сторонѣ. Экономическій смыслъ этого явленія совершенно ясенъ и тѣ данныя, которыя г. Ник.—онъ, вслѣдъ за г. Каблуковымъ, приводитъ для того, чтобы ослабить выводъ земскихъ статистиковъ и г. Карышева, только еще болѣе уясняютъ этотъ смыслъ, сводящійся именно къ тому, что въ борьбѣ за землю превосходство оказывается на сторонѣ экономически сильнаго хозяйства, болѣе богатаго землей, скотомъ и рабочей силой [3]).

---

[1]) Юридич. Вѣстн. 1891 №№ 5—6 и 1892 г. № 9 и 11.

[2]) Южнорусское крестьянское хозяйство. М. 1891. По данному вопросу ср. въ особенности стр. 148—150.

[3]) Ср. Карышевъ. Крестьянск. внѣнадѣльныя аренды. Дерптъ, 1892, стр. 154—155.

Самая необходимость арендовать землю была вызвана, конечно, не проникновеніемъ товарнаго производства, а условіями распредѣленія поземельной собственности, упаслѣдованнаго отъ эпохи „народнаго производства", то бишь крѣпостного права. Капитализмъ въ фактѣ принадлежности земельнаго фонда помѣщикамъ не при чемъ. Товарное же производство, создавъ условія сбыта, сдѣлало возможнымъ расширеніе запашекъ и арендованіе помѣщичьихъ земель и тѣмъ повысило емкость территоріи по отношенію къ населенію. Повидимому, все говоритъ о процессѣ вытѣсненія натуральнаго хозяйства денежнымъ: имъ окрашенъ современный кризисъ въ экономической жизни Россіи. Тѣмъ не менѣе, растущее господство денегъ и рынка сплошь и рядомъ игнорируется: такъ, г. В. В. утверждаетъ, что „при нормальныхъ условіяхъ, когда человѣкъ трудится для удовлетворенія своихъ потребностей и расширяетъ производство по мѣрѣ роста послѣднихъ, естественно будетъ судить о его доходахъ и, слѣдовательно, о мѣрѣ удовлетворенія потребностей существованія по размѣрамъ его производства" (Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб. 1892, стр. 27). Почему натуральное хозяйство нормальнѣе мѣнового? Не по тому-ли что оно больше нравится гг. народникамъ? Далѣе тотъ же авторъ указываетъ на „различіе цѣли, преслѣдуемой мелкой и крупной культурами въ Россіи: первая работаетъ для продажи и потому основывается въ своемъ преобразовательномъ движеніи на запросахъ рынка, вторая имѣетъ въ виду потребленіе внутри хозяйства и должна приноравливаться къ послѣднему" (тамъ же, стр. 32). Это различіе, дѣйствительно, существуетъ, но весь ходъ экономической эволюціи направляется на его уничтоженіе.

Крестьянинъ, даже если онъ и не производитъ никакого излишка сверхъ того, что нужно для прокормленія семьи, или имѣетъ въ своемъ хозяйствѣ хроническій продовольственный дефицитъ, все-таки, какъ плательщикъ государственныхъ и др. сборовъ, бываетъ вынужденъ продавать хлѣбъ и, такимъ образомъ, подчиненъ рынку, а что же сказать о тѣхъ мелкихъ хозяевахъ, которые постоянно производятъ нѣкоторый излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ? Власть рынка надъ крестьянскимъ хозяйствомъ, созданная желѣзными дорогами, такъ велика, что если бы рынокъ потребовалъ отъ крестьянъ культуры щедринской „персидской ромашки", то они подчинились бы этому требованію и сократили бы посѣвы ржи. Не надо, кромѣ того, забывать, что, какъ было уже указано выше, расширеніе *рынка* стимулировало размноженіе, и что *рынку* же обязаны своимъ необычайнымъ развитіемъ арендныя отношенія, а *арендная плата* составляетъ для значительной части крестьянства самую крупную статью денежнаго расхода [1]). Правда, наше мелкое хозяйство отличается обыкновенными достоинствами хозяйствъ этого типа: низкими потребностями. „Мелкое крестьянское хозяйство,—говоритъ авторъ „Доклада предсѣдателя Высочайше учрежденной въ 1888 году коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія" (Спб. 1892),—не выработывающее ни предпринимательской прибыли, ни процента на капиталъ, не производящее никакихъ авансовыхъ расходовъ въ счетъ будущей неизвѣстной цѣны, объединяющее въ рукахъ семьи хозяина всѣ отрасли производства, и добивающееся только (?) извѣстной суммы продуктовъ для

[1]) Карышевъ l. c.

потребленія семьи, не знаетъ (?) денежнаго убытка вслѣдствіе низкой цѣны, отъ котораго часто разоряются хозяйства промышленнаго типа. Подчиняя вліянію цѣнъ только свое собственное потребленіе, которое оно сокращаетъ или расширяетъ, смотря по условіямъ даннаго года, крестьянское хозяйство является болѣе устойчивымъ, болѣе способнымъ выдерживать самыя невыгодныя настроенія рынка" (36). Дѣйствительно, сокращаемость потребностей этого хозяйства изумительна и въ этомъ его сила.

Однако, наше крестьянское хозяйство платитъ государственные сборы, арендные платежи и пр. и покупаетъ тѣ предметы, которые оно. отчасти по малоземелью, отчасти—и всего болѣе—вслѣдствіе подчиненія рынку перестало само производить. Оно нуждается въ деньгахъ, оно вынуждено руководиться во всемъ заботой объ ихъ пріобрѣтеніи. Въ связи съ этимъ—*какъ причина* и *слѣдствіе* въ одно и тоже время—стоитъ и тотъ фактъ, что „государство, пережившее дорого стоившую войну, построившее сѣть желѣзныхъ дорогъ, вынуждено было (и добавимъ отъ себя *могло*) значительно увеличить денежныя требованія отъ страны. Обыкновенные государственные доходы составляли:

въ 25 лѣтъ съъ 1837 по 1861 г. 5.219.000000 руб.
„ 25 „ „ 1862 „ 1886 „ 14.457.000000 „

Докладъ 40). Итакъ, продолжая словами того же самаго доклада (41) „за истекшее тридцатилѣтіе возникла новая, быстро развившаяся потребность въ деньгахъ у государства, у помѣщиковъ и у крестьянъ. Усиленный ростъ потребности въ деньгахъ поставилъ русскому земледѣлію трудную задачу, ему понадобилось *перейти возможно быстро отъ натуральнаго хозяйства къ де-*

нежному и развить излишекъ производства надъ потребленіемъ до такихъ размѣровъ, чтобы имѣть достаточно матеріала для продажи. На рынкѣ появились масса продуктовъ и множество продовцевъ, мѣстныхъ же покупателей въ достаточномъ числѣ не оказалось, такъ какъ промышленное и городское населеніе составляетъ малый процентъ всего населенія страны. Рынокъ, наводняемый хлѣбомъ, который высылается нуждой деревни въ деньгахъ, нашелъ выходъ для этого продукта за границей и экспортъ хлѣба получилъ быстрое развитіе". „Патріархальныя отношенія натуральнаго хозяйства должны были сразу приспособиться къ требованіямъ торговли въ самой сложной формѣ ея развитія, къ международному рынку. Этотъ переворотъ, въ другихъ странахъ подготавливавшійся постепенно, въ теченіе столѣтій, въ Россіи долженъ былъ совершиться въ теченіе двухъ-трехъ десятилѣтій"..

На огромное значеніе этого народно-хозяйственнаго переворота указываютъ и мѣстные изслѣдователи (см. напр. *А. П. Энгельгардтъ*. Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Казанской и др. средневолжскихъ губерніяхъ. Казань. 1892, стр. 61—62). „По замѣчаніямъ крестьянъ, въ послѣднія десять-двадцать лѣтъ въ селеніяхъ значительно возрасло количество торговыхъ заведеній и вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянинъ сталъ вывозить въ города сыровья несравненно больше, чѣмъ въ прежнія времена. Въ этомъ, конечно, заключается *естественный ходъ* [1]) мѣновыхъ процессовъ, но это въ то же время налагаетъ особый отпечатокъ на экономическій бытъ и обстановку крестьянина". „Между тѣмъ какъ одною

[1]) Курсивъ нашъ.

рукой крестьянинъ покупаетъ чужой товаръ, другой—онъ продаетъ продукты собственнаго труда и хозяйства. Послѣднее предшествуетъ первому, причемъ самые мѣновые процессы пріобрѣтаютъ въ этомъ случаѣ особенно важное значеніе для крестьянскаго хозяйства. Безъ чужого товара крестьянинъ можетъ еще обойтись, но безъ продажи продуктовъ собственной производительности ему немыслимо было бы вести хозяйство“ (Сборникъ ст. св. по Воронежской губ. т. I. Воронежск. уѣзд. стр. 184 и 186). Посмотримъ теперь на конкретномъ примѣрѣ, въ чемъ выражается подчиненіе крестьянскаго хозяйства рынку. Въ какой мѣрѣ южнорусское колонистское и крестьянское хозяйство нуждается въ рынкѣ, лишь только оно на самомъ дѣлѣ обезпечиваетъ земледѣльца и является устойчивымъ, видно изъ того, что при 60-десят. надѣлѣ 40% всей территоріи хозяйства представляетъ *торговую*, т.-е. предназначенную для производства продажнаго продукта площадь, а при надѣлѣ въ 30 дес. то же самое отношеніе = 26,7%. Но излишекъ, выносимый на рынокъ, оказывается во второмъ случаѣ не вдвое, а даже втрое меньше, чѣмъ въ первомъ, потому что число рабочихъ силъ, хотя и сокращается при уменьшеніи общей территоріи хозяйства, но не пропорціонально, а въ меньшей степени (Постниковъ, Южно-русское крестьянское хозяйство, 270). Въ Таврической губ. „крестьянская семья средняго состава и достатка, живущая исключительно земледѣліемъ и сводящая свой балансъ безъ дефицита при среднихъ урожаяхъ, должна имѣть въ своей посѣвной площади 16—18 десятинъ, *изъ которыхъ 6—8 десят. должны идти на воздѣлываніе зерна для продажи* [1]). Средній таврича-

[1]) Курсивъ нашъ.

нинъ и имѣетъ около 18 дес. посѣва на дворъ, но 40% населенія трехъ таврическихъ уѣздовъ имѣетъ посѣва у себя ниже 10 дес. на дворъ, и если они все-таки занимаются земледѣліемъ, то лишь потому, что часть своего дохода добываютъ сторонними заработками и отдачей своей земли въ наймы. Хозяйственное положеніе этой части населенія ненормальное, шаткое, потому что въ большинствѣ случаевъ она не можетъ имѣть у себя запасовъ на черный годъ" (тамъ же, стр. 272).

Эти данныя ясно показываютъ, что при современныхъ экономическихъ условіяхъ крестьянинъ долженъ быть товарнымъ производителемъ; въ противномъ случаѣ, онъ теряетъ свою экономическую самостоятельность и, продавая свою рабочую силу, находится на границѣ батрачества.

Только проникновеніемъ мѣнового хозяйства объясняется тотъ фактъ, что экономически сильныя крестьянскія хозяйства могутъ извлекать выгоду изъ разоренія слабыхъ дворовъ. Въ натуральномъ хозяйствѣ при отсутствіи рынка расширеніе производства за извѣстными предѣлами не имѣетъ смысла. Не то видимъ мы тамъ, гдѣ продуктъ всегда можно превратить во всеобщій эквивалентъ, въ деньги.

Однако, было бы грубой ошибкой объяснять современное крестьянское разореніе исключительно экономической борьбой сильныхъ и слабыхъ, побѣдой производителей товарныхъ надъ производителями исключительно для собственнаго потребленія. Это только, такъ сказать, *прогрессивная* сторона того сложнаго экономическаго процесса, который переживаетъ наше крестьянское хозяйство. Товарное производство должно неизбѣжно вытѣснить натуральное хозяйство и неприспособ-

ленныя къ новымъ экономическимъ условіямъ хозяйственныя единицы погибнутъ, какъ нежизнеспособныя. Но товарное производство—въ связи съ ростомъ населенія—довело до самыхъ крайнихъ послѣдствій и раскрыло во-очію другую важную особенность—техническую нераціональность всего крестьянскаго хозяйства: она обрушивается на всю крестьянскую массу цѣликомъ. Въ ней выражается, такъ сказать, регрессивная сторона всего процесса. Если товарное производство дифференцируетъ наше крестьянство, то техническая нераціональность нивеллируетъ его, она сглаживаетъ неравенства, которыя, существуя въ эмбріональномъ видѣ и въ натурально-хозяйственной средѣ, окончательно развились на почвѣ денежнаго хозяйства. Техническая нераціональность, давая себя знать русскому крестьянству въ видѣ неурожаевъ, производитъ идеальное „равненіе“ и такимъ образомъ своими стихійными средствами осуществляетъ народническую программу „равнаго распредѣленія“ безотносительно къ производству, которое, молъ, само по себѣ будетъ совершенствоваться, стоитъ только устранить существующія экономическія неравенства. Техническая нераціональность хозяйства, а не капитализмъ—вотъ тотъ врагъ, который отнимаетъ хлѣбъ насущный у нашего крестьянства. Если капиталистическій строй и исполненъ противорѣчій, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что капитализмъ всюду, гдѣ онъ ни существуетъ, виноватъ во всѣхъ бѣдствіяхъ. Техническая нераціональность земледѣльческаго хозяйства, неурожаи и всѣ прочія бѣдствія существовали въ неменьшихъ размѣрахъ и при натуральномъ хозяйствѣ. Капитализмъ же, т.-е., вѣрнѣе, товарное производство указываетъ выходъ изъ этого положенія. *Оно дѣлаетъ возможнымъ и вынуж-*

даетъ техническую раціональность. Въ этомъ его великая историческая миссія въ области производства вообще, сельскохозяйственнаго въ частности.

Результатъ указанной выше нивеллировки—констатируемое во многихъ мѣстахъ *уменьшеніе* или *даже исчезновеніе средняго слоя крестьянскаго населенія.* Для характеристики этого факта мы удовольствуемся немногими ссылками. На основаніи сообщеній своихъ корреспондентовъ статистическое отдѣленіе Нижегородской Губернской Земской Управы говоритъ: „Выводъ, который можно сдѣлать... будетъ, разумѣется, тотъ..., что въ общемъ благосостояніи *всего сельскаго населенія* наиболѣе пострадавшихъ мѣстностей за послѣдній годъ понизилось. Несмотря на это, нѣкоторыя (правда, очень немногочисленныя) указанія, дѣлаемыя корреспондентами въ ихъ сообщеніяхъ, заставляютъ насъ нѣсколько ограничить вышеприведенное положеніе. Основываясь на этихъ указаніяхъ, можно предположить, что пережитыя въ минувшемъ году сельскимъ населеніемъ невзгоды коснулись не всѣхъ слоевъ его съ равной силой, но что, наоборотъ, вся тяжесть этихъ невзгодъ обрушилась, главнымъ образомъ, на средній классъ населенія, заставивъ нѣкоторую его часть перейти въ разрядъ маломощныхъ, безхозяйственныхъ и бобылей, тогда какъ благосостояніе наиболѣе зажиточной части сельскаго міра или вовсе не потерпѣло никакого ущерба или даже, благодаря нѣкоторымъ условіямъ истекшаго года, пріобрѣло извѣстное приращеніе. Примемъ-ли мы первое предположеніе или остановимся на послѣднемъ,—все равно,—если только факты, сообщаемые нашими корреспондентами, вѣрны, смыслъ ихъ, очевидно, таковъ, что слѣдствіемъ 1891 г., кромѣ всего прочаго, была

также дальнѣйшая дифференціація слоевъ сельскаго населенія, новое еще большее увеличеніе разстоянія, отдѣляющаго сельскихъ богатѣевъ отъ безземельнаго и безлошаднаго пролетаріата“ (Сельскохоз. обзоръ Нижег. губ. за 1892 г., вып. третій. Н.-Н. 1893. 183—184, ср. тамъ же 184—188, а также Урожай 1891 г. въ Нижегородской губ. Н.-Н. 1891. passim). *Нивеллировка* въ данномъ случаѣ, конечно, въ тоже время и *дифференціація*, но на почвѣ *такой* дифференціаціи развивается только одна *кабала*, могущая быть лишь тормазомъ экономическаго прогресса. „Нѣкоторые корреспонденты, сообщая о сильной задолженности крестьянъ, указываютъ, что... немногихъ неурожай обогатитъ, большинство разоритъ и отдастъ въ кабалу“ (С.-хоз. обзоръ Сарат. губ. за 1891 г., вып. I и II. Саратовъ. 1892, 153). Вотъ какими чертами рисуетъ этотъ процессъ очевидецъ, извѣстный писатель А. И. Эртель:

„Въ современной деревнѣ три неравномѣрныхъ группы. Одна въ состояніи прежняго разоренія и деморализаціи, это — отверженцы, мизерабли, большинство изъ нихъ безъ земли, которую они сдаютъ изъ года въ годъ, безъ лошади, безъ коровы, безъ овцы, иногда даже безъ собственнаго жилища. Другая группа наканунѣ такого состоянія или съ стремленіемъ перейти въ третью. Третья группа—кулаки, въ рукахъ которыхъ все болѣе сосредоточиваются земельные надѣлы и неограниченная сила на мірскомъ сходѣ. Для Макарьевскаго прихода отношеніе этихъ группъ выражается цыфрами: 2, 7, 1“ („Русская Мысль“, январь 1893 г., ст. Макарьевское попечительство, 230).

Если большинство второй группы сольется съ первой, то, конечно, крестьянская масса станетъ однороднѣе,

несмотря на еще болѣе рѣзкое выдѣленіе изъ нея *одной десятой*—кулаковъ.

VII.

Захватъ капитализмомъ обработки волокнистыхъ веществъ и его значеніе.

Въ виду того, что г. Николай —онъ захвату капитализмомъ обработки волокнистыхъ матеріаловъ придаетъ значеніе доминирующаго фактора въ общемъ крушеніи крестьянскаго хозяйства, мы считаемъ нужнымъ остановиться на этой сторонѣ вопроса.

Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Николай —онъ (цитируемъ его дословно, потому что излагать этого автора чрезвычайно трудно):

„Народная потребительная способность насколько она касалась потребностей одежды и пр. была насыщена продуктами домашняго производства; увеличеніе количества болѣе дешевой ихъ формы—фабричной вызвало прекращеніе производства ихъ въ другой формѣ—домашней. Увеличеніе количества бумажныхъ товаровъ, производимыхъ на фабрикахъ капиталистами, сопровождалось уменьшеніемъ производства какъ продуктовъ, такъ и сыраго матеріала, производимыхъ непосредственно крестьянствомъ“ (241).

Дѣло представлено тутъ какъ разъ навыворотъ, и это не трудно показать.

Уменьшеніе крестьянскаго производства прядильныхъ матеріаловъ повело къ увеличенію производства и потребленія продуктовъ капиталистической хлопчатобумажной промышленности, а не наоборотъ.

Почему же уменьшилось крестьянское производство прядильныхъ матеріаловъ? *Причины этого явленія чрезвычайно многообразны.* Съ одной стороны непосредствен-

ная нужда въ пищѣ заставляла растущее населеніе посвящать ея производству все большую и большую площадь; съ другой стороны, желѣзныя дороги, превративъ крестьянина хлѣбородныхъ губерній въ товарнаго производителя, естественно направили его на производство наиболѣе подходящаго и наиболѣе спрашиваемаго на рынкѣ товара—зернового хлѣба. Объ этомъ говорилъ уже *А. И. Чупровъ* въ первомъ томѣ своего „Желѣзнодорожнаго хозяйства“ [1]). Петербургскій, московскій, владимірскій и лодзинскій капитализмъ, конечно, отвѣтили на это сокращеніе „народнаго производства“ расширеніемъ своего производства. Иначе нельзя себѣ и представить всего процесса. Толчокъ могъ исходить только отъ крестьянства. Если бы оно держалось или, вѣрнѣе, могло держаться за натуральное хозяйство, никакіе ситцы московскихъ и владимірскихъ купцовъ его не соблазнили бы (ср. Скворцовъ. Экон. прич. голодовокъ въ Россіи, стр. 33—44). Для того, чтобы „фабричная форма“ стала „болѣе дешевой“, крестьянинъ долженъ былъ стать на точку зрѣнія экономической раціональности при условіи денежнаго хозяйства или же находиться въ положеніи человѣка, которому просто *негдѣ сѣять* ленъ и коноплю или *нечѣмъ удобрять* землю подъ эти растенія. Тамъ же, гдѣ проникновеніе денежнаго хозяйства наталкивало на производство льна или конопли, и то и другое послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ развилось до чрезвычайно широкихъ размѣровъ (примѣры: льноводная Псковская губ. и пеньководная Орловская), пока сокращеніе посѣвовъ не было вызвано или общими причинами, лежащими въ сферѣ мірового хозяйства, или же какими-нибудь мѣстными причинами. Но

1) Стр. 58—59.

ни тѣ, ни другія ни въ какой прямой связи съ развитіемъ русскаго хлопчатобумажнаго капитализма не стоятъ. *Міровое* производство хлопка и бумажныхъ тканей начинаетъ давить своей дешевизной на дорогое и отсталое производство льна и льняныхъ тканей, но, спѣшимъ подчеркнуть, на *товарное* производство льна. Такъ же точно и наше фабричное производство бумажныхъ тканей, какъ болѣе дешевое, вытѣсняетъ кустарное (т.-е. тоже товарное) производство льняныхъ тканей. Вообще же посѣвы льна и конопли съ 1881 по 1886 г. сократились относительно всего сильнѣе тамъ, гдѣ оба эти растенія воздѣлываются главнымъ образомъ на сѣмя [1]). Между тѣмъ, г. —онъ, пользовавшійся „Матеріалами по разработкѣ тарифовъ", въ которыхъ этотъ фактъ прямо указывается [2]), не считаетъ нужнымъ упомянуть о немъ [3]). Сокращеніе же посѣвовъ конопли тамъ, гдѣ она играетъ важную роль и въ денежномъ, и въ натуральномъ хозяйствѣ крестьянъ [4]), т.-е. въ черноземныхъ (среднихъ) губерніяхъ, вызвано было вовсе не несуществующей конкурренціей между коноплей и хлопкомъ, а совершенно другими причинами. Оно произошло до паденія цѣнъ на коноплю на нашихъ рынкахъ, т.-е. до 1886 г. и началось не въ 1881 году, а еще раньше, такъ какъ для него независимо отъ паденія цѣнъ, были важныя мѣстныя причины. Прежде всего вліялъ тутъ недостатокъ удобренія, которое на коноплянникъ идетъ

[1]) 90% котораго за періодъ 1888—1891 г. вывозилось за границу (Сельск. и Лѣсн. Хоз. Россіи, стр. 185).

[2]) На стр. 1, 2, 72, 73.

[3]) Если не считать прим. на стр. 239—цитата со стр. 72 «Матеріаловъ».

[4]) Для превращенія въ деньги конопля даетъ пеньку, для собственнаго потребленія крестьянскаго хозяйства—посконь или замашку, которая не имѣетъ торговаго значенія и идетъ на крестьянское бѣлье.

въ очень большомъ количествѣ. Явилась необходимость удобрять поле и отсюда конфликтъ коноплянника съ полемъ. Этотъ фактъ отмѣченъ уже въ Ист. Стат. Обз. Промышленности Россіи [группы III, X и XI (по поводу Московской выставки). Подъ редакціей В. И. Ковалевскаго. Спб. 1882 г., стр. 95]; о немъ говоритъ г. И. Вернеръ въ „Итогахъ стат. изслѣдованія Курской губерніи (Курскъ, 1887)" [1]), на него указываютъ черниговскіе статистики [2]), хотя въ Черниговской губ. посѣвы конопли съ 1881 по 1886 г. значительно увеличились.

Засимъ проявили свое дѣйствіе и частые неурожаи конопли. Такъ о Мценскомъ уѣздѣ мы читаемъ (Сб. ст. св. по Орловской губ. Мценскій у. Кр. хоз., стр. 61), что тамъ „разведеніе конопли вслѣдствіе плохихъ урожаевъ въ послѣднее время значительно сократилось и въ нѣкоторыхъ обществахъ бывшіе коноплянники обращены подъ посѣвъ ржи".

Но пойдемъ далѣе. Г. —онъ пытается доказать, что производство и потребленіе хлопка и льна въ Россіи въ общемъ упало въ шестилѣтіе 1886 — 1891 годъ, такъ какъ развитіе фабричной обработки хлопка болѣе чѣмъ уравновѣшивается сокращеніемъ домашней обра-

---

1) «Коноплянникъ въ $^1/_2$ десятины приноситъ до 35 руб. и, слѣдовательно, можетъ окупить всѣ платежи, приходящіеся на средній дворъ, не считая продуктовъ, получаемыхъ для своего хозяйства» (l. c. 186).

«Но, не смотря на значеніе конопли въ крестьянскомъ хозяйствѣ, посѣвы ея стали замѣтно уменьшаться въ послѣднее время даже въ мѣстахъ ея главнаго производства. Мы полагаемъ, что главная причина этого явленія заключается въ абсолютномъ уменьшеніи скота у крестьянъ, въ увеличеніи площади посѣва на счетъ угодій для выпаса и въ необходимости вывозить навозъ на поля, которыя настолько выпаханы, что даже при хорошемъ урожаѣ хлѣба едва достаетъ на прокормленіе семьи средняго домохозяина» (l. c. 186).

2) Напр. въ т. XII Матер. для оцѣнки зем. угодій (Новгородсѣверскій уѣздъ). Черниговъ 1884, стр. 17.

ботки льна и конопли. Доказывается это положеніе рядомъ статистическихъ данныхъ. Намъ надлежитъ съ особенной подробностью остановиться на этой части работы г. — она, такъ какъ въ ней находится центральный пунктъ всей аргументаціи этого автора въ пользу его мнѣнія о зловредномъ дѣйствіи нашего промышленнаго капитализма на земледѣльческое населеніе. Кромѣ того, намъ неоднократно приходилось встрѣчаться со взглядомъ, что г. —онъ здѣсь статистически доказалъ, что развитіе русскаго капитализма сопровождалось не только ухудшеніемъ положенія русскаго народа, но и уменьшеніемъ національнаго богатства, и что, такимъ образомъ, русскій капитализмъ, въ противоположность западноевропейскому, не имѣетъ никакого объективнаго экономическаго raison d'être.

Какъ же это доказывается? Статистическими данными о внутреннемъ потребленіи хлопка и льнянаго волокна за шестилѣтіе 1886—1891 (239). Изъ нихъ оказывается, что „за исключеніемъ (sic!) 1889 и отчасти 1890 г. потребленіе хлопка и льна сокращается. Въ послѣдніе два года оно сократилось сравнительно съ 1886—1887 г. на 14%“. Авторъ поступаетъ довольно рѣшительно съ имѣющимися въ его распоряженіи цифрами: онъ просто складываетъ пуды хлопка съ пудами льпянаго волокна. У каждаго даже самаго неподготовленнаго читателя долженъ сейчасъ же явиться вопросъ: представляютъ-ли пудъ хлопка и пудъ льнянаго волокна однородныя мѣновыя и потребительныя цѣнности, которыя можно было бы просто складывать? На этотъ вопросъ можно дать только *отрицательный* отвѣтъ. Льняное волокно дешевле хлопка въ 2—3 раза (ср. Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи.

Изд. Деп. Мануф. и Торг. Спб. 1893 г., стр. 19, 24—25, а также Матеріалы по разработкѣ тарифовъ ж. д. Вып. II. Цѣны на ленъ, стр. 20 и сл.). Для полученія же 100 пудовъ бумажной пряжи нужно имѣть 123 п. (саванскаго) хлопка [Механическая технологія волокнистыхъ веществъ. Лекціи (литограф.) профессора Петербургскаго Технологическаго Института Н. П. Лангового. Спб. 1889, стр. 528], тогда какъ для полученія 100 пудовъ льняной пряжи нужно взять 147 п. трепанаго льна (вычислено на основаніи отношенія, даннаго въ Матеріалахъ по разработкѣ тарифовъ и т. д. II, стр. 32). Но это только—пряжа. Въ непосредственное потребленіе, о которомъ идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь, и хлопокъ, и ленъ поступаютъ въ видѣ тканей. А „льняныя ткани значительно тяжелѣе бумажныхъ одинаковой тонины по виду", такъ какъ „прядильная нить изъ хлопка при равномъ діаметрѣ содержитъ меньше массы" (Karl Karmarsch, Handbuch der mechanischen Technologie. 2-ter Band. 5-te Auflage, herausg. von E. Hartig. Hannover. 1875, S. 1154). Такимъ образомъ, ни въ потребительномъ, ни въ мѣновомъ отношеніяхъ—пуды льна и хлопка не представляютъ однородныхъ величинъ и не могутъ быть складываемы. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что національныя богатства двухъ хозяйственныхъ организацій, изъ которыхъ одна является натуральной, а другая денежной несравнимы, потому что для сравненія недостаетъ tertium comparationis—всеобщаго эквивалента—денегъ, а національное богатство данной страны за разные періоды можно сравнивать только выражая его въ единицахъ какой-нибудь наиболѣе устойчивой мѣновой цѣнности. И вотъ, если бы г. —онъ перевелъ свои пуды хлопка и льнянаго волокна въ деньги, т. е.

представилъ бы ихъ въ видѣ мѣновыхъ цѣнностей, то онъ не могъ бы получить своего эффектнаго вывода, не говоря уже о томъ, что выводить заключеніе о регрессѣ или прогрессѣ не только всего національнаго богатства, но и отдѣльнаго производства на основаніи данныхъ за одно шестилѣтіе представляется просто смѣхотворнымъ.

Мы убѣдимся въ этомъ еще больше, если обратимся къ статистикѣ г. —она на стр. 238. Тамъ мы находимъ слѣдующее:

Вывозъ льна заграницу.

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.	1891.
Тысячъ пуд. .	7.079	8.550	11.268	11.221	12.120	11.332

„Итакъ, заключаетъ на основаніи этой таблички г. —онъ, вывозъ льнянаго волокна заграницу... росъ изъ года въ годъ, и притомъ росъ весьма значительно“.

Къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ вовсе не такъ просто и г. —ону это не можетъ не быть извѣстно, такъ какъ въ тѣхъ матеріалахъ, которыми онъ пользовался, есть данныя о вывозѣ льна и за время до 1886 г. Эти данныя совершенно ясно говорятъ, что трехлѣтіе 1885—1887 г. характеризуется *уменьшеніемъ* вывоза льна сравнительно съ предшествующимъ періодомъ (что объясняется паденіемъ цѣнъ и неурожаями), а цыфра вывоза за 1886 есть самая низкая за цѣлое 15-лѣтіе 1877—1891. (Ср. таблицу II въ приложеніи).

Далѣе на той же стр. мы находимъ у г. —она такую табличку:

За вывозомъ заграницу, оставалось льнянаго волокна для внутренняго употребленія.

	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.	1891.
Тысячъ пуд. .	10.068	8.227	5.140	8.024	5.500	3.855

На основаніи этой таблички дѣлается выводъ о „необыкновенно сильномъ сокращеніи обработки льнянаго волокна въ Россіи“. Очевидно, что внутреннее потреб-

леніе, которое такъ заботитъ г. —она, и цыфры котораго онъ получаетъ путемъ вычета изъ цыфръ [1]) сбора цыфръ экспорта, всецѣло опредѣляется послѣднимъ. Поэтому то рѣзко неблагополучный по экспорту 1886 г. чрезвычайно благопріятенъ для внутренняго потребленія [2]). Но въ табличкѣ г.—она особенно занимателенъ для насъ 1891 г.

Дѣло въ томъ, что этотъ годъ характеруется колоссальнымъ неурожаемъ льняного волокна въ черноземной полосѣ Европейской Россіи: недоборъ противъ предшествующаго года равняется $2^1/_2$ милл. пудовъ (см. таблицу въ прил.). Если этотъ неурожай и не отразился на экспортѣ [3]), то это обстоятельство очень просто объясняется тѣмъ, что въ губерніяхъ черноземныхъ ленъ, какъ извѣстно, культивируется преимущественно на сѣмена (ленъ-кудряшъ), а волокно получается тамъ низкокачественное, малопригодное для дальнѣйшей обработки (ср. Сельское и лѣсное хозяйство Россіи. Изд. Департ. Земледѣлія. Спб. 1893, стр. 181). Цыфры сбора волокна *(ergo и недобора)* въ черноземной полосѣ всегда являются *преувеличенными* [4]); сборъ же волокна въ нечерноземной полосѣ въ 1891 г. былъ выше, чѣмъ въ 1888 и 1890 гг. и нѣсколько ниже, чѣмъ въ 1889 г.

[1]) Кстати сказать весьма проблематичныхъ.

[2]) NB. Вѣроятно, это повышеніе внутренняго потребленія льна для мужиковъ льноводныхъ губ. сопровождалось значительнымъ сокращеніемъ потребленія хлѣба.

[3]) Цѣны, однако, повысились. В. Фин. 1892, № 5, стр. 286 и 1893 № 13, стр. 748. Подъ вліяніемъ повышенія цѣнъ посѣвы льна на волокно въ 1892 г. расширились. Сравнительно съ 1887 г. площадь льняныхъ посѣвовъ за время съ 1888 по 1892 г. увеличилась на 2,9% (Фортунатовъ, Сельскохоз. статистика Европ. Россіи. М. 1893, стр. 167). Вѣстникъ Финансовъ (1894 г., № 11, стр. 643) говоритъ о наблюдаемомъ за послѣднее время постоянномъ сокращеніи посѣвовъ льна заграницей и *расширеніи таковыхъ въ Россіи.*

[4]) Именно въ силу низкаго качества льняной соломы.

Послѣ всего сказаннаго, поставимъ вопросъ: доказываетъ-ли что-нибудь табличка г. Н.—онъ? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: данными за *шесть* лѣтъ, изъ которыхъ одинъ годъ характеризуется необыкновеннымъ сокращеніемъ экспорта, другой — изъ ряду вонъ выходящимъ неурожаемъ, г.—онъ ничего доказать *не могъ,* кромѣ развѣ того, что онъ либо неумѣло, либо крайне тенденціозно пользуется статистическими данными. Дѣйствительно, если мы изъ его таблички выкинемъ 1886 и 1891 гг., какъ исключительные, то весь его выводъ рушится: *останутся только два двухлѣтія* (1887—1888 и 1889—1890) *съ почти совершенно равными цыфрами внутренняго потребленія.*

Тотъ же методъ игнорированія неурожаевъ г.—онъ распространяетъ и на коноплю [1]). Такъ, говоря, что „сборъ пеньки съ 9,4 милл. пуд. въ 1886, сократился до 6 милл. въ 1891, т.-е. болѣе чѣмъ на треть (на $37^0/_0$)“ (стр. 239) нашъ авторъ умалчиваетъ о томъ, что въ 1891 г. пеньководныя губерніи постигъ жестокій неурожай конопли. (Ср. таблицу въ приложеніи).

Итакъ, г. —онъ своей статистикой ничего не доказалъ: ни уменьшенія національнаго богатства и потребленія, поскольку оно можетъ измѣряться количествомъ обработываемыхъ и потребляемыхъ въ странѣ прядильныхъ матеріаловъ, ни даже спеціально уменьшенія внутренняго потребленія льна за шестилѣтіе 1886—1891.

Вообще, повторяемъ, причины льнянаго и коноплянаго „кризисовъ“ не такъ просты, какъ это представляется г. —ону. Ни въ паденіи цѣнъ на льняное волокно и сѣмя, ни въ вытѣсненіи паруснаго судоходства

[1]) По Фортунатову (l. c.) за время 1888—1892 г. посѣвы конопли увеличились сравнительно съ 1887 г. на $31,5^0/_0$

паровымъ и пеньковыхъ канатовъ проволочными (и железными цѣпями), ни въ появленіи въ міровомъ хозяйствѣ дешевой джуты и манильской конопли, ни въ малоземеліи и необходимости удобрять истощенныя крестьянскія поля, ни наконецъ, въ неурожаяхъ русскій хлопчатобумажный капитализмъ неповиненъ. И далѣе: вытѣсненіе льна и конопли *ихъ конкуррентами* есть, во всякомъ случаѣ, вытѣсненіе одного *товарнаго* производства другимъ.

Что же касается до вытѣсненія натуральнаго хозяйства мѣновымъ, то хотя мы и считаемъ этотъ процессъ неизбѣжнымъ, все-таки мы не можемъ не признать, что до тѣхъ поръ, пока натуральное удовлетвореніе потребностей возможно и выгодно, наше крестьянство крѣпко за него держится. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ данныхъ, которыя мы находимъ въ т. IV, в. I. Сб. стат. свѣд. по Воронежской губ. (стр. VII).

	На 1 душу обоего пола приходилось денежнаго расхода: въ рубл. На покупку одежды.	На платежи.
У безземельныхъ.	2,1	—
» имѣющихъ до 5 дес. на 1 дворъ. . . .	2,1	1,7
» » отъ 5 до 15 дес. на 1 дворъ	1,6	2,7
» » » 15 » 25 » » 1 »	1,5	3,3
» » свыше 25 » » 1 »	1.7	3,7

Въ общемъ, стало быть, денежный расходъ на одежду тѣмъ меньше, чѣмъ больше крестьяне обезпечены землей. Судя по бюджетнымъ даннымъ, собраннымъ въ „Сборн. оцѣн. свѣд. по крестьянск. землевл. въ Землянск., Задонск., Коротоякск. и Нижнедѣвицк. уѣздахъ“ (Воронежъ 1889 г.)общій расходъ крестьянъ на одежду—денежный и натуральный—значительно ниже расхода на платежи: на подати идетъ 6,4% всѣхъ доходовъ, на одежду—4,2% (Марессъ, Р. М. 1893, X, прим. на стр. 63). Иной характеръ носятъ, впрочемъ, данныя въ другой ра-

ботѣ воронежскаго бюро „Крестьянское хозяйство въ Острогожскомъ уѣздѣ“ (стр. 376—403) [1]).

Какъ бы то ни было, брешь въ натуральномъ хозяйствѣ пробиваетъ не возможность дешево купить ситецъ капиталистическихъ фабрикъ, а возможность и необходимость продавать продукты своего труда и свою рабочую силу. *Денежный* расходъ на одежду въ современномъ крестьянскомъ бюджетѣ во всякомъ случаѣ отступаетъ на заднiй планъ передъ совокупнымъ расходомъ на подати и на арендную плату. Одна изъ самыхъ коренныхъ ошибокъ г. —она заключается въ томъ, что онъ на современное, до сихъ поръ болѣе натуральное, чѣмъ денежное, крестьянское хозяйство цѣликомъ перенесъ представленiя и категорiи *сложившагося* капиталистическаго строя. Поэтому онъ не понялъ экономическаго характера той перенаселенности, отъ которой страдаетъ центральная Россiя: онъ „конструируетъ“ это явленiе, какъ капиталистическую перенаселенность. Наши крестьяне производятъ недостаточно пищи, а г. —онъ приписываетъ ихъ жалкое положенiе тому, что они перестали заниматься домашнимъ пряденiемъ и ткачествомъ для собственнаго потребленiя (и ограниченнаго рынка). Это совершенно очевидная несообразность, и, конечно, нашъ экономистъ не высказалъ бы ея, если бы за ней не скрывалась нѣкая съ чисто логической стороны неуязвимая утопiя, которая

[1]) Въ конкретномъ бюджетѣ крестьянской семьи, приводимомъ въ изслѣдованiи г. Веретенникова «Общественное и частное землевладѣнiе въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ Воронежской губ.» (Воронежъ 1893 г.) отсутствуютъ денежные расходы на одежду (l. c. 40). Бюджеты же, приводимые *В. Е. Постниковымъ*, принадлежатъ хозяйствамъ, въ сильной степени вовлеченнымъ въ обмѣнъ; для нихъ *денежный* расходъ на одежду составляетъ очень крупную статью (l. c. 279—290), но нельзя не имѣть въ виду зажиточности и огромнаго семейнаго состава этихъ хозяйствъ.

сводится къ убѣжденію, что изъ натуральнаго, децентрализованнаго хозяйства при благожелательномъ содѣйствіи государства и критически мыслящей интеллигенціи можетъ или, вѣрнѣе, могло бы вырости обобществленіе труда Мы не станемъ опровергать этой утопіи; замѣтимъ только, что ничто на нашъ взглядъ не можетъ больше компрометтировать обобществленіе труда, чѣмъ представленіе о немъ, какъ о такомъ фокусѣ, для осуществленія котораго ничего, кромѣ всеобщей добродѣтели, не требуется. Обобществленіе труда можетъ вырости только на почвѣ постепеннаго развитія народно-хозяйственныхъ принциповъ капитализма и побѣды ихъ надъ частно-хозяйственными (см. гл. IV).

VIII.

Разореніе крестьянства и частновладѣльческія хозяйства.

Итакъ, перенаселенность, т.-е. избытокъ земледѣльческаго населенія, въ связи съ наслѣдіемъ натуральнаго хозяйства, технической нераціональностью крестьянскаго земледѣлія, которою обусловливается его низкая производительность, — вотъ основныя причины крестьянскаго обѣднѣнія. Обѣднѣніе же это выражается въ освобожденіи крестьянъ отъ земли, въ созданіи сельскаго пролетаріата. Это фактъ, котораго не оспариваетъ въ настоящее время никто, но въ оцѣнкѣ котораго очень рѣзко расходятся представители различныхъ направленій. Мы уже намѣтили выше два момента въ этомъ процессѣ—прогрессивный и регрессивный. Съ первымъ—бороться, если такая борьба и возможна на извѣстное время, безплодно и нелѣпо, второй—открываетъ широкое поле для всякаго рода государственныхъ мѣропріятій. Во всякомъ случаѣ, обѣ стороны процесса идутъ на встрѣчу

развитію капитализма тѣмъ, что создаютъ „свободнаго“ — въ двойномъ смыслѣ автора „Капитала“ — рабочаго.

Въ этомъ отношеніи экономической исторіи Россіи суждено пополнить извѣстную историческую схему новыми чертами: мѣновое хозяйство и капитализмъ въ узкомъ смыслѣ слова могутъ развиваться безъ сильныхъ средствъ первоначальнаго накопленія, безъ экспропріаціи sensu stricto, т.-е. безъ прямого на силія, просто — въ силу экономической несостоятельности самого натуральнаго хозяйства, неспособности его удовлетворять непосредственнымъ нуждамъ растущаго населенія. Затемненная политическими моментами историческая закономѣрность экономическаго развитія выступаетъ въ Россіи съ полной ясностью (конечно, изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы политическіе моменты отсутствовали совершенно у насъ).

Мы видѣли, что развитіе денежнаго хозяйства и ростъ населенія приводятъ къ тому, что крестьянство распадается на двѣ части: одну экономически крѣпкую, состоящую изъ представителей новой силы, капитала во всѣхъ его формахъ и степеняхъ, и другую, состоящую изъ полусамостоятельныхъ земледѣльцевъ и настоящихъ батраковъ. Таковы осязательные результаты того процесса, который г. В. В. въ свое время рисовался, какъ грандіозная борьба „за высшій типъ общественно-экономическаго прогресса“ (Судьбы капитализма, стр. 290).

Теперь мы уже знаемъ, что эта грандіозная борьба кончилась поистинѣ грандіознымъ разореніемъ русскаго крестьянства, разореніемъ для значительной части его совершенно непоправимымъ. Но за этимъ разореніемъ неизбѣжно должно слѣдовать дальнѣйшее развитіе не только экономическаго неравенства въ средѣ крестьян-

ства, но также и сельскохозяйственнаго капитализма, которому г. В. В. въ свое время, по всѣмъ правиламъ искусства, отпѣлъ отходную (Судьбы капитализма, стр. 221). Вполнѣ естественно, что, когда разоренный крестьянинъ перестаетъ баснословными арендными цѣнами „соблазнять" землевладѣльцевъ, послѣдніе возвращаютъ себѣ свою „хозяйственную самостоятельность". Этотъ процессъ неизбѣженъ: неумолимая логика экономической эволюціи приводитъ къ нему, и, если государство по какимъ-либо соображеніямъ желаетъ укрѣплять не крупное, а мелкое землевладѣніе, то, при данныхъ экономическихъ условіяхъ, оно можетъ достигнуть этой цѣли не тѣмъ, что будетъ гоняться за неосуществимымъ экономическимъ равенствомъ въ средѣ крестьянства, а только—путемъ поддержанія его жизнеспособныхъ элементовъ, путемъ созданія изъ нихъ экономически крѣпкаго крестьянства.

Что наше частновладѣльческое хозяйство прогрессируетъ, и притомъ этотъ прогрессъ въ значительной мѣрѣ обусловливается разореніемъ крестьянства, въ доказательство этого положенія можно было бы собрать обширный матеріалъ. Тотъ же г. В. В., который въ 1882 г. съ такимъ суверенным презрѣніемъ третировалъ частновладѣльческое хозяйство, какъ мертвеца, въ своей новѣйшей книгѣ „Прогрессивныя теченія" и т. д. собралъ любопытныя данныя о томъ, какъ „экономіи" дѣйствительно *соблазняютъ* крестьянъ, покупая у нихъ навозъ.

До извѣстнаго періода данныя о развитіи нашего сельскохозяйственнаго капитализма были сведены въ одну картину въ поучительной статьѣ г. *В. Распопина*: „Частновладѣльческое хозяйство въ Россіи (по земскимъ статистическимъ даннымъ") („Юридическій Вѣстникъ" 1887 г. №№ 11 и 12). Вотъ къ какимъ выводамъ пришелъ авторъ:

„Малый % запущенныхъ хозяйствъ (имѣній, сдаю-

щихся въ аренду мелкимъ съемщикамъ); значительное приложеніе улучшенныхъ орудій и машинъ къ земледѣлію и непрестанное ихъ распространеніе; совершающійся изъ года въ годъ во всѣхъ полосахъ Россіи переходъ отъ прежнихъ экстенсивныхъ системъ полеводства къ болѣе интенсивнымъ: къ многопольнымъ и плодосмѣннымъ, благодаря введенію въ посѣвы картофеля, свеклы и кормовыхъ травъ; почти во всѣхъ полосахъ Россіи рѣшительное преобладаніе хозяйствъ, особенно крупныхъ, съ вольнонаемнымъ трудомъ надъ хозяйствами съ другими родами труда; положительный прогрессъ въ молочномъ скотоводствѣ и сельскохозяйственно-техническомъ производствѣ—вотъ характерныя черты теперешняго состоянія частныхъ хозяйствъ на Руси. Чѣмъ крупнѣе имѣніе, тѣмъ рѣзче эти характерныя черты; въ мелкихъ частныхъ имѣніяхъ и крестьянскихъ хозяйствахъ онѣ едва замѣтны, пріобрѣтая полное право гражданства лишь въ имѣніяхъ свыше 500 д. Россія, раскинувшись по необъятной восточной равнинѣ Европы, переходя черезъ различныя широты, черезъ различныя климатическія полосы, отъ глинистой песчаной почвы сѣвера до глубокаго, тучнаго чернозема юга, представляетъ далеко не одинаковыя условія для однообразнаго хозяйства. Увеличившееся народонаселеніе и еще болѣе усилило черту различія, еще рельефнѣе провело ее по мѣсту условій, вліяющихъ на образованіе того или иного сельскохозяйственнаго производства. Въ то время, какъ въ однѣхъ губерніяхъ южной Россіи скотоводство существуетъ наравнѣ съ хлѣбопашествомъ, уступая, правда, ему все болѣе и болѣе пальму первенства, а въ центральной черноземной земледѣльческой полосѣ зерновое хозяйство дошло до nec plus ultra, въ промышленномъ москов-

скомъ районѣ зерновое хозяйство перестало быть исключительнымъ, перешло въ молочное; пашни здѣсь допускаются подъ луга и выгоны" (№ 12, стр. 638—639).

Новѣйшій оффиціальный обзоръ сельскаго хозяйства въ Россіи, изданный по поводу Колумбійской выставки (Сельское и лѣсное хозяйство Россіи. Спб. 1893 г. стр. 350) говоритъ, что хозяйство во владѣльческихъ имѣніяхъ „сдѣлало большіе успѣхи за послѣднія двадцать лѣтъ". Мы приведемъ еще одно весьма цѣнное для насъ указаніе по тому же вопросу изъ текущей земской статистики, наглядно рисующее прогрессъ частновладѣльческаго хозяйства подъ давленіемъ крестьянскаго разоренія. „Несомнѣнно, что паденіе цѣнъ отразилось на нашихъ хозяйствахъ удручающимъ образомъ, такъ какъ доходъ ихъ упалъ въ болѣе или менѣе значительной степени. Больше всего жалобъ на паденіе цѣнъ раздается изъ Ливенскаго уѣзда. И немудрено: соблазнительно высокія арендныя цѣны, раздутыя недавнимъ ненормально высокимъ поднятіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, въ Ливенскомъ уѣздѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ, развили между землевладѣльцами практику сдачи имѣній въ аренду. Съ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, арендаторы разорились, ... многіе арендаторы отказались отъ имѣній, и хозяева заводятъ въ нихъ экономическую запашку. Такимъ образомъ къ общей бѣдѣ, вызванной паденіемъ цѣнъ, приходилось прибавить заботы и затрату капиталовъ на заведеніе хозяйствъ въ имѣніяхъ, истощенныхъ и разоренныхъ арендаторами. Это вынужденное стремленіе увеличить экономическія запашки повторяется и во всѣхъ другихъ уѣздахъ. Отовсюду идутъ вѣсти либо о расширеніи экономическихъ запашекъ, либо о сохраненіи ихъ in statu quo ante. Если же изрѣдка и сооб-

щаютъ о сокращеніи ихъ, то лишь съ цѣлью улучшить ихъ обработку. На ряду съ расширеніемъ экономическихъ запашекъ повсюду наблюдается стремленіе замѣнить издѣльный трудъ батрацкимъ и избавиться отъ пользованія крестьянскимъ инвентаремъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается стремленіе усовершенствовать обработку полей введеніемъ улучшенныхъ орудій. Мало того, нововведенія не ограничиваются частными измѣненіями: реформа стремится охватить весь хозяйственный строй, измѣнить систему хозяйствъ, ввести травосѣянье, расширить и улучшить скотоводство, придать ему продуктивный характеръ; обращено вниманіе на маслодѣліе, и даже въ Елецкомъ уѣздѣ замѣчается разведеніе англійскихъ свиней. Все это едва-ли можетъ свидѣтельствовать объ упадкѣ хозяйствъ . . . .
. . . напротивъ, во всемъ этомъ наблюдается подъемъ Упадокъ характеризуется застоемъ, абсентеизмомъ, разореніемъ хозяйствъ; здѣсь же мы видимъ оживленную, осмысленную борьбу съ наступившимъ кризисомъ. А гдѣ борьба, тамъ не можетъ быть рѣчи о застоѣ, не можетъ быть рѣчи объ упадкѣ. Правда, судя по ограниченности свѣдѣній о такихъ прогрессирующихъ имѣніяхъ даже изъ уѣздовъ, наиболѣе обильныхъ корреспонденціями, можно думать, что они являются (покуда) единичными исключеніями. Это, какъ видно, тѣ имѣнія, владѣльцы которыхъ, не увлекшись заманчивою перспективою беззаботнаго полученія высокихъ арендъ, всегда продолжали вести свое хозяйство все тѣмъ же экономическимъ путемъ, что и нынѣ. Остальная же масса имѣній, съ рутиннымъ веденіемъ хозяйства частью, благодаря беззаботности хозяевъ, оказалась совершенно неподготовленною къ настоящему кризису, частью благодаря арен-

даторскому способу хозяйствованія была разорена арендаторами. И послѣднее, конечно, слѣдуетъ приписать не нынѣшнему паденію хлѣбныхъ цѣнъ, а прежнему высокому ихъ уровню. Но во всякомъ случаѣ даже и въ этихъ хозяйствахъ наблюдается расширеніе экономическихъ запашекъ и введеніе батрацкаго труда. Стало быть мы видимъ не упадокъ хозяйствъ, а лишь уменьшеніе ихъ доходности, при общемъ подъемѣ всего хозяйственнаго строя" (Сельскохоз. обзоръ Орловской губ. за 1887—1888 годъ. Изд. орл. губ. земства, стр. 124—126).

Значеніе прогрессивныхъ теченій въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ нисколько не можетъ ослабляться указаніемъ на задолженность дворянскаго землевладѣнія и другія явленія *оскудѣнія*. Дворянство, въ силу историческихъ условій, съ самаго начала являлось плохо приспособленнымъ къ настоящему сельскохозяйственному предпринимательству, и даже полное оскудѣніе его, въ которомъ я позволяю себѣ сомнѣваться, нисколько не говорило бы о нежизнеспособности средняго и крупнаго хозяйства въ Россіи. Негодные элементы, быть можетъ, будутъ просто вытѣснены годными; измѣнится, такъ сказать, личный составъ класса землевладѣльцевъ, но самый экономическій фактъ его существованія останется и значеніе этого факта можетъ и должно расти [1]). Съ другой стороны, при оцѣнкѣ „прогрессивныхъ теченій" въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ никогда не слѣдуетъ

[1]) Имѣется историческій прецедентъ: послѣдствія замѣны несвободнаго труда свободнымъ были въ Англіи XV в. «весьма близки къ тѣмъ, какія переживаетъ помѣстное сословіе въ современной намъ Россіи» (Максимъ Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. М. 1880, стр. 180). Но англійское дворянство «вышло неумаленнымъ въ своемъ экономическомъ благосостояніи изъ этихъ временныхъ затрудненій, хотя и растерявшимъ въ тоже время многихъ изъ своихъ членовъ» (стр. 185).

упускать изъ виду, что о крестьянствѣ въ настоящее время нельзя говорить, какъ о цѣломъ: параллельно, напр., съ распространеніемъ улучшенныхъ орудій на югѣ и востокѣ Россіи, тамъ же идетъ, быть можетъ, еще болѣе крупными шагами распаденіе крестьянства, и то и другое—результатъ проникновенія мѣнового хозяйства.

IX.

Развитіе русскаго капитализма и вопросъ о рынкахъ для него.

Россія не можетъ оставаться страной исключительно земледѣльческой и дальнѣйшее ея экономическое развитіе будетъ состоять въ ростѣ общественнаго раздѣленія труда—вотъ тотъ выводъ, къ которому мы пришли при разсмотрѣніи нашего аграрнаго строя. При современныхъ экономическихъ условіяхъ (паровой транспортъ и, благодаря ему, господство мѣнового хозяйства) это значитъ: Россія должна развивать у себя промышленный капитализмъ. Здѣсь умѣстно будетъ повторить нашъ взглядъ на вытѣсненіе натуральнаго хозяйства мѣновымъ и роль въ этомъ процессѣ промышленнаго капитализма. Послѣдній либо непосредственно вытѣсняетъ либо такъ или иначе подчиняетъ себѣ мелкое товарное (ремесленное или кустарное) производство; земледѣльческое же хозяйство лишается своего „автономнаго“ характера не въ силу непосредственнаго вторженія продуктовъ промышленнаго капитализма, а благодаря тому, что оно само въ большей или меньшей степени становится товарнымъ и подчиняется рынку. Поэтому, если вообще и можно говорить, что мѣновое хозяйство разоряетъ крестьянъ земледѣльцевъ (хотя это, конечно, въ столь общей формѣ невѣрно), то такую роль играетъ не промышленный капитализмъ, а вовлеченіе самого

крестьянскаго земледѣлія въ сферу товарнаго обращенія, или, выражаясь въ терминахъ г. —она [1]) *на капитализаціи земледѣльческихъ продуктовъ строится капитализація промысловъ, а не наоборотъ.*

Говоря это, мы отвергаемъ одно изъ самыхъ краеугольныхъ положеній народнической теоріи экономическаго развитія Россіи,—положеніе, что развитіе крупной обрабатывающей промышленности разоряетъ крестьянина-земледѣльца.

Но указываемая нами историческая необходимость и неизбѣжность развитія крупной обрабатывающей промышленности, капитализма въ узкомъ смыслѣ слова, какъ извѣстно, отрицается. Г-нъ В. В. построилъ цѣлую теорію, что русскій капитализмъ — „незаконное дитя исторіи" (выраженіе самого г. В. В.) и притомъ въ противоположность популярной презумпціи, по которой всѣмъ незаконнорожденнымъ „везетъ", дитя худосочное, обреченное „отцвѣсть, не успѣвши разцвѣсть". Теорія эта обставлена и статистическими цыфрами, и глубокомысленными общими соображеніями; въ послѣднее время къ этой теоріи присоединился г. Николай —онъ, подкрѣпивъ ее, впрочемъ, только своими соображеніями, а отнюдь не своими цыфрами.

Разсмотримъ же поближе этотъ взглядъ на экономическое развитіе Россіи. Прежде всего, что̀ понимаетъ г. В. В. подъ капитализмомъ? Это о̀чень важно установить, и мы увидимъ дальше, *почему*. Напомнимъ читателю, что мы подъ капитализмомъ, въ широкомъ смыслѣ слова, разумѣемъ экономическій строй, характеризую-

[1]) Мы пользуемся этими странными и крайне неудачными терминами, чтобы рельефнѣе выставить противоположность нашего взгляда взгляду г. —она.

щійся господствомъ мѣнового хозяйства, тотъ экономическій строй, который мы видимъ на западѣ Европы и въ Сѣверной Америкѣ, со всѣми его экономическими, соціальными и прочими тенденціями и послѣдствіями. Важнѣйшимъ изъ такихъ послѣдствій является централизація (или концентрація) промышленнаго производства, капитализмъ въ узкомъ смыслѣ слова.

Г-нъ В. В. въ анализъ понятія „капитализмъ" не вдался, а заимствовалъ его у Маркса, который имѣлъ въ виду, по преимуществу, капитализмъ въ узкомъ смыслѣ, какъ уже вполнѣ сложившійся продуктъ отношеній, развивающихся на почвѣ подчиненія производства обмѣну. Между тѣмъ для г. В. В. указанный анализъ былъ обязателенъ, такъ какъ объектомъ его изученія являлись первые шаги народнаго хозяйства на пути отъ натуральной организаціи къ товарной. Прежде чѣмъ ставить вопросъ: неизбѣженъ-ли для Россіи капитализмъ въ англійской формѣ, г. В. В. долженъ былъ поставить и разрѣшить другой, болѣе общій и потому болѣе важный вопросъ: неизбѣженъ-ли для Россіи переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и каково отношеніе капиталистическаго производства sensu stricto къ товарному производству вообще?

При *такой* постановкѣ вопроса у г. В. В. сохранилась бы правильная историческая перспектива и правильное пониманіе явленій экономической современности [1]).

[1]) Попытку поставить и рѣшить вопросъ о шансахъ прогрессивнаго развитія русскаго земледѣлія на почвѣ мѣнового хозяйства представляетъ позднѣйшая работа г. В. В. «Обмѣнъ и земледѣліе въ Россіи (Вѣстникъ Европы, 1883 г.). Но характерно для автора, что вопросъ о прогрессѣ сельскаго хозяйства разсматривается имъ при предположеніи сохраненія существующаго рѣзко земледѣльческаго характера страны. (См. объ этомъ ниже).

А то его неисторическая и некритическая постановка приводитъ къ тому, что недоумѣвающій читатель съ полнымъ правомъ можетъ спросить: не лучше-ли, прежде чѣмъ ставить частный вопросъ о судьбахъ капитализма въ Россіи, изслѣдовать шансы капитализма вообще, быть можетъ, дѣла капитализма вообще обстоятъ плохо, и Марксъ былъ неправъ, указывая на неизбѣжность развитія товарно-капиталистическаго производства изъ товарнаго производства вообще; быть можетъ, даже вытѣсненіе натуральнаго хозяйства мѣновымъ не неизбѣжно? Вѣдь указываетъ же г. В. В., что „народное производство поднимаетъ голову не въ одной Россіи: историческія условія стѣсняютъ свободный полетъ капитализма повсюду. Если хотите, только одна Англія можетъ быть названа страной чистаго капитализма; въ Америкѣ въ рукахъ крупнаго капитала находится фабричная промышленность, земля же въ большинствѣ случаевъ обрабатывается самими ея владѣльцами" (Судьбы капитализма, 185). При такихъ условіяхъ народникамъ всѣхъ странъ, право, слѣдовало бы, по меньшей мѣрѣ, учредить ассоціацію и собираться на періодическіе конгрессы! И чего только не сообщилъ г. В. В. своимъ читателямъ о мелкомъ производствѣ на Западѣ, которое „очень энергично борется съ крупнымъ" (стр. 117—124)! Въ довершеніе комизма, г. В. В. все время говоритъ о „Hausindustrie", этой, по мнѣнію западныхъ экономистовъ, самой зловредной формѣ *капиталистической* промышленности.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что г. В. В., выставляя цѣлую теорію, самъ не разобрался въ тѣхъ основныхъ экономическихъ явленіяхъ и понятіяхъ, съ которыми ему приходилось оперировать. Несмотря на

это, теорія г. В. В., къ сожалѣнію, пользуется огромной популярностью и это вынуждаетъ насъ считаться съ ней въ полномъ объемѣ...

Г-нъ В. В. и его послѣдователь г. —онъ запутались въ слѣдующемъ безысходномъ кругѣ: для развитія капитализма необходимо увеличеніе покупательной способности сельскаго населенія и въ то же время капитализмъ-то и разоряетъ это населеніе. Положеніе же о прогрессивномъ разореніи земледѣльческаго населенія капитализмомъ вытекаетъ въ этой теоріи, какъ мы видѣли, изъ неправильнаго взгляда на условія вытѣсненія натуральнаго хозяйства мѣновымъ и изъ упрощеннаго пониманія эволюціи сельскаго хозяйства. Выходъ изъ этого circulus vitiosus у нашихъ авторовъ могъ быть только утопическій: у г. В. В.—побѣда—впрочемъ, съ большими и очень важными ограниченіями—мелкаго народнаго (натуральнаго или товарнаго) производства надъ крупнымъ капиталистическимъ, у г. Н. —она—обобществленіе труда на почвѣ разореннаго, полунатуралбнаго, не раціональнаго крестьянскаго хозяйства. Такимъ образомъ, экономическая доктрина народничества—поскольку она выразилась въ работахъ гг. В. В. и Н. —она—своего рода Янусъ, смотрящій однимъ своимъ ликомъ въ прошлое, возвращеніе къ которому невозможно и утопично, другимъ ликомъ—въ будущее, тоже невозможное и утопическое, безъ тѣхъ промежуточныхъ звеньевъ, которыя отрицаются доктриной.

Между тѣмъ выходъ изъ народническаго заколдованнаго круга очень простъ, если только признать, что крестьянское разореніе есть результатъ роста населенія при слабомъ развитіи общественнаго раздѣленія труда и полной технической нераціональности крестьянскаго хо-

зяйства, съ необыкновенной быстротой вовлеченнаго въ сферу товарнаго обращенія и въ то же время несущаго (и еще болѣе несшаго) тяжелое податное бремя. Проникновеніе мѣнового хозяйства *осложнило* процессъ, главнымъ опредѣляющимъ факторомъ котораго является ростъ населенія, но оно же указываетъ и выходъ изъ нашего экономическаго убожества, наслѣдія натуральнаго хозяйства. *Россія изъ бѣдной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной*. Этотъ исторически необходимый процессъ очень труденъ—въ силу нашей культурной и экономической отсталости. Но, скажутъ намъ, Россіи для широкаго капиталистическаго развитія необходимы внѣшніе рынки, въ борьбѣ за которые всѣ шансы на сторонѣ ея противниковъ. Ясно, что эта безусловная необходимость внѣшнихъ рынковъ въ народнической теоріи экономическаго развитія Россіи прямо вытекаетъ изъ *невѣрнаго* положенія о капитализмѣ, какъ основной причинѣ крестьянскаго разоренія. Если падаетъ первое положеніе, съ нимъ вмѣстѣ рушатся и выводы изъ него, и—вся теорія.

Теорія г. В. В. покоится, въ нѣкоторомъ родѣ (какъ и подобаетъ самобытному ученію), на трехъ китахъ. Первый китъ это—нашъ самобытный аграрный строй (община и все прочее), второй—наша мелкая кустарная или такъ-называемая „народная" промышленность; третій, самый важный для всей аргументаціи, китъ—чисто отрицательнаго свойства: необходимость для широкаго развитія русскаго капитализма внѣшнихъ рынковъ, которыхъ ему, однако, по историческимъ условіямъ, никогда не удастся завоевать.

Мы остановимся прежде всего на послѣднемъ аргу-

ментѣ, который, повидимому, настолько непреложенъ, что г. Н. —онъ принимаетъ его цѣликомъ. А между тѣмъ при ближайшемъ разборѣ этотъ аргументъ не выдерживаетъ критики, на что въ нашей литературѣ въ свое время было указано гг. Каблуковымъ и Исаевымъ. Аргументація г. В. В. опирается на цѣлую своеобразную теорію рынковъ и кризисовъ въ *капиталистическомъ* обществѣ [1]). Теорія эта сводится къ тому, что въ *сложившемся* капиталистическомъ обществѣ, которое мыслится нашимъ авторомъ состоящимъ *исключительно изъ предпринимателей и рабочихъ*, существуетъ постоянный *излишекъ товаровъ*, который не можетъ быть потребленъ внутри даннаго общества и долженъ поэтому искать *внѣшнихъ рынковъ*.

Эта теорія вѣрна, поскольку она констатируетъ тотъ фактъ, что прибавочная стоимость не можетъ быть реализована въ потребленіи ни капиталистовъ, ни рабочихъ, а предполагаетъ потребленіе третьихъ лицъ [2]). Но, *во-1-хъ*,

---

[1]) Теорія эта изложена въ статьяхъ: «Излишекъ снабженія рынка товарами» («Отеч. Записки» 1883, № 7) и «Милитаризмъ и капитализмъ» («Русская Мысль», 1889, № 9). Превосходную критику послѣдней статьи далъ г. Мануйловъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» (1890 г. № 1).

[2]) Иначе рѣшается вопросъ М. И. Туганъ-Барановскимъ въ его изслѣдованіи «Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь» (Спб. 1894). Случай, представленный имъ въ схемѣ № 3 (стр. 422—427) теоретически мыслимъ, но онъ неизбѣжно требуетъ или прогрессивнаго уменьшенія числа занятыхъ *во всемъ національномъ производствѣ* рабочихъ, или прогрессивнаго же паденія средней абсолютной заработной платы. Между тѣмъ экономическое развитіе Европы въ XIX в. обнаруживаетъ явленія противоположныя: огромный ростъ всего населенія и числа занятыхъ рабочихъ и въ общемъ повышеніе абсолютной заработной платы. При условіи культурнаго и техническаго прогресса, ни уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ, ни паденіе з. п. невозможно a la longue для цѣлаго народнаго хозяйства даже и при капиталистической организаціи.

никакое, даже наиболѣе „капитализировавшееся" (по странной терминологіи г. В. В.) общество не состоитъ исключительно изъ промышленныхъ предпринимателей и рабочихъ. Даже въ Англіи и Уэльсѣ изъ 1.000 человѣкъ, способныхъ къ труду, приходится: 545 на промышленность, 172 на торговлю, 140 на сельское хозяйство, 81 на неопредѣленный и мѣняющійся наемный трудъ и 62 на государственную службу, либеральныя профессіи и т. д. *Во-2-хъ*, тотъ фактъ, что *потребленіе третьихъ лицъ* внутри страны не можетъ быть достаточно широко для того, чтобы на него могло опираться въ своемъ развитіи капиталистическое производство, этотъ фактъ долженъ быть спеціально доказанъ. Для Россіи подобное положеніе недоказуемо. Мало того, г. В. В. самъ проговаривается цѣлой *программой* развитія русскаго капитализма. Послѣдній „въ своемъ стремленіи овладѣть производствомъ... не долженъ основываться на методѣ, выработанномъ Англіей, а за совѣтомъ пусть лучше обратится къ Америкѣ, придерживавшейся другой системы (sic!). Система эта, какъ мы видѣли, построена на развитіи благосостоянія собственнаго населенія, которое достигалось, во-первыхъ, высокой заработной платы, во-вторыхъ, созданіемъ самостоятельнаго и богатаго класса мелкихъ земледѣльцевъ. Къ тому же долженъ стремиться и нашъ капитализмъ. Насколько возможно сознательное возвышеніе заработной платы при господствѣ конкурренціи — мы говорить не станемъ; зато несомнѣнно, что улучшеніе положенія земледѣльца, упроченіе его хозяйствен-

---

Туганъ-Барановскій такъ же какъ и г. В. В. выходитъ изъ предположенія общества, состоящаго исключительно изъ предпринимателей и рабочихъ и не сбывающаго своихъ продуктовъ заграницу.

ной самостоятельности есть дѣло рукъ человѣческихъ, и что классъ фабрикантовъ, какъ представляющій изъ себя общественную силу, может, если пожелаетъ, вложить свою лепту въ это дѣло. Съ другой стороны, весьма вѣроятно, что исторія послѣдняго пятилѣтія, съ его быстрымъ оживленіемъ промышленности и столь же быстрымъ ея упадкомъ, не могла не повліять на нашихъ фабрикантовъ въ смыслѣ уясненія зависимости ихъ собственнаго благополучія отъ благосостоянія массы мелкихъ земледѣльцевъ. Если все это вѣрно, то этимъ очерчиваются и границы господству капитализма [1]) въ Россіи: земледѣльческій промыселъ долженъ быть изъятъ изъ подъ его руководства, но и въ сферѣ обрабатывающей промышленности развитіе его не должно дѣйствовать черезчуръ (sic!) разрушительно на кустарные промыслы, представляющіеся, по нашимъ климатическимъ условіямъ, необходимыми для благосостоянія значительной части населенія". Въ этихъ словахъ [2]), повторяемъ,—цѣлая программа какъ развитія русскаго капитализма, такъ и—implicite—соотвѣтствующей государственной политики. Выполненіе этой программы окончательно отниметъ почву у всѣхъ народническихъ мечтаній, такъ какъ оно осуществитъ самое опасное для нихъ совпаденіе интересовъ промышленной буржуазіи и экономически крѣпкаго крестьянства.

Указывая на невозможность развитія капитализма въ Россіи *по англійскому шаблону*, г. В. В. тѣмъ самымъ блистательно обличилъ отмѣченную нами выше непра-

---

[1]) Т.-е. капитализма въ узкомъ смыслѣ слова по нашей терминологіи. *П. С.*

[2]) Замѣчаніе о кустарной промышленности мы теперь оставляемъ въ сторонѣ.

вильность въ своей собственной постановкѣ вопроса о судьбахъ капитализма въ Россіи.

Ошибки г. В. В. въ свое время съ замѣчательнымъ искусствомъ были раскрыты г. Каблуковымъ („Юридическій Вѣстникъ", 1883, т. XIII. Экономическая хроника, стр. 67—95). Онъ указалъ, что „отсутствіе внѣшняго рынка не составляетъ еще препятствія для развитія капитализма и что въ такой обширной странѣ, какъ Россія, и внутренній рынокъ достаточно еще великъ, чтобы на почвѣ его могъ развиваться капитализмъ, разъ только главная часть населенія страны, живущаго до сихъ поръ земледѣльческимъ трудомъ, будетъ поставлена въ условія, благопріятныя какъ для хлѣбнаго производства, такъ и для развитія своего благосостоянія и своихъ потребностей". Къ сожалѣнію, статья г. Каблукова въ настоящее время *почти забыта*, настолько забыта, что я, высказавъ ту же самую мысль въ моей нѣмецкой статьѣ [1]) о книгѣ г. —она (Zur Beurtheilung der kapitalistischen Entwicklung Russlands. Sozialpolitisches Centralblatt, III Jahrgang № 1) очень изумилъ ею г. Кривенко (см. „Русское Богатство", 1893, декабрь, „По поводу культурныхъ одиночекъ", стр. 185).

Г. Н. —онъ, помимо главнаго своего положенія, что „капитализація промысловъ" есть основная, доминирующая причина ухудшенія положенія земледѣльческихъ классовъ, привелъ рядъ теоретическихъ соображеній о томъ, что капитализмъ требуетъ для своего развитія внѣшнихъ рынковъ. Соображенія эти отличаются и меньшей продуманностью, и меньшей оригинальностью, чѣмъ мысли

---

[1]) Когда я писалъ эту статью, я самъ не былъ еще знакомъ со статьей г. Каблукова и, къ сожалѣнію, не могъ поэтому на него сослаться.

г. В. В. Въ значительной мѣрѣ г. —онъ просто *повторяетъ* (на стр. 203—205) то, что говорилъ авторъ „Излишка снабженія рынка товарами". Подобно г. В. В., и г. —онъ пользуется также фикціей, по которой все современное общество состоитъ только изъ капиталистовъ и рабочихъ. Эта фикція, конечно, не можетъ ни на волосъ подвинуть насъ впередъ въ дѣлѣ выясненія какого-либо историческаго процесса. Весь *сложный* вопросъ объ условіяхъ развитія капиталистическаго производства рѣшается г. —ономъ на основаніи *очень несложныхъ* общихъ разсужденій, повторяющихъ одно отрывочное замѣчаніе изъ II т. „Капитала" (р. пер. стр. 232) [1]) и плохо понятую „несомнѣннымъ марксистомъ" теорію резервной арміи *промышленности*. Въ непониманіи или извращеніи этой теоріи г. —онъ можетъ успѣшно конкуррировать съ почтеннымъ профессоромъ Ю. Вольфомъ, который утверждалъ, что по Марксу въ капиталистическомъ обществѣ отношеніе рабочихъ, находящихъ работу, къ общему числу всего населенія прогрессивно падаетъ (*J. Wolf.* Sozialismus u. kapitalistische Gesellschaftsordnung 259, ср. цит. выше рецензію *Зомбрата* въ *Brauns* Archiv V 495—496). Между тѣмъ, по Марксу, при развитіи капиталистическаго накопленія, абсолютное число занятыхъ рабочихъ растетъ, хотя отношеніе между перемѣннымъ и постояннымъ капиталомъ измѣняется въ пользу послѣдняго (ср., напр., Das Kapital 3 Aufl. 658—659). Вся экономическая исторія Западной Европы и Сѣверной Америки свидѣтельствуетъ

---

[1]) Опираясь на это мѣсто, можно поддерживать «желѣзный законъ» заработной платы, отвергнутый и опровергнутый между прочимъ самимъ Марксомъ, и невѣрный совершенно независимо отъ того, какъ относиться къ общему ученію Мальтуса о населеніи.

объ этомъ абсолютномъ увеличеніи числа рабочихъ, несмотря на измѣненія въ технологическомъ основаніи промышленности. Въ періодъ же молодости капиталистическая промышленность сильно расширяется и на прежнемъ технологическомъ основаніи, не говоря уже о томъ, что для нѣкоторыхъ ея отраслей самое измѣненіе въ отношеніи между перемѣннымъ и постояннымъ капиталомъ доступно въ очень незначительной степени (таковы, напр., горные промыслы, хотя, конечно, и въ нихъ, какъ извѣстно, производительность труда можетъ быть весьма значительно повышена).

Если, какъ мы пытались показать выше, не капитализмъ виновникъ крестьянской бѣдности, если прогрессъ обрабатывающей промышленности, создавая рынокъ для продуктовъ раціональнаго сельскаго хозяйства, есть необходимое условіе прогрессивнаго развитія послѣдняго и vice versa, то и вопросъ о рынкахъ для нашей обрабатывающей промышленности рѣшается нами совершенно иначе, чѣмъ гг. народниками. Нашъ внутренній рынокъ будетъ прогрессивно расти. Производственный прогрессъ земледѣльческаго хозяйства является для крестьянскаго населенія вопросомъ *существованія*, а всякій шагъ впередъ на этомъ пути, увеличивая благосостояніе жизнеспособныхъ въ экономическомъ отношеніи элементовъ крестьянства, будетъ, какъ совершенно правильно замѣтилъ г. В. В, расширять рынокъ для продуктовъ капитализма. Рядомъ съ этимъ будетъ все больше и больше вытѣсняться натуральное хозяйство и, такимъ образомъ, потребности населенія будутъ не только расти, но и преобразовываться; создадутся совершенно новыя, немыслимыя при слабомъ развитіи обмѣна, отрасли промышленности. Не надо забывать, что съ постройкой Сибир-

ской или—надо надѣяться—сѣти сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ, значеніе Азіатской Россіи, какъ рынка для произведеній нашей обрабатывающей промышленности, возрастетъ во много разъ. Центральная Азія, или вѣрнѣе извѣстная ея часть, является даже при современныхъ условіяхъ сообщеній серьезнымъ рынкомъ для нѣкоторыхъ русскихъ продуктовъ.

За 13 лѣтъ (1878—1891) „нашъ торговый оборотъ по азіатской границѣ увеличился болѣе, чѣмъ въ три раза; причемъ бóльшая часть увеличенія приходится на *вывозъ*, который *возросъ въ 9 разъ*“ (курсивъ нашъ, *Моревъ*, „Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи“. Изд. 3-е. Спб. 1893). Въ частности „персидскій рынокъ является главнымъ рынкомъ центральной Азіи для сбыта русскаго хлопчатобумажнаго товара“ („Вѣстникъ Финансовъ“, 1893, №№ 20, 21, 23, „Финансовое и экономическое положеніе и торговля Персіи“). „Общая цѣнность ввезеннаго въ 1892 году въ Персію сахара опредѣляется въ 4.071.000 рублей, представляя увеличеніе за шесть лѣтъ болѣе чѣмъ въ четыре раза [1]). Не менѣе значительно развитіе отпуска нашего мануфактурнаго товара въ Персію, главнымъ образомъ ситцевъ, холста и миткалей“ (тамъ же) „Русскимъ товарамъ открытъ обезпеченный рынокъ сбыта въ Персіи“—таковъ общій выводъ автора статьи въ „Вѣстникѣ Финансовъ“.

Менделѣевъ („Толковый тарифъ“, стр. 370) предсказываетъ Донецкому краю блестящую промышленную будущность, и намъ это предсказаніе представляется вѣрнымъ. А будущая Донецкая промышленность можетъ явиться, благодаря своимъ необыкновенно выгоднымъ

1) Вывозныя преміи и закрытіе закавказскаго транзита.

географическимъ условіямъ—сильнымъ конкуррентомъ западно-европейской индустріи на рынкахъ Балканскаго полуострова и Передней Азіи.

Когда, въ 50-хъ годахъ, извѣстный *Тенгоборскій* развивалъ нѣчто въ родѣ теоріи г. В. В. о судьбахъ обрабатывающей промышленности въ Россіи, то онъ былъ до извѣстной степени правъ: при тогдашнихъ путяхъ сообщеній, дѣйствительно, не было условій промышленнаго развитія; при тогдашнихъ экономическихъ перспективахъ вообще трудно еще было его предвидѣть [1])

[1]) Тенгоборскій стоялъ на наивной точкѣ зрѣнія (объясняемой, впрочемъ, условіями того времени), по которой широкое промышленное развитіе обусловливается исключительно работой на внѣшній рынокъ. Значеніе внутренняго обмѣна и его роста, подъ вліяніемъ парового транспорта, игнорировалась имъ (ср. «Etudes sur les forces productives de la Russie». T. I, 102). Онъ, подобно современнымъ народникамъ, очень благосклонно относился къ кустарной промышленности. «Эта промышленность приняла, такъ сказать, народный характеръ... не отнимая рукъ отъ земледѣлія, не отвращая крестьянина отъ семейной жизни, не влача за собой большихъ неудобствъ и гибельныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ умноженія и сосредоточиванія рабочихъ классовъ въ большихъ городахъ, не зарождая пролетаріата, этого бича новѣйшихъ обществъ, именно она, эта сельская промышленность... заслуживаетъ, преимущественно передъ другими, охраны и покровительства». Переводчикъ и комментаторъ Тенгоборскаго, знаменитый либеральный экономистъ *И. В. Вернадскій* стоялъ на совсѣмъ иной точкѣ зрѣнія. Возражая Тенгоборскому, онъ совершенно правильно замѣчаетъ: «затрудненія для мануфактурной дѣятельности въ Россіи находятся не столько въ природѣ страны, сколько въ ея теперешнемъ положеніи, которое можетъ со временемъ измѣниться. Знанія и капиталы пріобрѣтаются, общественное положеніе (?) лицъ измѣняется, а потому можно согласиться съ авторомъ только въ смыслѣ настоящаго положенія вещей» (примѣч. на стр. 19 русскаго перевода «О произв. силахъ Россіи». Часть II, отд. 2-е. Спб. 1858). Но другой русскій экономистъ того же времени *Горловъ*, повидимому, склонялся ко взгляду Тенгоборскаго. Говоря въ 1849 г. о положеніи русской обрабатывающей промышленности, онъ замѣчаетъ: До настоящей мануфактурной системы—factory System—еще далеко, и мы не полагаемъ, чтобъ эта система могла составить благоденствіе народа съ своими огромными фабриками, съ своимъ населеніемъ мастеровыхъ, съ своими законами

Теперь положеніе вещей какъ разъ обратное. Именно благодаря своей территоріальной громадности, которая равносильна обширному, а при условіи прогрессивнаго вытѣсненія натуральнаго хозяйства денежнымъ постоянно и быстро растущему внутреннему рынку, Россія можетъ ceteris paribus быстрѣе всѣхъ другихъ государствъ развивать свою обрабатывающую промышленность. Такое положеніе вещей прекрасно понимается западными экономистами. Такъ, *Адольфъ Вагнеръ* указываетъ, что Великобританія съ ея колоніями, Сѣверо-Американская республика и Россія, обнимая, каждая, огромныя пространства съ самыми разнообразными естественными условіями внутри одного политическаго цѣлаго,могутъ являться и самодовлѣющими *экономическими* цѣлыми, въ противоположность сравнительно маленькимъ государствамъ Средней Европы (*A. Wagner*. Grundlegung der politischen Oekonomie 3-te Auflage. Erster Theil 2-ter Halbband. Leipzig, 1893. 644—648 [1]). Въ особенности велика въ этомъ оснощеніи *аналогія* между Россіей и Соединенными Штатами. Несмотря на всѣ различія въ

о бѣдныхъ, съ своимъ богатствомъ фабрикантовъ и убогостью, невѣжествомъ рабочихъ. Защитники мануфактурной системы видятъ только ея блестящую сторону, увлекаются примѣромъ Англіи... но они забываютъ, что бѣдность и невѣжество людей, которые работаютъ эти сокровища и производятъ элементы могущества, подвергаютъ опасности и скусственное существованіе той же Англіи» («Обозр. эк. статистики Россіи». 1849, стр. 201). Это уже отголоски Сисмонди и вообще критики капиталистическаго строя. Горлову же принадлежитъ слѣдующая поразительно смѣлая для того времени и особенно для ученика англійской школы мысль: фабричная промышленность—«одна лишь преходящая форма промышленности, которая возникла изъ общественныхъ отношеній и которой, въ свою очередь, предлежитъ погибнуть, равно какъ раздробленной, мелкой ремесленности» (l. c. 46).

[1]) Ту же мысль проводитъ *Шеффле* въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ о торговой политикѣ въ «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft». за 1893 г.

историческомъ развитіи, въ политическомъ и культурномъ уровнѣ обѣихъ странъ, аналогія эта имѣетъ огромное значеніе.

X.

Чему учитъ американское народное хозяйство?

Развивая свой взглядъ на экономическое развитіе Россіи, г. Н. —онъ вкладываетъ въ уста своимъ противникамъ слѣдующее разсужденіе: „все... дѣло времени... не сегодня такъ завтра наступятъ красные дни... если нашъ внутренній рынокъ окажется недостаточнымъ, мы завоюемъ внѣшній... тогда промышленность и торговля будутъ преуспѣвать, занятій хватитъ на всѣхъ... у насъ столько естественныхъ богатствъ, что мы завалимъ ими весь міръ. Да развѣ Сѣверная Америка не доказываетъ?“ (стр. 202).

Если примѣръ Сѣверной Америки что-нибудь доказываетъ, то только одно, а именно, что, *при извѣстныхъ условіяхъ, капиталистическая промышленность можетъ получить очень широкое развитіе, опираясь почти исключительно на внутренній рынокъ.*

Эти предпосылки, какъ мы уже указывали выше, въ въ Россіи на лицо: огромная территорія съ абсолютно громаднымъ населеніемъ и необыкновеннымъ разнообразіемъ естественныхъ условій, допускающимъ очень широкое раздѣленіе труда внутри одного политическаго цѣлаго. Низкая производительность народнаго труда въ настоящее время даетъ огромный просторъ ея повышенію въ будущемъ, не говоря уже о томъ, также отмѣченномъ нами выше, обстоятельствѣ, что капитализму остается еще отнять у натуральнаго хозяйства огромную территорію. Процессъ нашего капиталистическаго

развитія будетъ, конечно, въ силу нашей экономической и общекультурной отсталости идти медленнѣе, чѣмъ въ Америкѣ, и носить очень болѣзненный характеръ. Съ этимъ нужно считаться. Но, если вообще Россія способна *развиваться* въ экономическомъ отношеніи, то это развитіе будетъ состоять именно въ приближеніи къ тому народнохозяйственному типу, представительницей котораго является Американская республика. Примѣръ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ воочію показываетъ, что при современныхъ экономическихъ условіяхъ (паровой транспортъ и т. д.) необходимо извѣстное гармоническое развитіе всѣхъ сторонъ народнаго хозяйства, т.-е. и земледѣлія, и обрабатывающей промышленности. Сравненіе Сѣверной Америки и Россіи прекрасно иллюстрируетъ мысль Листа объ экономическомъ превосходствѣ Agriculturmanufacturstand'а надъ Agriculturstand'омъ [1]) Этотъ характеръ американскаго народнаго хозяйства, а также то обстоятельство, что г. —онъ, для доказательства своихъ положеній, часто обращается къ нему, вынуждаетъ и насъ сдѣлать то же самое.

Прежде всего слѣдуетъ устранить заблужденіе, въ которое г. Н.—онъ былъ введенъ, къ сожалѣнію, повидимому, самимъ авторомъ „Капитала" (см. „Очерки наш. пореф. общ. хоз.", стр. 69 и 70). Въ Сѣверной Америкѣ желѣзныя дороги вовсе не были, по отношенію

---

[1]) Насколько сознаніе необходимости эволюціи нашего народнаго хозяйства въ этомъ направленіи уже назрѣло—несмотря на туманъ, напущенный фразами о «земледѣльческой странѣ»—доказываетъ, напримѣръ, утопическій проектъ В. Е. Постникова (l. c. 344—345), который предлагаетъ организацію земледѣльческо-ремесленно-заводской общины. Въ основѣ этого и другихъ подобныхъ проектовъ лежитъ полное непониманіе массоваго характера современнаго товарнаго производства, развитіе котораго дѣлаетъ невозможнымъ всякое автономное хозяйство, даже—въ предѣлахъ цѣлой общины.

къ капитализму, couronnement de l'oeuvre; наоборотъ, здѣсь они явились главнымъ опредѣляющимъ моментомъ экономическаго развитія страны [1]). *Безъ нихъ оно было бы совершенно невозможно и непонятно.*

Подъ давленіемъ новыхъ условій, созданныхъ паровымъ транспортомъ, Сѣверная Америка съ 1861 г. [2]) окончательно перестаетъ быть чисто земледѣльческой страной и съ необыкновенной быстротой развиваетъ обрабатывающую промышленность. Это развитіе опирается почти исключительно на внутренній рынокъ [3]).

Въ экспортѣ Соединенныхъ Штатовъ произведенія „американской обрабатывающей промышленности,—говоритъ Зерингъ (l. c. 177),—въ общемъ играютъ незначительную роль; Америка экспортируетъ преимущественно сырье и получаетъ взамѣнъ его отъ насъ тонкіе промышленные продукты. Только отдѣльныя, особенно прогрессивныя отрасли промышленности, и на первомъ мѣстѣ производство машинъ, оказались способными къ конкурренціи на всемірномъ рынкѣ. *Въ общемъ же ростъ американской промышленности основывается исключительно на потребностяхъ внутренняго, охраняемаго пошлинами, рынка*" (курсивъ нашъ). Другой изслѣдователь *Тотисъ* [4]), говоря объ американскомъ экспортѣ, замѣчаетъ, что если мы обратимся къ американской крупной промышленности, то, принимая въ соображеніе ея техниче-

---

[1]) Sering l. c. 63—75. Скворцовъ. «Вліяніе», 486—501.

[2]) Съ этого же года начинается второй періодъ американскаго протекціонизма (первый продолжался съ 1816 по 1846). Mayo Smith a. Seligman, The commercial Policy of the United States of America 1860—1890 (Schriften d. Vereines f. Socialpolitik. XLIX).

[3]) Это фактическое положеніе вещей не могло не отразиться и на теоріи: примѣръ—Гентонъ, который строитъ цѣлое ученіе о предпочтительности внутренняго рынка передъ внѣшнимъ.

[4]) Totis. Die wirtschaftlichen Verhältnisse d. Ver. Staaten. Berlin. 1881.

свій уровень, ея участіе въ экспортѣ, слѣдуетъ признать чуть-что не „жалкимъ“ (l. c. 30, см. тамъ же отдѣльные примѣры, 30—32). И въ то время, какъ процентное отношеніе между земледѣльческими продуктами и мануфактурными издѣліями въ американскомъ экспортѣ за 1870—1890 гг. почти не измѣнилось [1]), ростъ американской обрабатывающей промышленности за время 1870—1880 гг. происходилъ еще энергичнѣе, чѣмъ ростъ земледѣлія [2]). Сравнительное значеніе главнѣйшихъ экспортирующихъ странъ прекрасно иллюстрируется слѣдующей табличкой, относящейся къ 1882 г. (T. Laves, Fabrikatenexport der hervorragendsten Industrieländer, Schmollers Jahrbuch 1886, 247—253).

ЭКСПОРТИРУЮЩІЯ СТРАНЫ.	Участіе въ экспортѣ произведеній обрабатывающей промышленности вообще.			Участіе въ экспортѣ текстильныхъ товаровъ.	
	Абсолютно. Въ милл. марокъ.	На душу населенія. Въ маркахъ.	Въ %.	Абсолютно.	Въ %.
Великобританія	3.383,0	95,3	46,40	2.322,0	52,42
Франція	1.437,5	38,4	19,85	995,8	22,48
Германія	1.318,5	29,1	18,05	588,0	13,27
Бельгія	363,3	64,3	4,95	172,0	3,88
Австрія	319,1	8,2	4,35	126,0	2,84
Швейцарія	218,0	75,7	3,00	152,7	3,45
Соединенные Штаты . .	249,6	4,8	3,40	71,4	1,61

[1]) Ср. таблицу экспорта у Mayo-Smith a. Seligman l. c. 48.

[2]) Статистическія данныя см. у Schäffle, Die amerikanische Konkurrenz im Lichte d. jüngsten Census. Zeitschrift f. d. gesamte Staatswissenschaft, 1885 и 1886, а также Скворцовъ, Вліяніе и т. д. въ особ. стр. 360—361.

Ничтожное участіе Америки въ общемъ индустріальномъ экспортѣ выступаетъ тутъ съ достаточной ясностью.

Самое развитіе сельскаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ очень поучительно для насъ и говоритъ оно совсѣмъ другое, чѣмъ думаетъ г. Н. —онъ.

Г. —онъ пугаетъ насъ возрастающей производительностью труда, которая, будто бы, обезземеливаетъ даже американскихъ фермеровъ. Изъ фактовъ американскаго сельскаго хозяйства авторъ черпаетъ подтвержденіе своего взгляда, что „капитализація обрабатывающей промышленности и отдѣленіе ея отъ земледѣлія есть коренная причина ухудшенія хозяйственнаго положенія земледѣльческихъ классовъ“ (229).

Къ сожалѣнію, мы не можемъ согласиться съ авторомъ, когда онъ на той же страницѣ говоритъ, что въ его взглядахъ нѣтъ ничего новаго. Того, что говоритъ г. Н. —онъ объ американскомъ сельскомъ хозяйствѣ, не высказывалъ никто до него. Если Пефферъ [1]) и говоритъ о бывшемъ нѣкогда у американскихъ фермеровъ натуральномъ хозяйствѣ, то при этомъ онъ имѣетъ въ виду, конечно, фермеровъ восточныхъ штатовъ или Стараго Запада, потому что фермеры Новаго Запада никогда ничѣмъ другимъ не были, какъ производителями какого-нибудь опредѣленнаго товара (скота, пшеницы): не даромъ же населеніе шло за желѣзными дорогами, а не наоборотъ. Все грандіозное развитіе американскаго сельскаго хозяйства за послѣднія 20—25 лѣтъ предполагаетъ отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія и внѣ его не было бы мыслимо. Данныя, которыя приводитъ Г. — онъ въ подтвержденіе своего

[1]) Книги Пеффера, на которую ссылается г. —онъ, у меня не было подъ руками. Но именно потому, что Пефферъ представитель Farmers Alliance, къ его словамъ слѣдуетъ относиться съ удвоенной осторожностью.

страннаго взгляда, свидѣтельствуютъ только объ одномъ, установленномъ и западноевропейскими изслѣдователями и цензомъ 1880 г. фактѣ, что односторонняя культура пшеницы становится все менѣе и менѣе выгодной. Одинъ удачный годъ, какимъ былъ для американскаго сельскаго хозяйства жестокій для Россіи 1891 г., не можетъ существенно измѣнить этого положенія. Отъ него не уйдутъ и „пшеничныя фабрики", которыя въ изложеніи г. Ник. —она играютъ роль „капиталистическаго пугала". Болѣе того: судьба этихъ громадныхъ предпріятій, основанныхъ на массовомъ производствѣ одной пшеницы, можетъ оказаться еще плачевнѣе, чѣмъ судьба мелкихъ фермъ, для которыхъ переходъ къ болѣе раціональной смѣшанной культурѣ —mixed farming, конечно, легче. Вотъ что говоритъ извѣстный изслѣдователь американской конкурренціи Зерингъ, на котораго намъ уже не разъ приходилось ссылаться: „когда говорятъ объ опасности американской конкурренціи, то обыкновенно имѣютъ въ виду то массовое производство, похожее на фабричное, которое выражается въ эксплуатаціи большихъ пространствъ земли, всѣми средствами раффинированной техники и съ возможно меньшей затратой труда и капитала, безъ всякаго возврата землѣ отнятыхъ у нея питательныхъ веществъ. На самомъ дѣлѣ при такомъ способѣ хозяйства издержки производства на каждый бушель пшеницы чрезвычайно низки. *Но подобное экстензивное хозяйство даетъ и на лучшей почвѣ низкіе урожаи и связано съ опредѣленными экономическими и сельскохозяйственными условіями*; оно выгодно только въ эпоху самаго перваго заселенія, когда населеніе немногочисленно и приходящееся на душу его и на каждаго земельнаго собственника пространство удобной земли ве-

лико, пока цѣны на землю низки, возможность сбыта на мѣстѣ невелика, рабочія силы и капиталы дороги" (l. c. 572).

Интенсификація американскаго сельскаго хозяйства въ полномъ ходу: объ этомъ краснорѣчиво говорятъ факты, собранные Зерингомъ на мѣстѣ еще въ 1884 г.

Въ Калифорніи несостоятельность массоваго, исключительно пшеничнаго, производства и крупныхъ фермъ, на которую указывалъ уже Зерингъ (253—254), сказалась, повидимому, въ настоящее время уже вполнѣ ясно. Самый крупный изъ тамошнихъ производителей пшеницы, по словамъ Рудольфа Мейера (Neue Zeit. XI, I, 306), уже ликвидировалъ свои дѣла. Огромная Bell-farm въ Канадѣ обанкрутилась и была продана въ раздробь. У Дальримпля, въ Сѣверной Дакотѣ, получаются вдвое меньшіе урожаи, чѣмъ тамъ же на хорошо обрабатываемыхъ мелкихъ фермахъ, гдѣ очевидно, ведется менѣе одностороннее, болѣе раціональное хозяйство (R. Meyer l. c). „Если цѣны въ слѣдующіе годы не подымутся, то Дальримпль скоро *будетъ вынужденъ* ликвидировать свое хозяйство". На эфемерное и подчиненное значеніе *этого* крупнаго производства и на экономическую необходимость перехода къ болѣе интенсивному и многостороннему хозяйству (mixed farming), при которомъ эксплуатируемая площадь не можетъ быть такъ велика, указывалось и въ отчетѣ ценза за 1880 г. (ср. Schäffle [1]) l. c. 50).

Этой глубокой эволюціей въ народномъ хозяйствѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, выражающейся въ переходѣ къ новымъ системамъ полеводства

---

[1]) Шеффле самъ рѣзко подчеркиваетъ этотъ выводъ.

и хозяйства[1]), объясняется въ значительной мѣрѣ и то явленіе, которое г. —ону представляется, повидимому, трагическимъ результатомъ отдѣленія обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія: забрасываніе фермъ. „Въ Америкѣ земельныя владѣнія невѣроятно часто мѣняютъ своихъ владѣльцевъ, фермеры, не долго думая, оставляютъ свою профессію, если они расчитываютъ инымъ какимъ-нибудь способомъ заработать больше; они мѣняютъ свое мѣстожительство, какъ торгаши лавочку" (Sering 1 c. 172). Внутреннія переселенія (interstate migration) играютъ даже болѣе крупную роль въ американскомъ народномъ хозяйствѣ, чѣмъ иммиграція европейцевъ (Sering l. c. 86—103, Ratzel Politische u. Wirthschaftsgeographie d. Vereinigten Staaten v. America. München 1893, 366 ff.). Естественно, что, когда является необходимость вести болѣе раціональное (и въ то же время болѣе интенсивное) хозяйство, масса людей предпочитаетъ выселиться туда, гдѣ хозяйничать легче и проще. „Депопуляція" сельскихъ округовъ, констатируется, главнымъ образомъ, въ тѣхъ штатахъ, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ естественныя условія (а роль ихъ, какъ мы уже знаемъ, становится доминирующей только при господствѣ пароваго транспорта) мало благопріятны для земледѣлія (въ особ. въ узкомъ смыслѣ). Таковы Вермонтъ, Мэнъ, Нью-Гэмпширъ[2]), на кото-

[1]) Г. —ону извѣстны, конечно, факты, относящіеся къ этому процессу, но онъ, повидимому, не понимаетъ (ср. стр. 209—210 «Очерковъ») ихъ значенія и говоритъ о нихъ, точно «хлѣбопашество» существуетъ отдѣльно отъ другихъ сельскохозяйственныхъ производствъ. Въ особенности это невѣрно по отношенію къ скотоводству, которое опирается на производство *маиса* и которое сосредоточено въ области, по даннымъ ценза 1880 г. производившей болѣе половины всей пшеницы, собираемой въ Соединенныхъ Штатахъ.

[2]) Ср. Sering l. c. 475—476, Ratzel l. c. 370—371. За періодъ 1860—1870 все населеніе Мена и Нью-Гемпшира уменьшилось, а за періодъ

рые указываетъ и г. —онъ (стр. 221—222 „Очерковъ“). Но что же это запустѣніе констатируетъ, какъ не то, что люди стремятся туда, гдѣ жить легче и лучше? Кромѣ того г. —онъ совершенно игнорируетъ фактъ огромной важности въ американской хозяйственной жизни: сельскохозяйственную конкурренцію западныхъ штатовъ съ восточными [1]).

Вообще же, въ противоположность г. —ону, мы думаемъ, что если что-нибудь, помимо такихъ спеціальныхъ моментовъ, какъ задолженность, и разоряетъ американскихъ фермеровъ, такъ это—не ростъ производительности, а наоборотъ, *падающая производительность ихъ нераціональнаго хозяйства.*

Задолженность американскихъ фермеровъ есть явленіе, тѣсно связанное со всѣмъ развитіемъ американскаго сельскаго хозяйства за періодъ 1870—1890 гг. Феноменально быстрое развитіе Новаго Запада было бы немыслимо безъ той массы капиталовъ, которую выслали туда богатые восточные штаты и которая нашла себѣ помѣщеніе въ значительной мѣрѣ въ ипотечныхъ долгахъ. Востокъ, буквально, оплодотворилъ Западъ капиталами. Перепроизводство пшеницы и паденіе цѣнъ на нее въ связи съ упадкомъ производительности односторонняго экстензивнаго земледѣлія, конечно, поставили массу фермеровъ въ тягостное положеніе. Но отсюда до крушенія американскаго фермерскаго хозяйства подъ давленіемъ задолженности очень далеко. Больше половины ипотечныхъ долговъ, по результатамъ изслѣдованія, произведеннаго при цензѣ 1890 г. (см. ниже литературу), приходится на городскую и вообще не сельскохозяйственную землю (mortgages on lots). Въ 16 штатахъ заложено, въ среднемъ, 36,33% всей сельскохозяйственной площади при колебаніяхъ отъ 61,58% (Канзасъ) до 11,65% (Теннесси). «На Западѣ,—говоритъ Хольмесъ, спеціальный агентъ по изслѣдованію фермерской задолженности при цензѣ 1890 г.—залогъ недвижимости есть обычное сосѣдское дѣло. Ипотечные долги въ широкомъ размѣрѣ увеличили сельскохозяйственные капиталы поселенцевъ

1880—1890 уменьшилось *сельское* населеніе Мэна, Вермонта и Нью-Іорка. Longstaff Rurldepopulation, Journal of the Royal Statistical society. September 1893, 380—433.

[1]) Всѣ эти явленія прекрасно выяснены у Скворцова («Вліяніе» и т. д.).

на новыхъ земляхъ и сильно способствовали росту городовъ, являясь въ то же время результатомъ этого роста». Хольмесъ приводитъ для 17 графствъ показанія о цѣли, съ которой сдѣланъ земельный долгъ. 83,29% всего долга пошло *на покупку земли* и на заведеніе меліорацій (improvments). Всѣ данныя ясно говорятъ о томъ, что *задолженность американскихъ фермеровъ, въ особенности фермеровъ крайняго Запада есть та цѣна, которою Америка купила поразительно быстрое заселеніе огромныхъ земельныхъ пространствъ самостоятельными земледѣльцами.* Хольмесъ въ своей статьѣ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, что «могущественная ассоціація фермеровъ» была недовольна тѣмъ, что Census Office не взялся статистически доказать тягостное положеніе фермерскаго хозяйства вслѣдствіе задолженности. Вопросъ этотъ могъ бы быть рѣшенъ, на взглядъ нашего автора, если бы конгрессъ ассигновалъ лишній милліонъ долга на изслѣдованіе принудительныхъ продажъ земли за долги (foreclosures).

Но,—продолжаетъ Хольмесъ,—изслѣдованія, произведенныя мѣстными бюро по статистикѣ труда въ Иллинойсѣ и Нью-Джерсеѣ, показали, что число продаваемыхъ за долги фермъ составляетъ ежегодно меньше 1% (0,77 въ И. и 0,78% въ Н.-Дж.) всѣхъ фермъ, обрабатываемыхъ собственниками, и эта доля меньше процента банкировъ, купцовъ и промышленныхъ предпринимателей, ежегодно объявляемыхъ несостоятельными. Задолженность фермеровъ Новаго Запада является, по указанію другого изслѣдователя Мэппина, однимъ лишнимъ мотивомъ, по которому они такъ часто забрасываютъ свое хозяйство, но не потому, что ихъ положеніе было бы всегда безвыходно, а потому, что сельское хозяйство представляется для нихъ очень часто слишкомъ медленнымъ способомъ «дѣлать деньгу» (making money).

Спекуляція во всѣхъ ея формахъ съиграла тоже свою крупную роль. Въ тѣсной связи съ ней стоитъ слишкомъ высокая оцѣнка земель, которая, въ свою очередь, несомнѣнно поощряетъ забрасываніе хозяйства при первой же невыгодной конъюнктурѣ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что, какъ прекрасно выяснилъ Зерингъ (l. c.), такъ-называемые homestead laws чрезвычайно поощряютъ *реальный* кредитъ въ ущербъ персональному и, такимъ образомъ, могутъ только усиливать задолженность. Мы не можемъ здѣсь дольше останавливаться на вопросѣ о задолженности американскаго землевладѣнія и коснулись его только потому, что г. —онъ этой задолженности придаетъ преувеличенно большое значеніе. Мы пользовались слѣдующей литературой (кромѣ Зеринга): 1) Investigations of mortgages a. farm a. home proprietorship in t. United States. By George K. *Holmes*, Esq., Special Agent in charge of farms, homes a. mortgages, Census of 1890 въ Journal of the Royal Statistical Society, September 1893, 443—481. 2) Farm mortgages by W. F. *Mappin* въ Political Science Quarterly edi. by the faculty of political science of Columbia College, September 1889, v. IV, 433—451. 3) The mortgage evil by J. P. *Dunn* ibidem. March 1890, v. V, 65—83.

Переходъ къ болѣе интенсивному хозяйству совершается въ Сѣверной Америкѣ сравнительно такъ легко именно благодаря тому, что тамъ „отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія" существуетъ дѣйствительно въ очень широкихъ размѣрахъ, что тамъ въ лицѣ городского неземледѣльческаго населенія имѣется рынокъ для продуктовъ раціональнаго хозяйства [1]).

А такое широкое развитіе обрабатывающей промышленности и городовъ, въ свою очередь, главнымъ образомъ—результатъ парового транспорта, какъ на это уже въ 60-хъ годахъ указывалъ Виссъ [2]).

Итакъ, въ противоположность г.—ону, мы, на основаніи фактовъ американской хозяйственной жизни, приходимъ къ выводу, что отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, выражающееся въ развитіи городовъ, есть необходимое—на данномъ уровнѣ экономическаго и культурнаго развитія—условіе прогресса сельскаго хозяйства и, eo ipso, улучшенія положенія земледѣльческихъ классовъ. И наоборотъ: широкое развитіе обрабатывающей промышленности возможно только при параллельномъ прогрессѣ сельскаго хозяйства. Тутъ—полное взаимодѣйствіе, при которомъ каждый факторъ одновременно и причина, и слѣдствіе.

Для насъ совершенно ясно, что̀ (помимо чисто субъективныхъ моментовъ, симпатій и антипатій) привело г.

---

4) *Ruhland.* Zur Verschuldungstatistik d. Grundbesitzes in Nordamerika въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, 1890, Drittes Heft 473—508 (отчасти по Mappin'у).

[1]) Этому обстоятельству обязано своимъ широкимъ развитіемъ огородничество — Truck-farming, которое занимало по цензу 1890 г. 534.440 акровъ и производило продуктовъ на 76½ милл. долларовъ (Census Bulletin № 41. March 19. 1891, а также Schoenhof The economy of high wages).

[2]) Das Gesetz d. Bevölkerung u. d. Eisenbahnen. Berlin. 1867.

—она къ его страннымъ выводамъ. Дѣйствительно, если смѣшивать интенсивность съ производительностью и представлять себѣ весь прогрессъ сельскаго хозяйства въ видѣ прогрессивнаго вытѣсненія ручного труда машинами, то нельзя придти къ инымъ выводамъ.

Прогрессъ сельскаго хозяйства можетъ совершаться только на почвѣ мѣнового хозяйства. Правда, г. В. В. въ одной изъ своихъ работъ [1]), явившихся продолженіемъ „Судебъ капитализма", пытался доказать, что реорганизація нашего земледѣлія на принципахъ товарнаго производства невозможна. Но вся его аргументація построена на игнорированіи взаимодѣйствія между прогрессивнымъ развитіемъ товарнаго земледѣлія и обрабатывающей промышленности, на предположеніи о сохраненіи существующаго отношенія между земледѣльческимъ сельскимъ и неземледѣльческимъ городскимъ населеніемъ Россіи и на увѣренности въ стаціонарномъ состояніи потребностей русскаго населенія. „Привозные [2]) сельскохозяйственные продукты потребляются (въ Россіи), главнымъ образомъ, городскимъ населеніемъ", а потому „при незначительности послѣдняго у насъ, нечего надѣяться и на преобразованіе сельскаго хозяйства по принципу общественнаго раздѣленія труда" (октябрь, 504). Точно *такое преобразованіе* можетъ вообще произойти при условіи сохраненія существующаго соотношенія между городскимъ и сельскимъ населеніемъ?! Внутренній рынокъ для продуктовъ сельскаго хозяйства „не представляетъ достаточнаго основанія для преобразованія земледѣлія, что зависитъ какъ отъ бѣдности населенія, такъ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1883, октябрь и ноябрь, ст. «Обмѣнъ и земледѣліе въ Россіи».

[2]) Т. е. покупные. *П. С.*

и отъ того, что массу продуктовъ потребленія хлѣбопашецъ находитъ въ собственномъ хозяйствѣ". Въ этомъ разсужденіи авторъ, съ одной стороны, прибѣгаетъ къ тавтологіи (рынокъ не великъ до тѣхъ поръ, пока господствуетъ натуральное удовлетвореніе потребностей), съ другой же стороны апеллируетъ къ одному изъ коренныхъ устоевъ нашихъ народно-экономическихъ формъ — къ бѣдности населенія. Въ другомъ мѣстѣ онъ самъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что прогрессивное развитіе земледѣлія на почвѣ мѣнового хозяйства произойдетъ тѣмъ легче, „чѣмъ богаче будетъ становиться населеніе, чѣмъ разнообразнѣе сдѣлаются его потребности, чѣмъ больше разовьется его вкусъ, чѣмъ *шире раскинется наша обрабатывающая промышленность*" [1]) (октябрь, 493).

Мы уже неоднократно указывали, что бѣдность населенія есть почти неизбѣжный спутникъ натуральнаго хозяйства („народнаго производства"). Въ самый моментъ перехода къ хозяйству денежному бѣдность можетъ даже обостриться, но въ концѣ концовъ этотъ переходъ всегда приводитъ къ росту національнаго богатства и увеличенію покупательной способности массы населенія, хотя бы это увеличеніе, въ силу либо неравномѣрнаго распредѣленія, либо усиленнаго роста населенія, либо дѣйствія того и другого фактора *вмѣстѣ*, и *не сопровождалось* подъемомъ народнаго благосостоянія.

Въ статьѣ „Раздѣленіе труда земледѣльческаго и промышленнаго въ Россіи" („Вѣстникъ Европы". 1884, іюль) г. В. В. задался вопросомъ о соотношеніи между земледѣльческимъ и неземледѣльческимъ населеніемъ въ Россіи и объ измѣненіи этого соотношенія. „Промышленная исторія всего человѣчества значительно отли-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

чается—говоритъ нашъ авторъ—отъ хода дѣлъ въ нѣкоторыхъ странахъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе науки. Въ послѣднихъ—успѣхъ промышленности сопровождается непрерывнымъ отливомъ населенія изъ деревень въ города, первая [1]) представляетъ колебанія въ ту и другую сторону, такъ что въ общемъ количество труда, затрачиваемаго на хлѣбопашество съ теченіемъ времени, вѣроятно, не уменьшается, а даже увеличивается. Происходитъ лишь перемѣщеніе населенія изъ одной страны въ другую; земледѣлецъ, лишенный орудій производства въ Англіи, получаетъ ихъ опять въ руки гдѣ-нибудь въ Америкѣ". Г-нъ В. В. въ этомъ разсужденіи игнорируетъ тотъ фактъ, что и въ колоніяхъ происходитъ прогрессивное измѣненіе соотношенія между населеніемъ земледѣльческимъ и неземледѣльческимъ въ пользу послѣдняго. Это измѣненіе характерно такимъ образомъ для всего мірового хозяйства или, точнѣе, для хозяйства всего культурнаго человѣчества, а не только для Англіи или Германіи. И именно *примѣръ Сѣверной Америки* показываетъ, что *не* „напрасно будетъ ждать въ Россіи... такого же развитія городской жизни, какъ на западѣ" (слова г. В. В. I. с. 326).

Мы уже знаемъ, что развитія общественнаго раздѣленія труда требуетъ ростъ населенія. Г-нъ В. В. обходитъ, однако, совершенно этотъ важный пунктъ. Онъ, какъ и всѣ народники, вполнѣ игнорируетъ культурно-экономическую роль товарнаго производства, выражающуюся въ томъ, что, повышая производительность труда во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства, товарное производство даетъ возможность на прежней территоріи су-

[1]) Т.-е. промышленная исторія всего человѣчества. *П. С.*

ществовать большему числу людей, т.-е. повышаетъ емкость территоріи по отношенію къ населенію.

XI.

Капитализмъ и государство.

Для полноты критическаго разсмотрѣнія вопроса объ основныхъ тенденціяхъ экономическаго развитія Россіи—насколько наши бѣглыя замѣтки могутъ вообще претендовать на полноту—намъ надлежало бы остановиться на кустарной промышленности и на фактическихъ условіяхъ существованія и развитія нашего крупнаго капиталистическаго производства. Но, по разнымъ соображеніямъ, мы отлагаемъ разсмотрѣніе этихъ темъ до слѣдующаго выпуска нашихъ „замѣтокъ", который будетъ спеціально посвященъ ихъ разработкѣ. Здѣсь достаточно будетъ сказать только, что кустарную промышленность мы, вслѣдъ за г. Каблуковымъ, считаемъ „преддверіемъ капитализма" [1]) и вмѣстѣ съ г. Харизоменовымъ [2]) полагаемъ, что ея существованіе есть условіе, благопріятное для развитія промышленнаго капитализма въ его конечной формѣ. Исторія же нашего крупнокапиталистическаго производства въ его цѣломъ убѣждаетъ насъ, что г. Исаевъ [3]) былъ правъ, когда онъ, возражая г. В. В., говорилъ о *безостановочномъ* развитіи нашей капиталистической промышленности.

Этой антиципаціей двухъ главнѣйшихъ тезисовъ слѣдующаго выпуска нашихъ замѣтокъ мы теперь и ограничимся, и обратимся къ вопросу объ отношеніи государства къ капитализму.

---

[1]) Юридич. Вѣстн. 1883, № 5, стр. 84.

[2]) Ibidem, №№ 11—12, статья «Значеніе кустарной промышленности».

[3]) Ibidem, № 1. Критика и библіографія.

Тѣмъ, кто указываетъ на историческую необходимость капиталистическаго процесса, обыкновенно въ нашей литературѣ приписывается нелѣпое стремленіе—ad majorem Marxi gloriam—обезземелить массу русскихъ крестьянъ и per fas et nefas насадить капитализмъ. Съ этими нелѣпыми и ближайшимъ образомъ никому неизвѣстными „марксистами" считаютъ возможнымъ полемизировать, конечно, не цитируя ихъ [1]), а цитировать физически невозможно, такъ какъ эта зловредная секта не обладаетъ своимъ „писаніемъ", а до сихъ поръ пробавляется „преданіемъ".

Послѣ всего сказаннаго выше нашъ взглядъ на обезземеленіе крестьянъ долженъ быть ясенъ читателю. *Фактическое обезземеленіе части крестьянскаго населенія*—какой—это, конечно, невозможно опредѣлить—*совершенно неизбѣжно въ силу исторической необходимости перехода части населенія къ неземледѣльческому труду.*

Процессъ этотъ—какъ я пытался показать выше—можетъ происходить только на почвѣ мѣнового хозяйства и онъ-то и явится развитіемъ капитализма.

---

[1]) Впрочемъ, пишущій эти строки, благодаря своимъ статьямъ въ нѣмецкихъ изданіяхъ, представляетъ съ недавняго времени исключеніе въ данномъ отношеніи. Однако, вдаваться здѣсь въ полемику съ г. Кривенко по поводу его замѣчаній на мою, указанную выше, нѣмецкую статью я считаю малопроизводительной тратой времени. Г. Кривенко не только не понялъ смысла моихъ разсужденій, онъ просто *не понялъ нѣмецкаго текста*. Я говорю объ измѣненіи соотношенія между земледѣльческимъ и неземледѣльческимъ населеніемъ какъ объ «исторической миссіи капиталистическаго развитія», а г. Кривенко думаетъ и увѣряетъ своихъ читателей, что я въ этомъ полагаю историческую миссію русской интеллигенціи (стр. 184). Обижаться на г. Кривенко я не могу, такъ какъ заодно со мной онъ третируетъ такого покойника, какъ Н. И. Зиберъ («одинъ изъ такихъ господъ»—по вѣжливому выраженію г. Кривенко, стр. 188). Фраза о фабричномъ котлѣ, столь возмущающая г. Кривенко, принадлежитъ Зиберу. (См. Н. К. Михайловскій въ «Русской Мысли» за 1892 г., кн. VI, стр. 196).

Государство въ этомъ процессѣ можетъ играть, въ конечномъ счетѣ, только одну роль: содѣйствовать ему, смягчая, пожалуй, его крайности. Почему? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы прежде всего отошлемъ читателя къ намѣченнымъ нами во второй главѣ общимъ соображеніямъ. Политика государства выражаетъ собой равнодѣйствующую общественныхъ силъ. Кромѣ того, и государство, и интеллигенція—даже если предположить, что они стоятъ выше общественныхъ классовъ и ихъ интересовъ—связаны въ своихъ дѣйствіяхъ культурнымъ уровнемъ массы населенія. По этимъ соображеніямъ, мысль г. —она, что государство или, еще лучше, какіе-то „мы", могли послѣ освобожденія крестьянъ развивать „общинное начало" и организовывать на основѣ его народное производство, вмѣсто того, чтобы строить желѣзныя дороги и поощрять торговлю и промышленность, эта мысль представляется мнѣ въ корнѣ несостоятельной въ соціологическомъ отношеніи. (См. статью „Нѣчто объ условіяхъ нашего хозяйственнаго развитія", „Русск. Бог." 1894, № 4). Ясно во-1-хъ, что строить желѣзныя дороги было, во всякомъ случаѣ, необходимо въ интересахъ „культуры" [1]), ясно также, что желѣзныя до-

[1]) Для осуществленія всѣхъ разнообразныхъ задачъ современнаго государства нужны конечно деньги, а необходимость брать подати, въ концѣ концовъ, главнымъ образомъ, съ крестьянъ опредѣляется прямо отношеніемъ крестьянства къ общему числу населенія. Только капитализмъ, создавъ *новые классы* (буржуазію и ея антипода), дастъ возможность перенести значительную часть тяготы обложенія съ деревни на городъ. Въ частности, выкупные платежи, которые такъ давили крестьянство, что правительство вынуждено было ихъ понизить, были той цѣной, которую правительство не могло не дать дворянству за освобожденіе крестьянъ съ землей. Такимъ образомъ, выкупные платежи тѣсно связаны съ тѣмъ земельнымъ обезпеченіемъ крестьянства, въ которомъ народники видятъ «санкцію формы процесса производства, выработанной многими вѣками хозяйственной дѣятельности» (Очерки, стр. 66). Государство брало подати не для развитія капитализма — какъ, повидимому, думаетъ г. —онъ (см. цит. статью) — но взимая ихъ, чего не можетъ не дѣлать ни

роги являются могущественнѣйшимъ рычагомъ товарнаго производства. Отюда ясно и *третье*—что экономическія послѣдствія проведенія желѣзныхъ дорогъ были *неизбѣжны*. Но еще важнѣе другая сторона дѣла: развитіе товарнаго производства совершается стихійно, осуществляется индивидуальными усиліями отдѣльныхъ экономическихъ единицъ, вовсе и не думающихъ о конечномъ соціальномъ результатѣ своего поведенія. „Обобществленіе" же труда тоже подготовляется стихійнымъ процессомъ, но осуществиться оно можетъ только какъ *сознательный* актъ *планомѣрной* организаціи народнаго хозяйства. Стихійный процессъ—этого г. —онъ, вѣроятно, не станетъ отрицать—весь шелъ на встрѣчу капитализму (въ широкомъ смыслѣ слова), и если бы даже государство пустилось въ какіе-нибудь эксперименты въ духѣ обобществленія труда, то при исторически необходимомъ, т.-е. обусловленномъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ исторіи, направленіи стихійнаго процесса въ пользу товарнаго производства и при данномъ культурномъ уровнѣ массы населенія—всѣ эти эксперименты должны были бы потерпѣть плачевнѣйшее фіаско. Но, конечно, совершенно невѣрно представлять себѣ дѣло такъ, какъ будто государству и обществу („намъ") предстоялъ выборъ между двумя формами производства, и этотъ

одно государство, а тѣмъ болѣе современное, оно, конечно, явилось могущественнымъ факторомъ развитія капитализма, *форсируя* переходъ къ денежному хозяйству. Этого форсированнаго перехода требовала прямо необыкновенно возросшая потребность самого государства въ деньгахъ. «Безъ непосильныхъ податей... не было бы (?) желѣзныхъ дорогъ, этого фундамента, безъ котораго не могло быть построено зданіе капитализма» (цит. ст., стр. 6). Но спрашивается: какъ государство *могло не строить* желѣзныхъ дорогъ? Такая *реакціонная* политика немыслима для великой державы современности. Въ *непосильности* податей капитализмъ совершенно не при чемъ, и смѣю увѣрить г. —она, что при ихъ посильности и раціональной организвціи у государства было бы гораздо больше денегъ для разныхъ культурныхъ задачъ, чѣмъ при системѣ явно неравномѣрнаго обложенія.

выборъ произошелъ въ пользу производства капиталистическаго. Наивный читатель, пожалуй повѣритъ, что въ самомъ дѣлѣ выборъ могъ быть сдѣланъ въ пользу „народнаго производства“, „обобществленія труда“ и т. д. Но стоитъ только, съ одной стороны, вдуматься въ смыслъ *этихъ* словъ, съ другой стороны, ясно представить себѣ культурный уровень страны въ данную эпоху (да и въ настоящій моментъ), чтобы сразу увидѣть всю нелѣпость подобнаго разсужденія. Любопытно, что предположеніе о возможности для современнаго государства вести политику, сознательно направленную на торжество не то такъ-называемаго „народнаго производства“, не то „обобществленія труда“, высказывается г. —оном въ статьѣ, въ которой онъ рѣшительно становится на почву экономическаго матеріализма. Между тѣмъ *съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма* взглядъ на роль государства при зарожденіи и развитіи капитализма можетъ быть только *одинъ:* тотъ, который высказанъ нами выше въ главѣ второй. Государство можетъ проводить либо фритредерскую, либо протекціонистскую политику, государство можетъ бороться съ эксцессами капитализма путемъ фабричнаго законодательства, оно можетъ въ своей аграрной политикѣ склоняться либо въ пользу крупнаго землевладѣнія, либо въ пользу мелкаго, но оно не въ состояніи „сдѣлать“ того, что можетъ явиться только результатомъ извѣстнаго историческаго процесса, оно не можетъ организовать производства на почвѣ, совершенно для того неподготовленной. Оно могло „сохранить“ общинное землевладѣніе, но сдѣлать его фундаментомъ всей народнохозяйственной организаціи оно не могло—прежде всего, конечно, потому, что сама община, представляла въ лучшемъ случаѣ фундаментъ фискальной, а не народнохозяйственной организаціи.

XII.

Нѣсколько словъ объ общинѣ.

Изъ высказаннаго нами взгляда на процессъ экономическаго развитія Россіи вытекаетъ и наше отношеніе къ общинѣ и общинному землевладѣнію. Съ этой точки зрѣнія „право всѣхъ на землю“ есть и останется—пока кореннымъ образомъ не измѣнятся всѣ экономическія отношенія — громкой фразой, воплотить которую въ жизнь на извѣстной ступени экономическаго развитія невозможно [1]). Не даромъ умѣренные защитники общиннаго землевладѣнія—въ то же время глубокіе знатоки вопроса—*Кавелинъ* и *Кейсслеръ* пришли къ отрицанію этого пресловутаго права. Тѣ мѣры, о которыхъ мечтаютъ народники и которыя сводятся къ законодательному закрѣпленію общины чуть не съ обязательными передѣлами (предложеніе г. Ходскаго), могутъ только породить или увѣковѣчить у насъ жалкій сельскій пролетаріатъ, въ культурномъ и другихъ отношеніяхъ совершенно безнадежный,—пролетаріатъ, который на самомъ дѣлѣ осуществитъ пламенныя мечтанія нѣкоторыхъ западноевропейскихъ и россійскихъ землевладѣльцевъ о крѣпкихъ землѣ батракахъ. Намъ этотъ результатъ законодательной „охраны“ общиннаго земле-

[1]) «Рано или поздно настанетъ такое время,—говоритъ авторъ книги «Неурожай и народное бѣдствіе» (Спб. 1891, стр. 128),—когда при сохраненіи за всѣми членами общины, сколько бы ихъ ни народилось въ будущемъ, права на земельный надѣлъ, это право, наконецъ, сдѣлается чисто фиктивнымъ по ничтожности того участка земли, который будетъ доставаться на долю каждаго. Кончится вѣдь тѣмъ, что право всѣхъ на землю будетъ равносильно праву умереть съ голоду на участкѣ земли, недостаточномъ для пропитанія человѣка. Это дѣйствительно будетъ такое положеніе, при которомъ общее равенство въ отношеніи правъ на землевладѣніе будетъ равносильно общему равенству всѣхъ членовъ общины передъ голодной смертью».

владѣнія и землепользованія представляется гораздо болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ развитіе на почвѣ русской общины „артельнаго землепользованія" или „кооперативнаго земледѣлія". Эта возможность обыкновенно не доказывается—для этого русская жизнь—увы!—не даетъ матеріала—а просто декретируется [1]). Намъ развитіе „артельнаго землепользованія" представляется совершенно несбыточной мечтой при современныхъ экономическихъ и культурныхъ условіяхъ. Пока же будетъ существовать современная община, закрѣпленная и укрѣпленная закономъ, на ея почвѣ разовьются такія отношенія, которыя съ „народнымъ благосостояніемъ" не имѣютъ ничего общаго. На Западѣ мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ существованія парцеллярнаго хозяйства рядомъ съ крупнымъ капиталистическимъ. Наша Польша и нашъ югозападный край представляютъ явленія того же порядка. Можно сказать, что и подворная, и общинная Россія, поскольку разоренное крестьянство остается на землѣ и въ его средѣ нивеллирующія вліянія оказываются сильнѣе дифференцирующихъ, приближается къ этому типу. Такое положеніе вещей, ничего общаго не имѣющее ни съ какимъ прогрессомъ, можетъ быть только закрѣплено государственной политикой, которая будетъ стремиться всѣми средствами поддерживать экономическое равенство среди крестьянской массы. Подобная политика, на мой взглядъ, приведетъ только къ самымъ жалкимъ результатамъ: задержавъ *производственный* прогрессъ крестьянскаго хозяйства, она сдѣлаетъ *все* крестьянство совершенно безсильнымъ по отношенію къ эксплоататорамъ всѣхъ званій и сортовъ.

---

[1]) Въ послѣднее время, напр., Н. А. Карышевымъ въ его «Народнохозяйственныхъ наброскахъ» въ «Русскомъ Богатствѣ».

Но именно потому, что эта политика не можетъ не оказаться вскорѣ явно несостоятельной, шансы ея весьма невелики. Государство, не ломая общины, до поры до времени сохраняя, такъ сказать, юридическую сторону этого института, можетъ приспособить его къ измѣнившимся условіямъ экономической среды. Всѣ проекты реформы общины (Кавелина, г. Кейсслера, А. И. Скворцова) тѣмъ и важны, что они такъ или иначе намѣчаютъ эту важную задачу государственной политики въ области аграрныхъ отношеній. Мои личныя симпатіи вовсе не на сторонѣ экономически крѣпкаго, приспособленнаго къ товарному производству крестьянства, но я не могу не видѣть, что политика, которая направится на созданіе *такого* крестьянства, будетъ единственной разумной и прогрессивной политикой, такъ какъ она пойдетъ на встрѣчу исторически неизбѣжному процессу капиталистическаго развитія, смягчая въ то же время его крайности.

Сказаннымъ далеко не исчерпываются всѣ соображенія, заставляющія насъ не только скептически, но прямо отрицательно относиться къ палладіуму народничества, русской земельной общинѣ. Явленіе это очень сложное и значеніе его не ограничивается одной экономической областью. Но даже бѣглое обсужденіе всѣхъ сторонъ вопроса объ общинѣ невозможно здѣсь. Намъ важно было только намѣтить здѣсь нѣкоторые основные пункты въ нашемъ пониманіи этого вопроса [1]).

[1]) Не можемъ не указать здѣсь на совпаденіе нашихъ взглядовъ со многими взглядами, высказанными *Шульце-Геверницемъ* въ его замѣчательныхъ статьяхъ «Der Nationalismus in Russland und seine wirtschaftlichen Träger» (Preussische Iahrbücher 1894, I—III). Статьи эти блестящее доказательство того, что *матеріалистическій взглядъ въ соціологіи* завоевываетъ себѣ все большее и большее признаніе. Среди нѣмецкихъ ученыхъ къ воспріятію его всего болѣе способны экономисты школы *Брентано*. Конечно, для нашихъ народниковъ и народничествующихъ либераловъ нѣмецкій ученый, осмѣлившійся посягнуть на общину, не болѣе какъ «наѣзжій нѣмецъ», котораго можно третировать свысока.

XIII.

Нѣкоторые основные выводы въ формѣ положеній.

1. Развитіе мѣнового хозяйства, капитализма въ широкомъ смыслѣ слова, частнымъ случаемъ и послѣдствіемъ котораго является развитіе крупнаго централизованнаго производства, капитализма въ узкомъ смыслѣ слова, имѣетъ огромное объективное экономическое и общекультурное значеніе.

2. Натуральное хозяйство вытѣсняется мѣновымъ не только потому, что такой переходъ полезенъ извѣстнымъ классамъ общества, но и прямо въ силу своей собственной, экономической и общекультурной, несостоятельности.

3. Повышая производительность труда, товарное производство даетъ возможность существовать гораздо большему числу людей на прежней территоріи.

4. Развитіе обмѣна, отдѣляя обрабатывающую промышленность отъ земледѣлія и въ то же время устанавливая между ними—въ предѣлахъ одного и того же политическаго цѣлаго—органическое взаимодѣйствіе, содѣйствуетъ прогрессу и земледѣлія, и индустріи.

5. Въ области обрабатывающей промышленности капитализмъ въ обширномъ смыслѣ слова неминуемо влечетъ за собой рано или поздно капитализмъ въ узкомъ смыслѣ слова.

6. Развитіе общественнаго раздѣленія труда подъ вліяніемъ усиленнаго обмѣна приводитъ къ относительному уменьшенію земледѣльческаго населенія, росту городовъ и другимъ фактамъ, въ которыхъ выражается коренное измѣненіе всей структуры общества.

7. При этомъ самый экономическій и моральный обликъ земледѣльческаго производителя, даже если онъ

мало или совсѣмъ не прибѣгаетъ къ наемному труду, претерпѣваетъ рѣзкое измѣненіе.

8. При современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, главнымъ образомъ благодаря существованію парового транспорта, развитіе мѣнового хозяйства и капитализма въ узкомъ смыслѣ слова становится все болѣе и болѣе общимъ явленіемъ.

9. Первичнымъ моментомъ и факторомъ въ этомъ процессѣ является для Россіи вовлеченіе земледѣлія въ сферу товарнаго обращенія.

— 10. Товарное производство является могущественнымъ культурнымъ факторомъ. Разъ страна стала на путь его развитія, весь ея культурный, политическій и экономическій прогрессъ зависитъ отъ дальнѣйшихъ успѣховъ на этомъ пути. Съ другой стороны всякій шагъ впередъ въ культурномъ и политическомъ отношеніи можетъ только содѣйствовать развитію и торжеству капитализма.

11. Капитализмъ, создавая массовое, другими словами, обобществленное производство, не можетъ мириться съ безпорядочнымъ, чисто индивидуалистическимъ распредѣленіемъ и потребленіемъ: такимъ образомъ, капитализмъ объективно выдвигаетъ народно-хозяйственные принципы, отрицающіе его частнохозяйственную основу.

12. Внѣшнія условія, въ которыя современный промышленный капитализмъ ставитъ трудящіяся массы, развиваютъ въ нихъ чувство активности, политическій смыслъ, способность къ коллективному дѣйствію и тѣмъ подготовляютъ ихъ къ той роли, которую имъ, по объективному ходу матеріальнаго процесса, суждено играть въ эволюціи капиталистическаго строя.

13. Прямо противоположный характеръ носитъ психическій обликъ трудящихся при натуральномъ хо-

зяйствѣ (безусловное преобладаніе земледѣлія) и децентрализованномъ производствѣ.

14. Чѣмъ обширнѣе территорія и многочисленнѣе населеніе данной страны, тѣмъ менѣе нуждается послѣдняя для своего капиталистическаго развитія во внѣшнихъ рынкахъ.

15. Кризисъ русскаго крестьянскаго хозяйства объясняется прежде всего ростомъ населенія—подъ вліяніемъ освобожденія и развитія мѣнового хозяйства —, не сопровождавшимся соотвѣтствующимъ прогрессомъ сельскохозяйственнаго производства. Выходъ изъ этого положенія заключается въ преобразованіи всего народнаго хозяйства въ направленіи дальнѣйшаго развитія общественнаго раздѣленія труда, результатомъ чего явится, съ одной стороны, подъемъ производительности сельскаго хозяйства, съ другой стороны—прогрессъ крупной обрабатывающей промышленности.

16. Бѣдность массы русскаго населенія есть въ гораздо большей мѣрѣ историческое наслѣдіе натуральнаго хозяйства, чѣмъ продуктъ капиталистическаго развитія.

17. Прогрессивное развитіе земледѣлія на почвѣ мѣнового хозяйства создастъ рынокъ, опираясь на который будетъ развиваться русскій промышленный капитализмъ. Рынокъ этотъ, по мѣрѣ экономическаго и общекультурнаго развитія страны и связаннаго съ нимъ вытѣсненія натуральнаго хозяйства, можетъ неопредѣленно рости. Въ этомъ отношеніи капитализмъ въ Россіи находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ другихъ странахъ.

18. Культурный прогрессъ Россіи тѣсно связанъ съ развитіемъ общественнаго раздѣленія труда, т.-е. съ развитіемъ капитализма.

19. Единственная раціональная государственная по-

литика можетъ состоять въ расчищеніи почвы для этого процесса и смягченіи соціальныхъ его послѣдствій. Только *такая* политика и возможна для современнаго государства.

XIV.

Заключеніе.

Uns quält nicht nur die Entwicklung der kapitalistischen Production, sondern auch der Mangel ihrer Entwicklung.
D. Kapital. I. Vorwort.

Мы пришли въ нашихъ замѣткахъ къ концу. Здѣсь мы чувствуемъ потребность указать ту связь, которая существуетъ между различными частями нашей работы, и подвести ей итоги.

Нашъ взглядъ на экономическое развитіе Россіи, какъ и соотвѣтствующая народническая доктрина, представляетъ собой только приложеніе къ конкретному историческому процессу нѣкоторыхъ общихъ, скажемъ прямо, философскихъ положеній. Личность творитъ исторію, говорятъ народники; то міровоззрѣніе, которое развивалось нами выше (гл. II), утверждаетъ противное. Отсюда—совершенно различная оцѣнка исторической важности нашихъ собственныхъ идей и идеаловъ. Послѣдніе, съ нашей точки зрѣнія, историческая сила только, поскольку они необходимое порожденіе процесса экономическаго развитія, который самъ всегда происходитъ „на достаточномъ основаніи“ и представляетъ собой коллективное творчество, въ конечномъ счетѣ носящее такой же стихійный, а потому и закономѣрный характеръ, какъ и всѣ другія измѣненія въ окружающемъ насъ мірѣ. Открыть „достаточное основаніе“ этихъ измѣненій—задача *объективнаго* изслѣдованія. Только *та-*

кое изслѣдованіе дастъ намъ возможность оцѣнить тѣ соціальныя силы, изъ дѣйствія которыхъ слагается процессъ общественной эволюціи и установить мѣсто нашихъ собственныхъ идеаловъ среди этихъ силъ.

Когда мы уяснили себѣ вопросъ объ экономическомъ развитіи Россіи въ его полномъ объемѣ, то мы увидѣли, что господствующее пониманіе этого вопроса имѣетъ два источника:

Во-первыхъ—идеалистическій взглядъ на соціальную эволюцію, неспособный къ объективной оцѣнкѣ ея факторовъ и ко всему прилагающій только свое собственное (субъективное) мѣрило „добра и зла“.

Во-вторыхъ — своего рода національное тщеславіе, мнящее „мы народъ избранный“ на томъ основаніи, что мы сохранили кое-какіе остатки первобытнаго [1]) экономическаго строя, которые оказались въ соотвѣтствіи съ самыми прогрессивными идеалами современности.

Въ первомъ случаѣ забывается, что идеалы только тогда могущественны, когда за ними организованная общественная сила,—результатъ долгаго и труднаго историческаго процесса. Во второмъ случаѣ за жалкими остатками первобытной соціальной справедливости не видятъ экономической несостоятельности сохранившаго ихъ строя, не видятъ, что *привить этому строю культуру—значитъ его разрушить*.

Пояснимъ еще нѣсколько разницу между объективнымъ и субъективнымъ взглядами. Съ точки зрѣнія нашихъ моральныхъ принциповъ, мы легко можемъ придти къ заключенію, что торговля, обмѣнъ, являясь носите-

[1]) Употребляя это выраженіе, я вовсе не хочу сказать, что наша земельная община есть *первобытное* учрежденіе. Такой взглядъ я считаю совершенно невѣрнымъ.

лемъ крайняго хозяйственнаго эгоизма и индивидуализма, есть зло и мерзость; если же мы обратимся къ разсмотрѣнію объективнаго хода вещей, то мы увидимъ, что это зло есть огромный факторъ культурнаго прогресса, принимавшій могущественное участіе въ созданіи тѣхъ отношеній, на почвѣ которыхъ сложились и наши собственные идеалы.

Такъ же точно обстоитъ дѣло и съ *капитализмомъ*. Капитализмъ, какъ эксплуатація человѣка человѣкомъ, зло съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ. И, если мы будемъ смотрѣть на него *только съ этой точки зрѣнія*, то мы придемъ прямымъ путемъ къ простому выводу: не надо капитализма! Разъ этотъ выводъ подчинитъ себѣ наше мышленіе, намъ трудно будетъ приблизиться къ пониманію объективнаго процесса: капитализмъ съ его спутниками протекціонизмомъ и проч. въ нашихъ глазахъ явится тогда только чѣмъ-то вродѣ, если можно такъ выразиться, „злоумышленія". Но капитализмъ, какъ и все, имѣетъ свое *достаточное* основаніе, для пониманія котораго такихъ категорій, какъ добро и зло, *недостаточно*. Съ этой точки зрѣнія взглянули мы на вопросъ объ экономическомъ развитіи Россіи. Капитализмъ разрушаетъ такъ-называемые „устои", но это удается ему только потому, что „устои" никуда негодны и сами разваливаются. Словомъ, капитализмъ развивается потому, что онъ, при данныхъ условіяхъ, есть единственная, возможная форма подъема производительныхъ силъ страны; а такого подъема, не говоря уже о расширеніи потребностей, требуетъ ростъ населенія.

Такимъ образомъ, капитализмъ не только зло, но и могущественный факторъ культурнаго прогресса,—факторъ, не только разрушающій, но и созидающій. Это

прекрасно понимали и понимаютъ на Западѣ тѣ, кто во имя идеаловъ соціальной справедливости выступили на борьбу съ капитализмомъ.

Вся современная матеріальная и духовная культура тѣсно связана съ капитализмомъ: она выросла или вмѣстѣ съ нимъ или на его почвѣ. Мы же, ослѣпленные какимъ-то непомѣрнымъ національнымъ тщеславіемъ, мнимъ замѣнить трудную культурную работу цѣлыхъ поколѣній, суровую борьбу общественныхъ классовъ, экономическихъ силъ и интересовъ построеніями нашей собственной „критической мысли", которая открыла трогательное совпаденіе народно-бытовыхъ формъ съ своими собственными идеалами. И добро бы та почва, на которой мы собираемся сооружать, безъ содѣйствія историческихъ силъ, наше пышное зданіе, оправдывало такое тщеславіе! Между тѣмъ на этой почвѣ еще не простылъ слѣдъ крѣпостного права, которое, конечно, въ свое время было не только злой выдумкой.

Симпатіи къ трудящейся народной массѣ не монополія народниковъ, и мы также чувствуемъ глубокое сожалѣніе къ разоренному страдальцу-народу. Но картина его разоренія лучше всего доказываетъ намъ его культурную безпомощность. На почвѣ ея, страшно вымолвить, крѣпостное право—меньшая утопія, чѣмъ обобществленіе труда.

Нѣтъ, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

1. Приростъ населенія за время 1858—1878 *).

Размѣръ надѣла въ дес.	Крестьяне: Государств.	Помѣщичьи.	Удѣльные.
До 2	12,6%	18,3%	12,8%
Отъ 2—4	17,9 »	20,0 »	16,1 »
» 4—6	22,6 »	23,5 »	18,3 »
» 6 и болѣе	26,9 »	29,4 »	22,2 »

2. Приростъ населенія за время 1858—1878 въ губерніяхъ центральной земледѣльческой области **).

ПОЛОСЫ:	Размѣръ надѣла въ десятинахъ. до 1	1—2	2—3	3—4	4—5	5—6	свыше 6 (%)
Черноземная незалежная	17,3	17,5	20,0	22,7	26,0	30,0	30,6
Черноземная полузалежн.	17,0	21,3	19,9	21,9	27,5	28,4	33,1
Переходная	13,2	14,6	19,4	17,6	22,8	23,0	24,1
Промыслово-лѣсистая	18,7	13,8	17,7	17,1	22,0	17,4	20,0
Во всей области	16,6	17,3	19,0	21,2	25,4	27,6	30,3

«Приростъ населенія,—замѣчаетъ по поводу этихъ цыфръ г. Семеновъ (l. c. XL),—возрастаетъ съ замѣчательной правильностью, съ увеличеніемъ цыфръ надѣла. Въ самой типической изъ полосъ области, черноземной незалежной, замѣчается та же правильность. Частныя же уклоненія отъ этой правильности замѣчаются въ двухъ полосахъ: полузалежной и переходной. Уклоненія эти могутъ быть объяснены тѣмъ, что въ восточной полузалежной полосѣ не одно количество надѣльной земли обусловливаетъ приростъ населенія, такъ какъ при многоземеліи полосы, крестьяне въ нѣкоторыхъ ея мѣстностяхъ имѣли постоянно возможность дешеваго найма земли въ значительномъ количествѣ, тогда какъ въ другихъ собственники земель довели уже наемныя платы до весьма высокихъ размѣровъ. Въ переходной полосѣ приростъ населенія обусловливается также не однимъ количествомъ надѣла, но и его качествомъ, которое далеко не такъ однородно, какъ въ двухъ черноземныхъ полосахъ, а наоборотъ, весьма разнообразно. Наконецъ, въ промыслово-лѣсистой полосѣ цыфры прироста населенія уже вовсе не

*) Стат. Врем. Серія III. Вып. 10.

**) Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи. Вып. 1. Спб. 1880.

находятся въ соотвѣтствіи съ количествомъ надѣла, и это обстоятельство выясняется изъ того, что въ этой полосѣ благосостояніе населенія, какъ и вообще средства его существованія, не находятся въ непосредственной зависимости отъ земледѣлія, а въ значительной мѣрѣ обусловливаются мѣстными и еще болѣе отхожими промыслами».

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

1. Вывозъ изъ Россіи льна, кудели и пакли за періодъ 1877—1891 [1]).

	Въ пудахъ.
1877 г.	11.829.527
1878 »	10.239.532
1879 »	12.537.665
1880 »	11.122.455
1881 »	14.833.010
1882 »	13.639.350
1883 »	12.457.080
1884 »	12.781.961
1885 »	11.287.917
1886 »	8.622.808
1887 »	10.447.206
1888 »	13.158.527
1889 »	12.479.203
1890 »	13.305.057
1891 »	12.709.856

2. Сборъ льнянаго волокна въ Европейской Россіи безъ Польши (въ пудахъ) [2]).

	1888.	1889.	1890.	1891.	1892.	1893.
Нечерноземная полоса.	11.689.127	12.970.689	12.179.492	12.290.650	12.741.795	14.313.521
Черноземная полоса.	4.570.819	6.275.219	5.447.678	2.897.068	5.788.649	10.058.168
	16.260.046	19.245.908	17.627.170	15.187.718	18.530.444	24.371.689

[1]) Матеріалы по разработкѣ тарифовъ Р. Ж. Д. Вып. II и Торговля въ 1892 г. Вып. 4-й.

[2]) «Вѣстникъ Финансовъ». 1892. № 16 и 1894. № 22.

3. Сборъ льняного волокна въ льноводныхъ губерніяхъ.

	1888.	1889.	1890.	1891.
Западный районъ	4.750.700	5.356.380	5.510.614	5.402.812
Восточный районъ. . . .	4.505.167	5.032.976	4.060.537	4.347.039
Итого по обоимъ районамъ	9.255.867	10.389.456	9.571.151	9.749.851

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Сборъ конопляпаго волокна въ Европейской Россіи безъ Польши (въ пудахъ) [1]):

1888.	1889.	1890.	1891 [2]).	1892.	1893.
9.334.630	8.228.527	7 957.912	5.905.912	9.714.988	13.466.550

[1]) «Вѣстникъ Финансовъ». 1892. № 16. 1893. № 13. 1894. № 22.

[2]) Сборъ коноплянаго волокна въ 1891 составилъ въ Воронежской губ. 1/8 сбора 1889 г. и 1/3 сбора 1890 г. Въ главной по производству пеньки Орловской губ. онъ упалъ въ 1891 г. до 481.223 пуд. противъ 1.498.813 пудовъ въ 1889 г. («Вѣстникъ Финансовъ». 1892. № 16). Общій сборъ коноплянаго волокна въ Европейской Россіи (съ Польшей) въ 1892 г. превысилъ на 54,1% сборъ 1891 года.

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
7	6 снизу	прогресса	процесса
41	4 сверху	построяніямъ	построеніямъ
52	2 сверху	универсильность	универсальность
—	1 снизу	и	, но и
57	прим. 1	sonnolle	sinnvolle
64	3 сверху	прилагается	прилагаются
83	передъ 10 снизу	III	II
108	9 сверху	какого-нибудь	сколько-нибудь.
111	16 сверху	ляд	для
138	прим. 2	(1893)	(1892)
142	1 снизу	Ольтама	Ольдгама.
146	передъ 11 сверху	пропущена цыфра IV	
177	5 сверху	игнорируетъ	игнорируютъ
225	12 сверху	благосостояніи	благосостояніе

Цѣна 1 р. 50 к.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.